

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 10 (268)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 10 (268). – 166 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>B. Наумкин.</i> Многомерный кризис. Разнообразное воздействие украинской коллизии на миропорядок	5
<i>И. Дискин.</i> Новое похищение Европы.....	9
<i>Ш. Кашаф.</i> В тисках идентичности: Исламские сообщества в публичном пространстве Запада и русско-мусульманского мира	18

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>P. Нуруллина.</i> Развитие традиционного ислама в Татарстане в контексте формирования межконфессиональной толерантности.....	37
<i>A. Боров.</i> Политизированная этничность: «Черкесский вопрос» – еще один очаг напряженности на Северном Кавказе?	41
<i>A. Данков.</i> Современная Центральная Азия: Социальные тренды и политика	57
<i>Ж. Урманбетова.</i> Безопасность в Киргизстане	61
<i>P. Масов, В. Дубовицкий.</i> Присоединение Средней Азии к России: События через призму трех веков	69

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>T. Оруджова.</i> Состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана.....	93
<i>В. Ягъя, Д. Соломина.</i> Отношения России и Турции в ХХI веке: Тенденции и трудности.....	103
<i>M. Арунова.</i> Афганская проблема и соседние мусульманские страны	119
<i>E. Дорошенко.</i> Государственная идеология новой Ливии как отражение социально-политических процессов в стране	140

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>З. Левин.</i> Проблема мультикультурализма и конфликтный потенциал диаспоры	150
<i>M.-С. Магомедов, П. Магомедова.</i> Место шариата и адата в исламе, их сходство и различие	159

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Наумкин,

член-корреспондент РАН, директор ИВ РАН

МНОГОМЕРНЫЙ КРИЗИС.

РАЗНООБРАЗНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

УКРАИНСКОЙ КОЛЛИЗИИ НА МИРОПОРЯДОК

Воздействие украинского кризиса на существующий миропорядок оказалось настолько многомерным, что пока трудно предугадать последствия – независимо от того, каким станет конечный исход (если о таковом вообще можно говорить). В этой короткой публикации мне хотелось бы затронуть лишь некоторые аспекты данной проблемы.

Сначала о мировом порядке. Происходящее на Украине – одновременно и порождение кризиса мирового порядка, и фактор, его усугубляющий. Произошедший на наших глазах распад украинской государственности едва ли можно рассматривать изолированно от общего кризиса международной системы. Его причиной стали и эрозия механизмов, поддерживавших традиционное, порой весьма искусственное и ущербное нациестроительство, и крах неэффективного управления до предела коррумпированных авторитарных правителей, и спонтанные народные движения, и резкое обострение межэтнических и межконфессиональных противоречий, и безумный разгул «сменорежимных» политических инженерий Запада, и бурный рост активности обществ и властей, стремящихся оградить от этого опасного вмешательства свою исконную идентичность.

В отдельных кабинетах американского истеблишмента, в том числе в Госдепартаменте, присутствуют группы неоконсерваторов, которые всё активнее стремятся перестроить мир по своим лекалам. Они рассчитывают на то, что инструменты транснациональной мобилизации массовых движений могут быть эффективно

использованы для реализации определенных геополитических замыслов, деформирующих позитивные изменения в мировом порядке, и для реанимации институтов холодной войны, в частности НАТО. Однако они явно не поняли суть и направленность трансформационных процессов, к тому же проявляют незнание истории, без уяснения уроков которой любые планы почти всегда обречены на провал.

Не случайно известный американский аналитик Уильям Пфафф с недоумением вопрошают: «Почему славянская и православно-униатская Украина, история которой болезненно сплетена с российской, должна стать членом того, что было и в значительной степени остается постримской Европой Карла Великого?» Пфафф считает, что провоцирование некоторыми вашингтонскими чиновниками мятежа против законно избранного президента (в частности Викторией Нуланд, активно действовавшей за кулисами) и вбрасывание 5 млрд долл. в поддержку «демократических институтов» на Украине с целью оторвать ее от России лишь создали «ненужный кризис» в американо-российских отношениях и разожгли «дестабилизирующую этническую напряженность в критически важном уголке мира». Несоответствие этого национальным интересам США настолько очевидно, полагает аналитик, что он даже допускает, будто Обама мог быть не в курсе действий этих чиновников.

Известный американский политолог Раджа Менон обращает внимание на то, что брюссельская штаб-квартира НАТО явно попыталась использовать крымский кризис как *raison d'etre* для альянса и механизма укрепления единства и решимости его членов. «Но увы! – заключает Менон, – украинское обострение не спасет альянс». Он пишет: «Как много членов старого НАТО, вы думаете, с облегчением вздохнули в 2008 г. в связи с тем, что Грузия не была членом НАТО и не могла прибегнуть к статье V Договора, чтобы потребовать защитить себя от России? Полагаю, что не меньшее число участников облегченно вздохнули и теперь в связи с тем, что в НАТО не входит Украина...» И еще одно заключение, с которым трудно не согласиться: «С учетом того, насколько уязвимыми чувствуют себя Молдавия, Грузия и Украина, крымский кризис делает перспективу их приглашения в альянс не более, а еще менее реальной». Наиболее здравомыслящим политикам понятно, что назрела необходимость замены обветшальных систем безопасности времен «холодной войны» на новые, инклузивные и

транспарентные структуры, основанные на принципе обеспечения равной безопасности для всех.

Теперь о российско-турецких отношениях. Влияние на них кризиса не ограничивается крымско-татарским фактором, хотя последний, безусловно, важен. По оценкам, в Турции живут около 5 млн потомков крымских татар, переселявшихся на протяжении более полутора веков (сравним это число с менее чем четвертью миллиона татар, проживающих в Крыму). Первая волна – после победы России в войне с турками в 1783 г. и присоединения Крыма, вторая – после окончания Крымской войны, т.е. с 60-х годов XIX в., третья – после революции 1917 г. и четвертая – во время и после Второй мировой войны. Подавляющее большинство давно ощущают себя турками, но некоторая часть обладает стойкой исторической памятью. Среди них есть и те, кто мечтает о восстановлении крымско-татарской автономии, и те, кто хотел бы распространить среди живущих в Крыму татар радикальные исламистские взгляды. В Турции действуют несколько националистических группировок, объединяющих незначительное число потомков иммигрантов с полуострова, у которых, как считают турецкие коллеги, есть последователи и на исторической родине.

Тем не менее сегодня Турция ни в коем случае не заинтересована в дестабилизации, напротив, она могла бы стать союзницей Москвы в ее активных действиях по привлечению на свою сторону крымскотатарского меньшинства через его интеграцию в социально-политическую жизнь, привлечение к управлению двумя новыми субъектами Федерации и удовлетворение национальных чаяний, которые игнорировались Украиной.

Крым может стать выгодной площадкой для турецких инвестиций с учетом уникально короткого транспортного плеча. Однако пока препятствием является непризнание Анкарой воссоединения России с Крымом. Тем не менее есть немало способов преодолеть формальные ограничения, вызванные «трансатлантической солидарностью». Турция озабочена судьбой примерно 5 тыс. своих граждан, обосновавшихся на полуострове, большинство из которых занимаются бизнесом. В Крыму также активно действовало Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА) – некий аналог американского *US AID*. Продолжение их деятельности под вопросом и, как мне думается, скорее всего, будет сведено к нулю. В крымских мечетях также служили около пяти десятков присланных из Турции имамов. Не будем забывать, что в Крыму активно действовали ячейки транснациональной ис-

ламистской организации «Хизб ут-Тахир аль-Ислами», запрещенной в России; здесь проповедовали и ваххабитские эмиссары.

Нет сомнения, что подписанный Владимиром Путиным указ о реабилитации репрессированных народов Крыма и возможность создания на его основе в двух новых субъектах Российской Федерации национально-культурных автономий, в том числе крымско-татарской, будут значительно содействовать победе в борьбе за умы и души этой важной части населения полуострова.

Наконец, нельзя не согласиться с тем, что договориться об урегулировании кризиса должны в первую очередь сами украинцы. Однако никуда не деться и от того, что без согласия между Москвой и Вашингтоном никакие договоренности не могут быть выполнены. Похоже, все на Западе хорошо поняли, что «крымское досье» закрыто окончательно и бесповоротно, а Москва действительно не имеет намерений посыпать войска в юго-восточные области Украины и вмешиваться в события. Но, по-моему, Вашингтону следует осознать, что, блестяще сыграв крымскую партию, Путин будет добиваться решения двух главных стратегических задач, жизненно важных для России.

Во-первых, обеспечение автономизации юго-восточных регионов Украины через конституционную реформу, параметры которой должны быть определены через общенациональный диалог с участием всех регионов (хорошо, что Сергей Лавров уже заменил в публичных речах лозунг федерализации, вызывающий отторжение у многих, даже дружественных нам, политиков вроде Александра Лукашенко, на лозунг децентрализации) при защите интересов русского и русскоговорящего населения, достойной роли русского языка.

Во-вторых, обеспечение нейтрального статуса Украины. Впрочем, продолжение курса на втягивание обанкротившейся и полуразвалившейся страны в военно-политический блок было бы полным безумием.

Хотелось бы думать, что украинцам удастся договориться о выполнении соглашений, достигнутых в Женеве. Однако исключать негативного развития событий не следует. Предположим, что разоружить все незаконные формирования не удастся, не получится и остановить эскалацию насилия. Рискну предположить, что при подобном сценарии может возникнуть вопрос о введении на Украину международного миротворческого контингента (естественно, с участием России и при безусловном соблюдении норм международного права, т.е. с получением соответствующего ман-

дата). В этом будет заинтересован и Запад, ведь по сути интересы по сохранению целостности и стабильности Украины, ликвидации в ней очагов напряженности совпадают. Продолжив упорствовать в нежелание выполнять женевские договоренности, нынешние киевские лидеры сами сделают такую альтернативу неизбежной.

«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., т. 12, № 2, март-апрель, с. 18–21.

И. Дискин,

председатель комиссии Общественной палаты РФ
по вопросам развития гражданского общества
и взаимодействию с общественными палатами
субъектов РФ

НОВОЕ ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Многие проблемы экономической стратегии Америки можно решить, если бы вдруг удалось разрушить вполне добрые экономические отношения России и ЕС, включая сложившееся партнерство между «Газпромом» и ведущими европейскими энергетическими корпорациями.

Американская агентура в ЕС, т.е. в Польше и странах Балтии, а также политики евроатлантической ориентации, включая действующее руководство Еврокомиссии, длительное время кричали об «энергетической безопасности», об опасности зависимости от поставок России, которая де использует их в качестве «энергетического оружия». И это при том, что наша страна всегда была супернадежным поставщиком. Именно активность американской агентуры в противодействии проектам «Газпрома» – важный индикатор значимости этой проблемы для стратегии США.

События последних месяцев – возвращение Крыма в «родную гавань», российская защита фундаментальных прав жителей Юго-Востока Украины – привели к обострению отношений с Западом, к стремлению США превратить нашу страну в международного изгоя. На поверхности – события на Украине и кардинально разная их интерпретация.

Однако такое представление происходящего кажется, во-первых, слишком легковесным, а во-вторых, искажает существо идущих процессов, подлинные интересы ключевых игроков. Украина, скорее, только повод для решения Америкой своих насущных проблем. Не было бы ее, скорее всего придумали бы что-

нибудь еще, так же, как это попробовали сделать с нами в августе 2008 г. Настаиваю: главная цель «новой холодной войны» – не только Россия (она должна расплатиться за сопротивление глобальному гегемону), но прежде всего Европа.

Тупик инерционного сценария

Глобальный экономический кризис еще далек от своего завершения. Он не только не решил накопившиеся структурные проблемы, но, напротив, обострил многие из них.

Сложности Европы, трудности развивающихся рынков, тревоги из-за спада темпов роста Китая, «жесткой посадки» его экономики отодвинули с авансцены проблемы Америки. Следует отдать должное, администрация Барака Обамы, наплевав на рецепты жесткой экономии, которые диктуют «другим» МВФ и Мировой банк, начала стимулирование экономики через политику «количественного смягчения» – почти неограниченную эмиссию. Но этот путь был возможен лишь при непоколебимой роли доллара, который при катаклизмах мировой экономики казался всем надежной «тихой гаванью».

Кризис тем самым обнажил тесную связь между экономикой Америки и ее ролью «мирового жандарма», способного доставить бездну проблем, если не довести до национальной катастрофы любую страну, бросившую вызов единственной сверхдержаве. Кроме того, практически глобальным консенсусом стало убеждение, что значение США для мировой экономики столь велико, что весь мир при необходимости бросится ей на помощь, чтобы не допустить глобальной катастрофы. Принцип «too big to fail» – здесь просто императив.

Но тот же кризис показал, что при всей значимости американской экономики глобальный экономический климат определяют все больше игроков. Многополярная экономика продвигает много-полярную политику с ее учетом законных интересов влиятельных игроков. Коллизии с введением экономических санкций против России – тому подтверждение.

Радостные сводки о восстановлении американской экономики не могут снять с повестки дня проблему фундаментальной и углубляющейся угрозы последствий роста национального долга, уже превысившего ВВП.

Свертывание политики «количественного смягчения», угрожающей ростом инфляции, необходимость повышения ответст-

венности субъектов экономики за принимаемые решения требуют отказа от бесплатной раздачи денег банкам, повышения ставки рефинансирования. Но это, в свою очередь, катастрофически повышает стоимость обслуживания национального долга. Например, повышение ставки для прежде крайне низкого уровня в 2,5–3% ведет к бюджетным затратам на оплату лишь процентов по долгу в 320–400 млрд долл. Для начала же погашения тела долга нужен уже первичный профицит бюджета не менее полутриллиона, т.е. почти 4% ВВП.

Ясно, что простое решение – ограничение бюджетных расходов и повышение налогов не может быть принято американским истеблишментом. Прежде всего это чревато политическими потрясениями. Резкое падение жизненного уровня бедных, вылет миллионов из рядов среднего класса обострит многие напряжения. Никто не хочет возврата в бурлящие 1970-е. Но это на деле и не даст желаемого результата. Рост налогов и снижение социальных расходов – путь к потере национальной конкурентоспособности, снижению доходов и ухудшению платежного баланса. То есть – нисходящая спираль.

К этому можно добавить и явное снижение глобальной роли Америки. Уже многие указывают, что бремя глобальной ответственности привело к имперскому перенапряжению. Какой-либо новый кризис может пошатнуть позиции «мирового жандарма». Но тогда пошатнется и глобальная роль ведущих американских банков, всего финансового сектора – главного добытчика. В этой ветке сценария видна бездна, в которую не хочется и заглядывать.

Представляется, что эти тупики инерционного сценария вполне очевидны тем, кто на деле стоит у руля Америки.

Поиски приемлемой альтернативы

Сегодня явно оживилась дискуссия между сторонниками Realpolitik, указывающими на риски продолжения прежнего внешнеполитического курса США, с одной стороны, и фундаменталистами, абсолютно не готовыми учитывать изменившиеся реалии, – с другой.

Первые, по существу, призывают к выработке стратегии «организованного отступления», удержания жизненно необходимых рубежей. Именно они настаивают на переориентации внешней политики США на Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом они готовы, хотя бы на словах, учитывать интересы влиятельных

игроков глобального «оркестра». «Реалисты» верят, что основные «игроки» действуют вполне реалистично и вполне возможно найти взаимоприемлемый баланс их интересов.

Вторые же настаивают на жестком ответе на любой вызов (реальный или мнимый) глобальной гегемонии США. За их позицией – убежденность в провиденциальной миссии «сияющего града на холме», несущего миру ценности свободы и демократии. Именно здесь почти противоестественное родство внешнеполитических взглядов консерваторов и ультралибералов. Родство, скававшееся, например, при выработке ястребиной реакции на действия России.

Однако среди консерваторов, наряду с мессианистами, есть и те, кто достаточно хорошо понимает тесную взаимосвязь между жестким внешнеполитическим курсом США и ее экономическим положением. Им стратегия «организованного отступления» представляется неприемлемым риском. Отступление, как хорошо известно из теории военного искусства, очень сложный вид боевых действий, требующий предельной организации и координации действий отступающих. Достаточно хотя бы временного снижения управляемости – и начинается паника, срыв войск в повальное бегство, военная катастрофа.

Политико-экономическая стратегия во многом похожа. В многополярном экономическом и политическом мире отсутствует жесткая субординация даже между близкими союзниками. В нем при решении многих проблем велика неопределенность и, как результат, велики без того немалые риски внезапного возникновения масштабных кризисов.

Фундаменталисты с подозрением относятся к намерениям любого, кто не готов слепо подчиняться требованиям «старшего партнера». Проявления самостоятельной политики они воспринимают не иначе как заговор против Америки. На такой основе трудно строить отношения, учитывающие интересы «других». Стратегия «организованного отступления» для них не что иное, как капитуляция, замышленная внутренними врагами Америки.

Но все же, если отбросить фобии фундаменталистов, в их позициях есть и свои резоны. Они хотят не рисковать, заключая договоры и соглашения, а выработать стратегию, при которой кто-нибудь другой заплатит за выход из кризиса.

Понятно: кто предложит такой выход, тот и будет доминировать в американской политике. Именно поэтому сегодня они на

авансцене и будут оставаться там, пока провал их стратегии не станет очевидным. То есть надолго.

Кто оплатит выход Америки из тупика?

Выход из тупика требует кардинального роста доходов. Но возможности такого роста ограничены. Весь остальной мир уже и так платит по полной, оплачивая эмиссионный доход США. Внешние доходы американских финансовых институтов не растут. Аграрный сектор также уже не весомый драйвер.

Много надежд возлагается на «реиндустириализацию», на возвращение в метрополию промышленных предприятий из развивающихся стран, прежде всего из Китая, на создание предприятий в новых секторах экономики. Но главная ставка – «сланцевая революция», использование новых технологий добычи нефти и газа из нетрадиционных месторождений. Это уже позволило существенно снизить издержки при производстве электроэнергии и, следовательно, по цепочке снизить издержки во всем реальном секторе.

Но в «сланцевой революции» уже видны крупные проблемы, омрачающие перспективы успеха. Инициаторы «революции» – небольшие компании. Для быстрого роста производства и привлечения инвестиций они продают сланцевый газ зачастую ниже себестоимости. Многие из них близки к банкротству. Число новых осваиваемых месторождений газа снижается.

К тому же, по оценкам экспертов, структура месторождений газа (с нефтью – иная картина) характеризуется большой дифференциацией. Новые месторождения с большой вероятностью будут характеризоваться большими издержками. Налицо большие риски, что «сланцевая революция» в части производства газа может обернуться огромным пузырем, усугубляющим проблемы американской экономики. «Реиндустириализация» и «сланцевая революция» – важные, но совершенно недостаточные факторы восстановления конкурентоспособности США. В бизнесе есть правило: если не удается повысить собственную конкурентоспособность, то нужно стремиться существенно снизить конкурентоспособность основных соперников.

Учитывая масштабы проблемы, в качестве таких соперников видны всего лишь два кандидата: Китай и Европа. Снизить конкурентоспособность Китая не просто. В Америке хорошо помнят, что он – главный кредитор. Крупнейшие американские корпорации зарабатывают на этом растущем рынке много миллиардов.

В структуре экономик Китая и США мало пересечений. Экономика Китая все еще основана на экспорте потребительских товаров, конкурентоспособность которых основана на относительно низких издержках.

Кроме того, начало экономической войны с Китаем – большой риск глобальной катастрофы. Остается Европа. Она – главный конкурент США на многих рынках, прежде всего на финансовом, высоких технологий, инвестиционного машиностроения. Приоритетный ход – создание зоны свободной торговли США и ЕС. Многие европейские эксперты высказывают аргументированные сомнения в перспективах Европы в результате создания такой зоны. Но для того чтобы «копустить» главного конкурента, этого мало.

В экономиках европейского ядра велика роль реального сектора. Соответственно, главное их «окно уязвимости» – издержки, прежде всего энергетика. Европа, к слову сказать, сделала немало для того, чтобы усложнить свое положение. Отказ Германии от ядерной энергетики, увлечение многих стран Европы дорогостоящей возобновляемой энергетикой существенно расширили это «окно уязвимости». Оно станет еще больше, если появится возможность повысить цену на природный газ. Дальнейшее повышение цены на энергоносители, прежде всего природный газ, означает существенное снижение конкурентоспособности Европы. Но здесь загвоздка – Россия с ее огромными и надежными поставками газа по умеренной цене.

Как «развести» Европу?

Наши рассуждения привели к простому выводу: многие проблемы экономической стратегии Америки можно было решить, если бы вдруг удалось разрушить вполне добрые экономические отношения России и ЕС, включая сложившееся партнерство между «Газпромом» и ведущими европейскими энергетическими корпорациями.

Американская агентура в ЕС, т.е. в Польше и странах Балтии, а также политики евроатлантической ориентации, включая действующее руководство Еврокомиссии, длительное время кричали об «энергетической безопасности», об опасности зависимости от поставок России, которая де использует их в качестве «энергетического оружия». И это при том, что наша страна всегда была супернадежным поставщиком. Следует отметить, что до недавнего времени лидеры ведущих стран Европы, их крупнейшие

энергокомпании пропускали эти крики мимо ушей. Об этом свидетельствует их поддержка проектов «Газпрома» по прокладке новых магистральных газопроводов. Поддержка, несмотря на активные интриги американской агентуры.

Именно активность американской агентуры в противодействии проектам «Газпрома» – важный индикатор значимости этой проблемы для стратегии США. Но до недавнего времени прагматические соображения лидеров европейских государств были надежным противодействием этим интригам. Значит, для успеха был необходим шок, который заставил бы европейцев забыть о прагматических соображениях и встать в строй атлантической солидарности. Собственно, вся трагедия киевского Майдана и была задумана как такой шок. Восточное партнерство, придуманное и разыгранное американской агентурой, прежде всего Польшей, было масштабной антироссийской провокацией. Соглашение Украины с ЕС об Ассоциации должно было стать ее кульминацией.

Неожиданный ход России с предложением масштабной альтернативы: разносторонней кооперации украинских предприятий и крупный кредит, который должен был смягчить адаптационный шок Украины, привел в действие сценарий Майдана.

По моей информации, Майдан был запланирован и при подписании Соглашения об Ассоциации. Только лозунг был запланирован другой: «Европейской Украине – европейского президента». Накал провокации нарастал. Силовой переворот, совершенный под диктовку элементов администрации Обамы, напрямую связанных с фундаменталистами, угроза превращения Украины в форпост НАТО, поставил Президента РФ Путина практически в безвыходную ситуацию. Отказ от энергичных действий в защиту соотечественников на Украине был абсолютно для него неприемлем по нравственным основаниям. Этот отказ также неизбежно вел к обвалу внутриполитической поддержки президента. Ловушка почти захлопнулась. Осталось лишь поставить в строй Европу, прежде всего Германию.

Германия в этом сценарии принадлежит особая роль. Кризис заметно усилил ее влияние на общеевропейские дела. Германоцентричная Европа грозила обрести реальную субъектность, установив нормальные отношения с Россией. Это рушило весь сценарий. Усилия всей американской клиентелы были направлены на актуализацию ценностей атлантической солидарности, на то, чтобы европейски ориентированная Германия позабыла о своих национальных интересах.

Очень показательно почти восстание крупнейших германских компаний против самоубийственного следования американской политике санкций.

Завершение сценария уже было проговорено Обамой, заявившим о готовности Америки предоставить Европе любые объемы природного газа. Конкретно это означает, что в Европе начнется строительство заводов по дегазации сжиженного газа, поставляемого из США. Все бы ничего, но цена этого газа будет по меньшей мере на 150–200 долл. за 1000 м³ выше, чем поставляемый сегодня по трубам из России. Вложив огромные средства в новую инфраструктуру поставок из США, сломав наложенную систему поставок из России, назад уже не повернуть. Разница в издержках вытеснит Европу со многих рынков. Немаловажно и то, что, разорвав партнерство с Россией, Европа станет более зависимой от Америки и технологически – в области высоких технологий.

Европа будет опять похищена.

Опять, потому что это не первая попытка ослабления конкурента. Война за распад Югославии, продавливание приема в Евросоюз новых членов с экономиками, далекими от сложившихся в ЕС стандартов, создавали дополнительные проблемы, не позволяли Европе провести реформы, обеспечивавшие ей столь нужную конкурентоспособность. Поражает лишь то, что Европа оказывается не способной сделать вывод из собственной истории, позволяет мифологии атлантической солидарности заслонить насущные проблемы европейского развития.

Легко предвидеть, что эта стратегия ослабления Европы вряд ли будет иметь длительный успех. Наиболее вероятно, что осознание произошедшего, угроза «заката Европы» приведут ее к борьбе за освобождение от пут Америки. Симптомы этого уже налицо. Выборы в Европарламент тому подтверждение. Велика вероятность, что в среднесрочной перспективе возникнет антиамериканская Европа, похлеще, чем во время войны во Вьетнаме.

Что теперь делать России

Прежде всего неустанно объяснять европейским политикам и бизнесу сущность происходящего, последствия обсуждаемого «похищения Европы». Нужно упорно привлекать крупный и средний европейский бизнес к крупным российским проектам. Призы-

вы ответить на санкции разрывом отношений означают втягивание нашей страны в сценарий «похищения Европы».

Убежден, что интересы развития бизнеса, жесткие рамки глобальной конкуренции начнут толкать европейский бизнес на сотрудничество с нашей страной к обоюдной выгоде. Лидеры ведущих европейских государств вряд ли смогут долго игнорировать интересы бизнеса и широких социальных групп, заинтересованных в сотрудничестве с Россией. И тогда морок идеологической войны станет постепенно рассеиваться.

Немаловажны в этой связи и идеиные усилия. Неумны и во все непродуктивны пассажи: «Россия не Европа». Это либеральные истерики, отринувшие свои христианские корни, отказывающиеся от великого европейского наследия – не Европа. Россия же, напротив, подлинная Европа, взявшая на себя миссию сохранения ее исторически сложившихся фундаментальных ценностей. Россия традиционно доводила до совершенства многие европейские направления и стили. Вспомним творения Кваренги и Росси, Петипа, Тургенева, Чайковского, художников и поэтов Серебряного века, гениев модерна и футуризма, без которых невозможно представить историю европейской культуры.

Сегодня Россия подхватила историческую эстафету сохранения подлинной Европы. Следует отдать должное американским фундаменталистам, почувствовавшим в Президенте Путине реальную и непосредственную угрозу их планам – лидера, способного пробудить в европейцах тягу к своим корням, создать идеино-политический противовес планам «похищения Европы». Этим объясняется антипутинская истерика. Важный ресурс – развитие БРИКС. Реакция наших партнеров по этой коалиции, заблокировавшая попытки исключить нас из «двадцатки», осудившая политику санкций, показала правильность стратегической линии России на развитие отношений с влиятельными государствами, входящими в эту коалицию. Представляется, что ее значимость в мире будет только расти вместе с повышением политического и экономического веса ее участников.

Сложившаяся конфигурация внутри БРИКС мультилицирует политический вес России, расширяет возможности ее влияния на глобальные процессы. Непростительной ошибкой было бы этим не воспользоваться на пользу и России, и мировому развитию.

Не следует пренебрегать и конструктивным диалогом с американскими «реалистами». Такой диалог призван подготовить конструктивную альтернативу авантюристическому курсу фунда-

менталистов. Россия вместе с партнерами по БРИКС, американскими «реалистами» и ответственными европейскими политиками, противостоящими «похищению Европы», должна организовать диалог по институциальному дизайну глобального управления в условиях многополярного мира.

Именно в его рамках станет возможно «освобождение Европы». Для нас судьба Европы – наша общая судьба.

«Стратегия России»,
М., 2014 г., № 6, июнь, с. 29–36.

Ш. Кашаф,

научный редактор, аспирант (РАНХиГС)

В ТИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ:

ИСЛАМСКИЕ СООБЩЕСТВА

В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДА

И РУССКО-МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Последствия смены глобальной парадигмы XXI в., утверждающей существование более открытого, прозрачного и взаимосвязанного мироустройства, атрибутируют растущую культурную сложность как важный феномен, являющийся характеристикой и одновременно условием социогенеза плюралистических сообществ. Плюрализм культур выступает антиподом культурной гомогенности, постоянно воспроизводясь под воздействием разных факторов, сохраняя при этом все богатство в обществе составляющих его культурных единиц, которые, говоря словами В.А. Тишкова, самостоятельны и целостны в своей самости и обладают схожими структурами-свойствами, но отличаются своим содержательным проявлением¹. В трактовке Ю. Хабермаса культурная сложность является собой «многообразие культурных форм жизни, этнических групп, конфессий и картин мира»². Однако свойственное для эпохи глобализации дробление мира на множество

¹ Тишков В. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпиго. – М., 2013. – С. 152.

² Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 374.

социальных, социокультурных, конфессиональных, национально-этнических и иных мажоритарных сообществ и групповых меньшинств приводит к тому, что проблема гражданского сплочения в социально и культурно разнородных обществах приобретает политическое измерение. В результате, как указывает В. Тишков, «для современных государств и для мировой системы в целом всеохватный характер имеют не только проблемы ресурсов и экономики, безопасности и окружающей среды, но и проблемы культуры и самосознания (идентичности)»¹.

Перед этой реальностью сегодня оказываются практически все участники современной миросистемы. Неслучайно специалисты фиксируют уверенную интеграцию в международный контекст тематики национальной идентичности как ресурса развития². Большинство стран на Западе и Востоке сегодня включены в трудные поиски новых идентификационных оснований, которые могут быть положены в стратегии сохранения собственной идентичности. Фундаментальный характер вопроса обретения и укрепления национальной идентичности признается и в России³, принадлежащей, по выражению В.Г. Федотовой, к «другой» (незападной) Европе⁴.

Мусульманские сети на Западе как значимые Другие

В информационную эпоху публичная сфера предоставляет отдельным индивидам и группам широкие возможности через установление прямых контактов между собой создавать коммуникативные сети, приобретающие транснациональные подтексты и не нуждающиеся в посреднических услугах государства как социального института. В условиях, когда «границы между государствами, языковые и классовые барьеры становятся простой формаль-

¹ Тишков В. Указ. соч. – С. 150–151.

² Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Политические исследования (ПОЛИС). – 2010. – № 3. – С. 40–60.

³ См.: Путин В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. – 2013. – 19 сентября.

⁴ Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФ РАН, 1997.

ностью»¹, возникают сообщества идентичности, не связанные с каким-либо сувереном, имеющим чётко определённую территорию. Они также не зависят от его желания или нежелания институализировать их идентификацию в рамках сложившихся национальных традиций и представлений. Этот процесс в публичном пространстве Запада отчетливо демонстрирует мусульманский мир, который «в целом более чем какой-либо другой олицетворяет сетевую модель общества»², подключаясь к складывающейся системе глобального управления (Global Governance). Активно формирующиеся в последние десятилетия мусульманские сети и транснациональные общины по всей Европе все чаще попадают в фокус исследовательского интереса зарубежных авторов³.

По разным оценкам, мусульман, проживающих на Западе в немусульманском окружении в качестве меньшинств, достаточно велико. По словам американского исследователя А. Ахмеда, «ни христиане, ни евреи, ни индузы, ни одна другая религиозная община из числа последователей крупных мировых религий не имеют столь широкого представительства в столь многих странах, где преобладают представители других религий»⁴. Находясь в западноевропейском обществе, выходцы из мусульманских стран могут не воспринимать ни гражданские, ни эссециалистские (примордиялистские), аргументы как достаточные для легитимации связи между членами политического сообщества страны пребывания. Как указывает специалист по исламу А.А. Игнатенко, «часть иммигрантов-мусульман стремится трансформировать страны пребывания “под себя” – сохраняя гражданство страны исхода, самоизолируясь от немусульманской среды, декларируя альтернативную лояльность (байа, байат) какому-нибудь правительству мусульманину за пределами страны пребывания, или действуют

¹ Гайнутдин Р. Выступление председателя Совета муфтиев России на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий // Ислам в странах Содружества Независимых Государств: Международная политика и сфера безопасности. Ежеквартальный научный альманах. Вып. № 2 (7). – М.–Н. Новгород: ИД «Медина», 2012.

² Колобов А.О., Хохлышева О.О. Ислам и его значение в современном ближневосточном урегулировании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 5 (1). – С. 325.

³ См., например: Allievi S., Nielsen J. (eds.) Muslim networks and transnational communities in and across. – Europe Leiden; Boston: Brill. 2003.

⁴ Akbar S. Ahmed. Living Islam, From Samarkand to Stornoway. BBC Books Limited. – London, 1993.

подобно радикальным британским исламистам, которые реализуют лозунг “Ислам – будущее Британии”¹.

Это может обуславливаться тем, что какая-то часть политизированных меньшинств актуализирует принцип «Коран – наша Конституция»². В таком случае референтным для них становится не гражданская нация, а иное сообщество. «Например, некоторые группы мусульманских иммигрантов в странах Запада коллективно осмысливают политические практики под углом зрения принадлежности к мусульманской умме³, а отнюдь не особой (сакральной) интерпретации национального государства»⁴.

Результаты глобализации, стирающие старые водоразделы мусульманского мира, поделенного в соответствии с коранической geopolитикой на три зоны (*дар аль-ислам* («земля ислама») – совокупность стран, признающих ислам государственной религией, *дар аль-харб* («земля войны»), где ислам еще не обрел силы полного господства, и *дар ас-сулх* («земля мира») – территория, ставшая на время областью религиозного и политического перемирия), а также, по меткому выражению Р.В. Курбанова, демографическое и идеологическое «выплескивание мусульман» за черту традиционных ареалов обитания вынудили миллионы мусульман-иммигрантов осваивать Запад «изнутри». Со временем, адаптирувшись к иной социокультурной среде, они вступили в следующую фазу — «начался этап их консолидации и мобилизации», продиктованный «целями защиты собственной идентичности и все более активного продвижения исламской повестки дня в западном общественно-политическом пространстве»⁵.

Проблема консолидации диаспоральных миров особенно актуальна в отношении больших воображаемых сообществ, которые «образуют» новых акторов мировой политики, бросающих вызов политической субъектности государства как национальной общности. Как представляется зарубежным исследователям, мусульмане оспаривают на европейской политической арене «некоторые из

¹ Игнатенко А. Выбор пути // Независимая газета. – 2006. – 27 июня.

² Jonathan L. The emancipation of Europe's Muslims: The state's role in minority integration. Princeton: Princeton University Press, 2012.

³ Умма – мусульманская община.

⁴ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 172.

⁵ Курбанов Р.В. Фикх мусульманских меньшинств. Мусульманское законодательство в современном немусульманском мире (на примере стран Западной Европы и Северной Америки). – М.–Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. – С. 4.

установленных границ в отношениях между религией, государством и политикой»¹. По мнению российского исламоведа и политолога В.В. Наумкина, процесс превращения мусульманской diáspora на Западе во влиятельную общественно-политическую силу «не может не оказывать воздействия на систему государственно-политических институтов в западных государствах. В целом, рост ее численности способствует появлению новых центров силы и нарастанию неопределенности в системе мировой политики»².

Быстро возросшее за последние несколько десятилетий демографическое и общественно-политическое присутствие мусульман на Западе позволяет говорить о них как о «значимых других», хотя бы и находящихся на положении подчиненных меньшинств. Что примечательно, произошло это постепенно, обычно мирно и в некоторой степени вследствие экономических потребностей самих западноевропейских государств. Невзирая на трудности, усугубляемые трагическими событиями 11 сентября 2001 г., ислам становится неотъемлемой частью западного социального, культурного и политического ландшафта³. И подобно другим этническим и религиозным группам, факт его присутствия в западном обществе теперь необходимо учитывать и принимать во внимание⁴. Более того, как считает Ю. Хабермас, если мусульманские иммигранты не могут быть интегрированы в него «помимо» своей религии, «европейцам придется принять их вместе с исламом»⁵.

¹ Nielsen J.S. (ed.) Muslim political participation in Europe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.

² Наумкин В.В. Мусульмане на Западе // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 24. – С. 31.

³ См.: Hunter S. (ed.) Islam, Europe's second religion: The new social, cultural, and political landscape. Westport, Conn.: Praeger, in cooperation with the Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C. 2002.

⁴ Beyond Radical Islam? Session four roundtable Discussion on Islam in the West // Hudson Institute. URL: http://cid.hudson.org/files/publications/Beyond_Radical_Islam—Transcript_4.pdf

⁵ Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuscheogo-ateizma>

Масштабы уммы: Уму непостижимо

Отметим, что сегодня в вопросе об истинных масштабах расселения уммы в западных странах до сих пор отсутствует достоверная статистика, и нет исчерпывающей ясности. Официальной картины на этот счет в западных странах также не существует. Поскольку государственные структуры, занимающиеся национальной переписью населения, по закону не учитывают конфессиональную принадлежность граждан в переписи, подсчетом численности мусульманского населения заняты неправительственные организации, оценки которых по понятным причинам не всегда вызывают у специалистов полное доверие.

Констатируя подобное, американские авторы И. Ба-Юнус и К. Коне, подвергнувшие критическому разбору накопленную к началу «нулевых» годов социологическую литературу по исламу в США, находят сильно разнящимися в источниках за 2001 г. демографические отчеты касательно мусульманского населения в Соединенных Штатах Америки – от близкой к 10 млн, по версии Совета американских мусульман, до примерно 3 млн, согласно данным Национального центра изучения общественного мнения (NORC) из университета Чикаго¹. В 2001–2002 гг. социологи И. Ба-Юнус и К. Коне, отказавшись от исследовательских технологий, которые исходили из обобщений данных, полученных на основе случайной выборки, применили собственный метод исследования, основанный на работе с исламскими религиозными учреждениями США и Канады. Они привлекли свыше 1,5 тыс. информантов – до нескольких десятков на каждый американский штат, которые помогали собирать данные по мечетям, исламским центрам и образовательным учреждениям для детей и студентов из мусульманских семей, а также водителей такси, сыгравших важную роль в деле обнаружения мелких молелен. Согласно оценкам, сделанным в рамках данного проекта, позволившего обследовать свыше 1500 исламских институтов мусульман-суннитов (87% от всех обнаруженных, где удалось получить информацию), в Соединенных Штатах Америки к 2002 г. проживали никак не меньше 5,745 млн мусульман и мусульманок всех возрастов. Как признают социологи, к этой численности следует прибавить еще 0,786 млн

¹ Ба-Юнус И., Коне К. Американские мусульмане: Демографический отчет // Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления. – М.: Идея-Пресс, 2005. – С. 390.

шиитов, подавляющее большинство которых не участвует в суннитских организациях, а также мусульман, принадлежащих к суннитским и шиитским сектам, ускользнувшим от внимания информантов¹.

Исходя из этих расчетов, И. Ба-Юнус и К. Коне смогли несколько уточнить выводы И. Бэгби и его коллег, опубликовавших в 2001 г. результаты первого комплексного исследования под названием «Мечеть в Америке: национальный портрет»², согласно которым численность американских мусульман на начало XXI в. находилась между 6 и 7 млн человек. Полученные двумя группами социологов данные налицо расходились с другими оценками, например, 1,9–2,8 млн, о которых сообщается в отчете Т. Смита, подготовленном для Комитета американских евреев³. Однако принадлежность Смита к Национальному центру изучения общественного мнения при университете Чикаго позволяла относиться к его выборочному исследованию с особым вниманием, в первую очередь в СМИ⁴.

Не менее противоречиво представлен анализ этнодемографической ситуации касательно мусульманского населения в Европе. Скорее всего, мы будем вынуждены признать, что извлекать информацию из западных статистических сводок следует, к сожалению, не слишком им доверяя по причине их крайне несистематического и спекулятивного характера.

Из известных нам работ наиболее цитируемыми являются отчеты социологов из американского института по исследованию общественного мнения «Pew Forum on Religion and Public Life», которые, как следует заметить, только в 2010 г. зафиксировали численность мусульман США выше отметки в 2,5 млн человек⁵. Также они считают, что показатель 5,3 млн должен включать мусульман всех 51 стран Америки в 2010 г., т.е. при условии охвата

¹ Ба-Юнус И., Коне К. Указ. соч. – С. 412.

² Bagby I., Perl P.M., Froehle B.T. The Mosque in America: A National Portrait. Washington, DC: Council on American-Islamic Relations, 2001.

³ Smith T.W. Estimating the Muslim Population in the United States. Chicago: National Opinion Research Center, University of Chicago. – New York: American Jewish Committee, 2001.

⁴ Ба-Юнус И., Коне К. Указ. соч. – С. 395.

⁵ Pew Forum on Religion & Public Life. 2010. The Future of the Global Muslim Population: Projections for 2010–2030. Washington D.C., Pew Research Center. 2011. – P. 141.

ее Центральной, Южной и Северной частей¹. Тогда как И. Ба-Юнус, И. Бэгби и их коллеги, напомним, еще десять лет назад выявили 6–7 млн мусульман только в одних США.

Допуская, что достоверной статистики мусульман в европейских странах также может и не быть, тем не менее, при оценке суммарной численности мусульманского населения Европы (включая Россию), сложившейся к концу первой декады XX столетия, мы будем оперировать цифрой в 44,1 млн, согласно опубликованным в 2011 г. данным «Пью». Как прогнозируют демографы того же института, к 2030 г. эта численность увеличится до 58,2 млн, доведя долю мусульманского населения в пределах европейского пространства с имеющихся 6 до 8%². К рубежу третьей декады мусульмане превзойдут 10%-ный порог от общей численности населения в десяти странах на территории Европы (см. табл. 1).

Таблица 1

Европейские страны с ожидаемой численностью мусульман более 10% в составе их населения, 2030 г. (%)³

Место	Страна	Доля мусульманского населения
1	Косово	93,5
2	Албания	83,2
3	Босния и Герцеговина	42,7
4	Македония	40,3
5	Черногория	21,5
6	Болгария	15,7
7	Россия	14,4
8	Грузия	11,5
9	Франция	10,3
10	Бельгия	10,2

В целом, как показывают расчеты специалистов «Пью», мусульманское население в мире увеличится в ближайшие 20 лет примерно на 35%. Превосходя вдвое темпы роста немусульманского населения, глобальная мусульманская община достигнет показателя в 2,2 млрд человек, пройдя отметку в 26,4% от общего

¹ Pew Forum on Religion & Public Life. 2010. The Future of the Global Muslim Population: Projections for 2010–2030. Washington D.C., Pew Research Center. 2011. – P. 137.

² Ibid. – P. 15.

³ Составлено по: Pew Forum on Religion & Public Life...

числа прогнозируемой численности населения планеты (8,3 млрд) в 2030 г.¹ И в этом случае исламская идентичность может восприниматься «своей» каждым четвертым жителем Земли.

При такой впечатляющей демографической динамике исламские мыслители, однако, критически относятся к мифотворческому дискурсу превращения человечества в единую мега-умму – мировое сообщество «идущих истинным путем Аллаха». Развенчивая распространяемое измышление, представляющее главной задачей мусульман «привести в ислам весь мир», мусульманские богословы констатируют, что весь мир никогда и не примет исламской религии, поскольку так установлено в Священном Писании. В подкрепление чего канадский ученый, проповедник и оратор из Исламского института в Торонто шейх А. Кутти, слова которого приводит Р.В. Курбанов², ссылается на аят из главного источника мусульманского вероучения: «Большая часть людей не уверует, даже если ты страстно будешь желать этого» (Коран, 12:103)³. Тем не менее перцепция мусульманской идентичности в качестве «проблемы для Запада»⁴ по-прежнему остается одной из серьезных причин высокой политизированности в европейском дискурсе.

Alter or Alternative?

В последние годы серия политических дебатов о месте мусульман в Европе по-разному сосредоточивалась на темах интеграции, безопасности, дискриминация и идентичности⁵. Эти дискуссии часто представляют мусульман как новичков на европейском континенте⁶. С тем уточнением, что они образуют то, что К. Колдуэлл называет «параллельные общества». По его словам, новички в Англии сейчас слушают «Аль-Джазира», а не Би-би-си,

¹ Pew Forum on Religion & Public Life... – Р. 13.

² Курбанов Р.В. Фикх мусульманских меньшинств. Мусульманское законодательство в современном немусульманском мире (на примере стран Западной Европы и Северной Америки). – М.–Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. – С. 16.

³ Здесь и далее тексты аятов Корана приводятся по изданию: Священный Коран с комментариями на русском языке. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.

⁴ Akbar S. Ahmed. Living Islam...

⁵ Meer N. Misrecognizing Muslim consciousness in Europe. – Ethnicities, 2012. – № 12 (2).

⁶ Steyn M. America Alone: The End of the World as We Know It. – Washington, DC: Regnery Publishing, 2006.

они сомневаются, стоит ли идти на военную службу в принявший их стране. Интолерантные книжные размышления сторонника мифа о Европии К. Колдуэлла, американского журналиста и главного редактора журнала «The Weekly Standard», о воздействии массовой иммиграции мусульман в Европу в XX столетии¹, представляющие их как силы, которые «терпеливо завоевывают города Европы, улицы за улицей», были обвинены в разжигании исламофобии, или что «The Guardian» (Великобритания) именует как «культура страха»².

Наблюдаемая сегодня по обе стороны Атлантики реакция на новоприбывших носителей инокультурной идентичности чаще всего и выглядит именно так: тревога и ужас. Западный мир, по свидетельству Д. Муази, погрузился «в атмосферу страха, арабы и мусульмане превратились в заложников культуры унижения»³. Большинство горожан Европы охвачены ею словно персонажи французского поэта XVII столетия Ж. де Лафонтена: «А те, которые в живых, смерть видя на носу, чуть бродят полумертвые: Пере-вернул совсем их страх...» (Слова басни «Звери, больные чумой», в которой стихотворец использовал образы животных для обличения пороков общества, российскому читателю более знакомы по сделанному И.А. Крыловым переложению на русский язык «Мор зверей»⁴). Сам Лафонтен, член Французской Академии, испытавший опалу Людовика XIV, закончил свою жизнь в изгнании, нищете и забвении. Однако его произведения не канули в Лету, и сегодня лафонтеновские строки с поразительной точностью иллюстрируют невымышленный глубокий кризис идентичности, от которого страдает Европа.

Как убежден соотечественник прославленного баснописца, французский историк и политолог Д. Муази, в случае Европы можно говорить о вызванном конфликтом эмоций «многослойном

¹ Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam and the West. – London, Allen Lane, 2009.

² См.: Mishra P. A culture of fear. The Guardian, 2009. 15 August. URL: <http://www.theguardian.com/books/2009/aug/15/eurabia-islamophobia-europe-colonised-muslims>

³ Moïsi D. The Clash of Emotions // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86. № 1, Jan/Feb, pp. 1–5. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/62267/dominique-mois%C3%A9si/the-clash-of-emotions>

⁴ Крылов И.А. Мор зверей // Полное собрание сочинений в 3 т. – М.: ГИХЛ, 1946. – Т. 3. – С. 35–38.

страхе»¹. Этую тему он так же развивает в своей статье «Горькое торжество демократии», написанной для книги «Демократия и модернизация» специально к Мировому политическому форуму в Ярославле 9–10 сентября 2010 г. Показывая, как беспокойство от таящейся опасности по многим причинам стало главной тенденцией в развитии Европы, Д. Муази конкретизирует тот страх, который теперь вызывает у нее появление «Другого».

По мнению французского мыслителя, мощнейшим стрессом, затмевающим весь белый свет особенно боязливым европейцам, оказывается ужас перед террористом, особенно когда он представляется в виде мусульманского фундаменталиста с «поясом шахида». Именно этот страх, пишет Муази, «оборачивается представлением о захвате мусульманским миром Европы, в котором пришлые чужаки занимают ведущие демографические и религиозные позиции», при этом сам Старый Свет превращается в «Еврабию»². Допуская, что «Другой» вправе иметь отличные политические и культурные представления и ценности, которые, возможно, могут прийтись не по вкусу европейцам, Д. Муази все же настаивает на императиве уважения его достоинства, признании его права на иную культуру и образ жизни. Более того, следует «соразмерять свои действия с его интересами и правами»³.

Однако заметная часть граждан демократических государств Евросоюза, по наблюдениям аналитиков, в большинстве случаев исламскую идентичность воспринимает как альтернативную идентичности европейской, а ее носителей – исключительно как Значимого Другого, которого можно обвинить во многих бедах, включая угрозы суверенитету и национальной идентичности европейским нациям-государствам. В западном дискурсе прочно устанавливается такая рамка восприятия мусульман, в которой они предстают как «наиболее сложно адаптирующиеся к стремительно меняющемуся западному обществу социальные группы, наиболее упорно сопротивляющиеся включению их в современный социальный и политический мейнстрим»⁴.

¹ Moïsi D. Ibid.

² Муази Д. Горькое торжество демократии // Иноземцев В.Л. (ред.) Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л. Иноземцева. – М.: Европа, 2010. – С. 112.

³ Там же. – С. 115.

⁴ Курбанов Р.В. Указ. соч. – С. 8.

Притом что подавляющее большинство граждан мусульманского вероисповедания, как отмечает ученая И.С. Семененко, обращаясь, в частности, к особенностям идентичности мусульман Великобритании, «не противопоставляет свою религиозную идентичность национальной, считая себя “британскими мусульманами”, и в целом обнаруживает высокую степень доверия к демократическим институтам (при низком уровне политического участия)¹. Анализ этих паттернов идентичности, продолжает рассуждать российский политолог, убеждает в правомерности вопроса, поставленного в одной из работ исследовательницы из Манчестера М. Соболевска, о том, насколько они являются религиозными по содержанию, или же это в первую очередь форма этнополитической и даже расовой идентификации для новых поколений, своего рода замена устойчивых примордиальных идентичностей прошлого². Скорее речь идет, заключает И.С. Семененко, «о формировании гибридных идентичностей, где религиозная составляющая оказывается неотъемлемой частью социокультурной идентичности ее носителей – выходцев из стран исламского ареала»³.

Закономерно, что сопряженный с концептом гибридности феномен *гибридной политической идентичности*, в теоретическом дискурсе преимущественно связанный с межкультурным взаимодействием, не утрачивает свое политическое измерение с момента первых постколониальных исследований от Ф. Фанона⁴, П. Джилроя⁵, С. Холла⁶ к Х.К. Бхабхе⁷ и др. В частности, Я. Питерс,

¹ Семененко И.С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / [Отв. ред. И.С. Семененко]. – С. 50.

² Sobolewska M. Religious extremism in Britain and British Muslims: threatened citizenship and the role of religion // The New Extremism in 21st Century Britain (Extremism and Democracy) / R. Eatwell, M.J. Goodwin (eds.). – London and New York: Routledge, 2010. – P. 56–57.

³ Семененко И.С. Указ. соч. – С. 50.

⁴ Fanon F. Black Skins, White Masks (1952) / Transl. from French by C.L. Markmann. – N.Y.: Grove Press, 1967.

⁵ Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

⁶ Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader / Ed. by P. Williams, L. Chrisman. – N.Y.: Columbia University Press, 1994.

⁷ Bhabha H.K. The Location of Culture. – L., N.Y.: Routledge, 1994.

утверждает, что гибридизация или формирование «глобального меланжа» является процессом сплетения, а не просто диффузии из развитых стран в развивающиеся. С этой точки зрения гибридизация, противостоя культурному дифференциализму расистской и националистической доктрин и одновременно сохраняя «изгнанный, маргинализованный и табуированный опыт», смягчает конфликт идентичностей и способствует их сохранению, хотя и в трансформированном виде¹.

Во многом благодаря такому эффекту оказавшиеся в Западной Европе мусульмане считают себя одновременно и мусульманами, и европейцами, не испытывая при этом состояния внутреннего дискомфорта, разлада с самим собой. «Вы можете быть носителем канадской культуры и при этом быть мусульманином по вероисповеданию, и в этом нет никакого противоречия», – утверждает хорошо известный на Западе Т. Рамадан, профессор современных исламских наук факультета востоковедения Оксфордского университета². Применительно к ситуации мусульманского сообщества России он придерживается той же позиции, говоря, что «мусульманин может быть россиянином, европейцем, и тут нет никакого противоречия»³.

Европейский мультикультурализм как пережиток неоколониализма

С. Хантингтон некогда констатировал: «Европейский колониализм позади; американская гегемония отступает»⁴. Впрочем, опередивший его Э. Гидденс еще раньше увидел «слабеющую хватку Запада»⁵ по отношению ко всему остальному миру. Влияние «ушедшей натуры» колониального прошлого европейских

¹ Pieterse J.N. Globalization and culture: Global melange. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. (2nd ed.).

² Tariq Ramadan: Western Muslims Beyond Integration.

URL: <http://www.onislam.net/english/reading-islam/living-islam/456016-tariq-ramadan-western-muslims-beyond-integration.html> (Дата обращения: 20.03.2014.)

³ Мухаметов Р. Тарик Рамадан: «Будьте активны, прозрачны, полезны»

URL: http://www.wasat.ru/posts/item/228/tarik_ramadan_budte_aktivny_prozrachny_polezny.html (Дата обращения: 20.03.2014.)

⁴ Хантингтон С. Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам // Полис. – 1994. – № 1. – С. 55.

⁵ Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М.: Практис, 2011. – С. 172.

стран, державших в длительной зависимости мусульманские народы, со всей очевидностью проявляется в их сохраняющемся стремлении ограничить постколониальное участие инокультурных меньшинств в общественно-политической жизни рамками дозволения мажоритарных групп в Европе¹.

О необходимости пересмотра неоколониальных подходов в европейской политике ассимиляции, поиску «общего языка с исламом»² неоднократно публично заявлял авторитетный ученый и мыслитель, известный на международном уровне дипломат, профессор Э. Ихсаноглу, в течение девяти лет возглавлявший Организацию Исламского сотрудничества (The Organisation of Islamic Cooperation, до 2011 г. – Организация Исламская конференция)³. Будучи главой второй по величине межправительственной организации после ООН, Э. Ихсаноглу обращался к западноевропейским политикам, утверждая, что «на смену эпохе прямой колонизации Западом больших территорий мусульманского мира пришел новый этап неоколониализма и подчинения, политической и экономической зависимости»⁴. Подчеркивая стремление мусульманских стран к интенсификации межцивилизационного диалога с Западом, исламский общественный деятель недвусмысленно высказывался, что новая форма колониализма может в значительной степени осложнить двустороннюю коммуникацию. Поэтому обе стороны «должны использовать каждую возможность для ведения серьезного и честного диалога на уровне правительств, политических партий, средств массовой информации, университетов и религиозных организаций»⁵.

¹ См.: Мешлок Т.Р. Мусульманские меньшинства в странах Западной Европы во второй половине XX века: На примере Франции и Германии: Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – Краснодар, 2007.

² Ихсаноглу Э. Европа должна найти общий язык с исламом. URL: http://www.info-islam.ru/publ/novosti/mir/eh_ikhsanoglu_evropa_dolzhna_najti_obshchij_jazyk_s_islamom/3-1-0-2605 (Дата обращения: 18.03.2014.)

³ С 1 января 2014 г. Генеральным секретарем ОИС является представитель Саудовской Аравии И. Мадани.

⁴ Ихсаноглу Э. Ислам и диалог цивилизаций: лекция профессора Экмелиддина Ихсаноглу, генерального секретаря Организации Исламской конференции в МГИМО (У) МИД России, Москва, 8 июня 2006 г., на церемонии вручения диплома «Почетный доктор МГИМО». URL: <http://www.mgimo.ru/news/guests/document118373.phtml> (Дата обращения: 20.03.2014.)

⁵ Там же.

Совершая в октябре 2013 г. свой последний официальный визит в качестве генерального секретаря ОИС в Россию, Э. Ихсаноглу вновь констатирует, что по всему миру развернута «оголтелая кампания по дискредитации ислама». Беспокойство известного дипломата и политика, прежде всего, связано с событиями в Европе, где на фоне запретов строительства мечетей и возведения минаретов борьба против исламской религии приобрела тенденцию политизации. «Создается впечатление о том, что отдельные политические партии и движения соревнуются в ненависти к Исламу», – заявил руководитель международной организации Э. Ихсаноглу, выступая в столице Татарстана перед республиканскими парламентариями, представителями интеллектуальной элиты, бизнеса, студенчества и мусульманских религиозных организаций¹.

Отметим, что такой дискурс соотносится и с позицией руководства Российской Федерации, которая с 2005 г. по инициативе президента В.В. Путина имеет статус наблюдателя в ОИС. Рассуждая на Международном дискуссионном клубе «Валдай» 19 сентября 2013 г. о подоплеке так называемого мультикультурализма, подвергнутого сейчас сомнению в европейских, да и в ряде других стран, В. Путин назвал ее своего рода платой за колониальное прошлое. Одновременно, как было подчеркнуто президентом, наблюдаются попытки реанимировать прежнюю однополярную модель мироустройства, размыть институт международного права и национального суверенитета. «Такому однополярному, унифицированному миру не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы. В историческом смысле это отказ от своего лица, от данного Богом, природой многообразия мира», – заключает глава России².

Напомним, что ранее В. Путин в своей программной предвыборной статье в «Независимой газете», посвященной национальному вопросу в России, с той же определенностью высказывался о попытках «ресурскательных европейских политиков», по сути, принудить носителей другой культуры к ассимиляции. Пред-

¹ Ихсаноглу Э. «Нарастают тревожные тенденции политизации борьбы против Ислама» // Ислам сегодня: сайт. 2013. 9 октября. URL: http://islam-today.ru/islam_v_rossii/eixsanoglu_narastayut_trevozhnye_tendencii_politizacii_borby_protiv_islama (Дата обращения: 20.03.2014.)

² Путин В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. – 2013. – 19 сентября.

ставители этнических и конфессиоанльных миноритарных групп, уточняет автор статьи, «должны либо “раствориться в большинстве”, либо остаться обособленным национальным меньшинством – пусть даже обеспеченным разнообразными правами и гарантиями»¹. Но в этом случае, как заключает политик, от поставленного в такие условия гражданина будет сложно рассчитывать на лояльное отношение к собственной стране.

В отличие от западной риторики Россия, утверждающаяся как принципиально иной по сравнению с Западом феномен «политической цивилизации», выстраивая свой дискурс национальной идентичности для развития консолидирующих ее идей и общезначимых смыслов, не может не опираться на духовные и культурно-нравственные принципы и традиции, вовлекая в него всех тех, кому небезразлична судьба Российской Федерации. В условиях «сборки» нации в российскую общность ее бесспорным достоянием сегодня признается многообразие этнического состава (193 национальности²) и религиозной принадлежности (свыше 70 религиозных течений) населения России, скрепленное уникальным историческим опытом сосуществования цивилизаций, по Л.Н. Гумилёву, «этнической комплиментарностью»³.

(Окончание в следующем номере.)

Литература

1. Ба-Юнус И., Коне К. Американские мусульмане: Демографический отчет // Мусульмане в публичном пространстве Америки: Надежды, опасения и устремления. – М.: Идея-Пресс, 2005. – С. 390.
2. Гайнутдин Р. Выступление председателя Совета муфтиев России на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий // Ислам в странах Содружества Независимых Государств: Международная политика и сфера безопасности. Ежеквартальный научный альманах. Вып. № 2 (7). – М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2012.
3. Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г.К. Ольховикова; Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М.: Практис, 2011.

¹ Путин В. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

² По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан.

³ Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. – СПб.: Юна, 1992.

4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: Вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: РОССПЭН, 2013.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. – СПб.: Юна, 1992.
6. Игнатенко А. Выбор пути // Независимая газета. – 2006. – 27 июня.
7. Ихсаноглу Э. Ислам и диалог цивилизаций: Лекция профессора Экмелиддина Ихсаноглу, генерального секретаря Организации Исламской конференции в МГИМО (У) МИД России, Москва, 8 июня 2006 г., на церемонии вручения диплома «Почетный доктор МГИМО». URL: <http://www.mgimo.ru/news/guests/document11837.phtml> (Дата обращения: 20.03.2014.)
8. Колобов А.О., Хохлышева О.О. Ислам и его значение в современном ближневосточном урегулировании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 5 (1). – С. 322–326.
9. Крылов И.А. Мор зверей // Полное собрание сочинений в 3 т. – М.: ГИХЛ, 1946. – Т. 3. – С. 35–38.
10. Курбанов Р.В. Фикх мусульманских меньшинств. Мусульманское законодательство в современном немусульманском мире (на примере стран Западной Европы и Северной Америки). – М.–Н. Новгород: ИД «Медина», 2011.
11. Мешлок Т.Р. Мусульманские меньшинства в странах Западной Европы во второй половине XX века: на примере Франции и Германии: Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – Краснодар, 2007.
12. Муази Д. Горькое торжество демократии // Иноzemцев В.Л. (ред.) Демократия и модернизация: К дискуссии о вызовах ХХI века / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л. Иноzemцева. – М.: Издательство «Европа», 2010.
13. Мухаметов Р.М. Российские мусульмане и внешняя политика: Может ли исламский фактор стать существенным // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 109–118.
14. Мухаметов Р. Тарик Рамадан: «Будьте активны, прозрачны, полезны» URL: http://www.wasat.ru/posts/item/228/tarik_ramadan_budte_aktivny_prozrachny_polezny.html (Дата обращения: 20.03.2014.)
15. Мухаметов Р.М. Мустафа Джемилев: Я горжусь тем, что я украинец // Слово без границ: сайт. URL: <http://wordyou.ru> (Дата обращения: 25.02.2014.)
16. Наумкин В.В. Мусульмане на Западе // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 24. – С. 31–39.
17. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
18. Путин В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. – 2013. – 19 сентября.
19. Путин В. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.
20. Священный Коран с комментариями на русском языке. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.
21. Семененко И.С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: На пути в глобальный мир // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия

- (РОССПЭН), 2012. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / [Отв. ред. И.С. Семененко]. – С. 41–72.
22. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Политические исследования (ПОЛИС). – 2010. – № 3. – С. 40–60.
23. Тишков В. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпиго. – М.: Весь Мир, 2013. – С. 144–194.
24. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФ РАН, 1997.
25. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: Его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002.
26. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushego-ateizma>
27. Хантингтон С. Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам // Полис. – 1994. – № 1. – С. 49–57.
28. Чубаров: У крымских татар на Майдане широкий арсенал ненасильственных, но эффективных методов борьбы. URL: <http://gordonua.com> (Дата обращения: 20.03.2014.)
29. Э. Ихсаноглу: «Нарастают тревожные тенденции политизации борьбы против Ислама» // Ислам сегодня: сайт. 2013. 9 октября. URL: http://islam-today.ru/islam_v_rossii/eixsanoglu_narastayut_trevozhnye_tendencii_politizacii_borby_protiv_islama (Дата обращения: 20.03.2014.)
30. Э. Ихсаноглу: Европа должна найти общий язык с исламом. URL: http://www.info-islam.ru/publ/novosti/mir/eh_ikhsanoglu_evropa_dolzhna_najti_obshhij_jazyk_s_islamom/3-1-0-2605 (Дата обращения: 18.03.2014.)
31. Akbar S. Ahmed. Living Islam, From Samarkand to Stornoway. BBC Books Limited. – London, 1993. – 224 p.
32. Allievi S., Nielsen J. (eds.) Muslim networks and transnational communities in and across. – Europe Leiden; Boston: Brill, 2003. – 332 p.
33. Bagby I., Perl P.M., Froehle B.T. The Mosque in America: A National Portrait. Washington, DC: Council on American-Islamic Relations (CAIR), 2001.
34. Beyond Radical Islam? Session four roundtable Discussion on Islam in the West // Hudson Institute. URL: http://cid.hudson.org/files/publications/Beyond_Radical_Islam_Transcript_4.pdf
35. Bhabha H.K. The Location of Culture. – L., N.Y.: Routledge, 1994. – 285 p.
36. Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam and the West. – London, Allen Lane, 2009. – 432 p.
37. Fanon F. Black Skins, White Masks (1952) / Transl. from French by C.L. Markmann. – N.Y.: Grove Press, 1967.
38. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
39. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader / Ed. by P. Williams, L. Chrisman. – N.Y.: Columbia University Press, 1994, pp. 392–403.

40. Hunter S. (ed.) Islam, Europe's second religion: The new social, cultural, and political landscape. Westport, Conn.: Praeger, in cooperation with the Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C. 2002. – 294 p.
41. Jonathan L. The emancipation of Europe's Muslims: The state's role in minority integration. Princeton: Princeton University Press, 2012. – 366 p.
42. Meer N. Misrecognizing Muslim consciousness in Europe. – Ethnicities, 2012. – № 12 (2). – P. 178–196.
43. Mishra P. A culture of fear. The Guardian, 2009. 15 August. URL: <http://www.theguardian.com/books/2009/aug/15/eurabia-islamophobia-europe-colonised-muslims>
44. Moïsi D. The Clash of Emotions // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86, № 1, Jan/Feb, pp. 1–5. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/62267/dominique-moisi/the-clash-of-emotions>
45. Nielsen J.S. (ed.) Muslim political participation in Europe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. – 347 p.
46. Pew Forum on Religion & Public Life. 2010. The Future of the Global Muslim Population: Projections for 2010–2030. Washington D.C., Pew Research Center. 2011.
47. Pieterse J.N. Globalization and culture: Global melange. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. (2nd ed.), pp. 43–57.
48. Smith T.W. Estimating the Muslim Population in the United States. Chicago: National Opinion Research Center, University of Chicago. New York: American Jewish Committee, 2001.
49. Sobolewska M. Religious extremism in Britain and British Muslims: Threatened citizenship and the role of religion // The New Extremism in 21st Century Britain (Extremism and Democracy) / R. Eatwell, M.J. Goodwin (eds.). – London and NewYork: Routledge, 2010. – P. 32–65.
50. Steyn M. America Alone: The End of the World as We Know It. Washington, DC: Regnery Publishing, 2006. 224 p.
51. Tariq Ramadan: Western Muslims Beyond Integration. URL: <http://www.onislam.net/english/reading-islam/living-islam/456016-tariq-ramadan-western-muslims-beyond-integration.html> (Дата обращения: 20.03.2014.)

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Р. Нуруллина,

Центр исламоведческих исследований АН РТ, г. Казань
**РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОГО ИСЛАМА
В ТАТАРСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

В последние десятилетия Татарстан зарекомендовал себя как регион с устойчиво-стабильными в исторической перспективе гармоничными межконфессиональными отношениями. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что в регионе имеется много-вековой опыт толерантного сосуществования представителей различных религий, который востребован сегодня во всем мире. «Татарскому исламу, который принадлежит к ханафитскому толку (мазхабу), присуща высокая степень толерантности»¹.

Все это результат напряженных усилий со стороны представителей традиционных российских конфессий (православия и ислама) и государственных структур. «Мультикультурное общество не является гармоничным по определению»². В настоящее время в регионе ведется ежедневная кропотливая работа по совершенствованию межрелигиозного диалога. В частности, научное сообщество Татарстана и руководство Духовного управления мусульман предпринимают усилия по возрождению национального богословского наследия. Активно издаются, переводятся, исследуются труды татарских мыслителей, ученых-теологов XVIII, XIX и начала XX в. В просветительской деятельности много внимания уделяется пропаганде религиозного опыта татар, которые в течение многих веков, несмотря на неблагоприятные политические условия,

¹ Малашенко А.В. Предисловие // Мухаметшин Р.М. Ислам в Татарстане. – М.: Логос, 2006. – С. 7.

² Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. – С. 81.

сумели выстроить цивилизованные межконфессиональные отношения в многонациональной России. «Наши предки были мудрыми и выработали определенную модель исламо-христианского сотрудничества»¹.

При этом, как показывают недавние события, проблема религиозного экстремизма в регионе все еще весьма актуальна. «Самое негативное, что “модель толерантного Татарстана”, которую за образец брали многие регионы и государства, может быть разрушена...»². Причиной может служить попытка проникновения идей салафизма (вахабизма) в социокультурное пространство российского ислама.

История салафизма началась в XVIII в.; когда ханбалитский проповедник Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб провозгласил, что мусульманское вероучение после смерти Пророка Мухаммеда было извращено и поэтому необходимо вернуться к истокам «чистого» ислама («ас-салиф ас-салих» – «праведные предки»). Главной чертой нового течения стало буквалистское и примитивное толкование Корана, породившее отрицание значительной части мусульманской вероучительной литературы, а также целого ряда догматов и обрядов, определенных как «бода» – запрещенные нововведения.

Ваххабиты объявили и целый ряд направлений ислама еретическим, приравняв их последователей к язычникам. Отдельные приверженцы салафизма пытаются позиционировать его как безмазхабный ислам. Однако появление и развитие этого течения в исламе связано с ханбалитским мазхабом суннизма, наиболее консервативным из всех четырех. В 1925 г. ваххабизм был признан официальной религией в Королевстве Саудовская Аравия³.

К началу XXI в. это направление ислама в той или иной форме распространилось по всему миру. Новые реалии жизни привели к формированию политической доктрины салафизма. Ее

¹ Из выступления ректора РИУ Р.М. Мухаметшина на II фестивале мусульманской молодежи ПФО (г. Булгар, июнь 2008 г.).

² Юсупов А.Н. Свой среди чужих, чужой среди своих // Конфессиональный фактор в развитии татар: Концептуальные исследования. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 242–245.

³ Ямаева Л.А. Реисламизация: Традиционное и новое в религиозной культуре башкир // Социология и общество: Глобальные вызовы и региональное развитие. Сб. материалов IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Уфа, 23–25 октября 2012 г. – М.: РОС, 2012. – URL: http://www.ssarss.ru/iv_ovsk_fui.html

отличительными особенностями стали непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к замене его исламским, устроенным по законам шариата, недопустимость раздельного существования религии и государства, противопоставление исламского мира остальным цивилизационным моделям, отрижение всех неисламских законов¹.

Распространение данного направления в Татарстане связано с особенностями исламского возрождения начала 1990-х годов, когда в условиях утраты большей части собственных религиозных традиций важную роль сыграла деятельность иностранных миссионеров, а также практика обучения российских мусульман за рубежом. Для определенной части уммы ислам – это прежде всего мировая религия, изначально не связанная с определенной национальной традицией, а если и связанныя, то скорее с арабской, чем с татарской. «Ключевая проблема деятельности... выпускников зарубежных исламских вузов – это адаптация полученных ими знаний к российской действительности, традициям и особенностям развития и современного состояния исламского вероучения в России и в соответствующих ее регионах»².

Характер идеологических предпочтений верующих во многом зависит от успеха деятельности служителей мечетей (имамов) и их способности обеспечить духовные потребности прихожан и формировать у них толерантные установки сознания, характерные для традиционного ханафитского мазхаба. Однако, несмотря на наличие в регионе достаточно большого количества исламских учебных заведений, мечети все еще нуждаются в высококвалифицированных кадрах священнослужителей. При этом существует противоречие между объективной необходимостью в обеспечении мусульманских приходов Татарстана образованными имамами и отсутствием точных знаний о реальном уровне подготовки служителей мечетей, а также их идеологических предпочтениях. Для решения этой проблемы в настоящее время силами Центра исламоведческих исследований АН РТ, под руководством профессора

¹ Ямаева Л.А. Реисламизация: Традиционное и новое в религиозной культуре башкир // Социология и общество: Глобальные вызовы и региональное развитие. Сб. материалов IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Уфа, 23–25 октября 2012 г. – М.: РОС, 2012. – URL: http://www.ssarss.ru/iv_ovsk_fuil.html

² Шаповалов А. Проблемы институционализации исламского образования в современной России // Власть. – 2011. – № 3. – С. 4.

Р.М. Мухаметшина проводится социологическое исследование среди исламского духовенства. Помимо прочего в задачи входит: определить, соответствуют ли взгляды и идеологические предпочтения имамов основным положениям ханафитской религиозно-правовой школы.

Согласно официальным данным, в ведении ДУМ РТ находится порядка 1300 общин-махалля, объединенных в 45 городских и сельских мухтасибатов. На данный момент опрошено методом анкетирования порядка 250 имамов, представляющих мухтасибаты Алексеевского, Альметьевского, Бугульминского, Высокогорского, Дрожжановского, Заинского, Кукморского, Лайшевского, Лениногорского, Мамадышского, Новошешминского, Нурлатского, Пестречинского, Сабинского, Тукаевского, Чистопольского и др. районов.

Несмотря на актуальность темы лишь немногие респонденты (9% опрошенных имамов) включили идеологические противоречия в число практических проблем, с которыми они сталкиваются в своей деятельности (нет единства; разногласия в гыйбадате; ваххабитские проблемы). В качестве наиболее распространенных названы материальные и финансовые затруднения (60%), а также дефицит прихожан (40%). Третьей по степени значимости выступает кадровая проблема.

Данное обстоятельство можно объяснить несколькими причинами. С одной стороны, существует мнение, что масштабы распространения радикальных течений в республике в целом преувеличены. *Подбор фактов [в российских СМИ] тенденциозный, это фактически информационная война против ислама. В Татарстане в меньшей степени, но также все дублируется.* (Из экспернского интервью.) В апреле этого года Духовным управлением мусульман РТ была организована конференция «Ислам-online» для журналистов, на которой было принято решение разработать свод правил по «распространению ценностей ислама» и «методику подачи информации в мусульманских СМИ» с целью формирования «позитивного отношения» к мусульманской умме и искоренения «исламофобских настроений» в обществе¹.

С другой стороны, в сельских общинах, которые в основном и представлены на данном этапе исследования (85% респондентов), проблема радикализма может быть не столь острой, как в

¹ Официальный сайт ДУМ РТ. – <http://dumrt.ru/node/8046> – (Дата обращения 12.04.2013.)

крупных городах. Также свою роль здесь может играть недостаточный уровень богословского образования сельских имамов, который не позволяет им распознать потенциально опасные взгляды даже при их наличии у прихожан. Лишь 38% сельских имамов указали, что имеют какое-либо религиозное образование, из них 18,5% – начальное, 12,5 – среднее, 7% – высшее.

Наконец, также вероятно, что респонденты избегают положительно отвечать на прямо поставленный вопрос в силу ряда причин психологического характера, а фактическая ситуация в ма-халля отличается от результатов, полученных на данном этапе обработки материалов. Так или иначе, возможности инструментария исследования позволяют продолжить работу в указанном направлении.

«Социокультурный потенциал
межконфессионального диалога: Материалы
Международной научной конференции
(Казань 23–24 мая 2013 г.)», Казань, 2013 г., с. 363–367.

А. Боров,

кандидат исторических наук (КБГУ, г. Нальчик)

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ:

**«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» – ЕЩЕ ОДИН ОЧАГ
НАПРЯЖЕННОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?**

Выдвижение на первый план кризисных и конфликтных элементов ситуации на Северном Кавказе стало устойчивой чертой общественно-научного дискурса последних двух десятилетий. Сложившиеся в нем «образы» региона в значительной степени предопределяют углы зрения, под которыми исследователи рассматривают картину прошлого данной территории и современное ее положение. Наиболее общая характеристика позиции Северного Кавказа в общественном дискурсе России – явное несоответствие его периферийного места на политико-экономической карте страны уровню озабоченности, проявляемого к этой территории российским социумом (см.: [Боров, Муратова, 2011]).

Строго говоря, сложившиеся дискурсивные практики часто затрудняют непредвзятый и рациональный анализ региональной общественно-политической ситуации. Задавая алармистский вектор исследований, они одновременно не дают увидеть реальные параметры существующих явлений, создающих проблемное поле.

Скорее всего, с этим связано и недостаточное понимание обострения (примерно с 2008 г.) «черкесского вопроса», как бы органично вписавшегося в контекст нынешних северокавказских угроз, вызовов и их последствий. С точки зрения силовых ведомств, отвечающих за безопасность государства, такое видение проблемы уместно. Но с научной и гражданской точек зрения важнее понять как исторические корни подобных явлений, так и причины их вроде бы неожиданной актуализации. Задача данной статьи – показать, как политизация этничности превращает социально значимый вопрос в конфликтную ситуацию.

Черкесы и Черкесия (историческая ретроспекция)

Поскольку российский читатель вряд ли имеет четкое представление о предмете данного исследования, целесообразно дать хотя бы в самых общих чертах предысторию проблемы. Сам термин «чертесы» употреблялся и употребляется в России, Европе и Турции в двояком смысле. Расширительно он обозначает северокавказских (без Дагестана) горцев вообще. В узком смысле – один из народов Северного Кавказа, чей эндоэтноним *адыге*. Таково первоначальное, основное и более устойчивое значение упомянутого термина¹. В настоящее время черкесы составляют титульное население трех республик Северного Кавказа и в официальном обиходе имеют различную номинацию: в Республике Адыгея – адыгейцы, в Кабардино-Балкарской Республике – кабардинцы, в Карачаево-Черкесской Республике – собственно черкесы. Тем не менее единое самоназвание – адыге – сохраняется, а общая самоидентификация на протяжении последних десятилетий упрочивается.

¹ Соответственно, Черкесией принято называть историческую область, заселенную черкесами. В XVIII в. она охватывала территории Северо-Западного и Центрального Кавказа от устья Кубани до района современного Сочи по побережью Черного моря; левобережную часть бассейна реки Кубань; предгорную и равнинную части бассейна Терека до впадения в него Сунжи. Черкесия не имела политического единства, отдельные субэтнические группы и этнополитические единицы в ее составе выступали самостоятельно в отношениях между собой и с внешними силами. До конца XVIII в. наиболее развитой в социальном отношении, политически активной и влиятельной частью черкесского мира была Кабарда – феодальное княжество в Восточной Черкесии.

Сами черкесы воспринимают в качестве отличительной черты собственного национального существования то, что значительная, по всеобщему убеждению, численно преобладающая часть черкесского этноса проживает за пределами исторической родины – в Турции, Иордании, Сирии, Германии и даже в США. Многими это «рассеяние» воспринимается как аномалия, которая хотя и обусловлена исторически, но может и должна быть как-то «исправлена». В этом усматривается суть «черкесского вопроса».

В течение последних лет этот «вопрос» неизменно присутствует в региональном, российском и международном информационном пространстве, став предметом активного обсуждения в историко-политической публицистике и аналитике. Особую остроту он приобрел в связи с выдвижением требований к Российской Федерации об официальном признании геноцида, совершенного Российской империей по отношению к черкесам в ходе Кавказской войны, и призывами к бойкоту Олимпиады 2014 г. в Сочи [Матвеев, 2011; Боров, 2012; Рябцев, 2012].

С одной стороны, в публицистике современная трактовка понятия «черкесский вопрос» прямо отождествляется с «трагическими проблемами черкесского народа», которые носят исторически заданный объективный характер. Они восходят к Кавказской войне и с тех пор так и остались неразрешенными. Их суть в том, что «Страна адыгов – Черкесия – исчезла с карты мира, а черкесский народ подвергся геноциду со стороны Российского государства и был изгнан с исторической Родины, потеряв население и большую часть территории». Соответственно, под «справедливым решением черкесского вопроса» понимается реализация гарантированного международным правом естественного права адыгов жить на своей земле единой нацией» [Кеш, 2011; Темиров, 2011].

С другой стороны, отдельные аспекты рассматриваемого «вопроса», особенно тема геноцида, в связи с сочинской Олимпиадой рассматриваются как антироссийский политический проект радикального крыла черкесских национальных организаций и внешних сил, враждебных России, проект, не имеющий под собой объективных исторических оснований [Зимние... 2011]. Указывается также, что хотя термин «черкесский вопрос» стал получать большое распространение и обрел, таким образом, некую легитимность, на самом деле подавляющая часть адыгейцев, кабардинцев и черкесов не рассматривают в качестве «самого актуального для их жизни требования признание геноцида адыгов, переселения на российский Кавказ иностранцев кавказского происхождения...

Актуальным содержание “черкесского вопроса” является преимущественно для этнических антрепренеров, активистов и этноидеологов, концентрирующихся в основном в этнических организациях или вокруг них» [Цветков].

Так существует ли «чекесский вопрос» объективно? О «вопросе» в общественно-политической жизни принято говорить в тех случаях, когда статус (положение, ситуация) некоего объекта или субъекта отношений является в данной их системе формально неопределенным, неустойчивым и / или спорным. Помимо объекта или субъекта, составляющего собственно его предмет, в эту систему отношений вовлечено, как правило, еще несколько участников. Неопределенность / неустойчивость ситуации составляют необходимое, но недостаточное условие возникновения того или иного «вопроса». Если *status quo* никем не оспаривается, «вопроса» нет. Он превращается в реальность, когда кто-нибудь из акторов «ставит» его, вводя в политическое пространство. Там он остается до тех пор, пока для каждого из участников одностороннее его решение в своих интересах оказывается либо невозможно, либо сопряжено со значительными издержками и риском, либо пока не будет найдено согласованное решение, удовлетворяющее основных участников процесса.

С использованием предложенных критериев понятие «чекесский вопрос» в самой общей форме может применяться для обозначения исторических ситуаций, в которых наличный политический статус Черкесии и / или черкесов оспаривается и становится предметом взаимодействия (дискуссии, конфликта, сотрудничества) по меньшей мере двух политических акторов, независимо от того, используется ли при этом соответствующий термин. При таком подходе «чекесский вопрос» получает представление не как обсуждаемый предмет сам по себе, а как ситуация его обсуждения. И в этом качестве он существует вполне объективно и возникает в истории не впервые.

Если говорить не в терминологическом, а в содержательно-политическом плане, «чекесский вопрос» возникает в середине XVI в. как вопрос о международно-политическом статусе тех или иных черкесских территориально-политических образований в системе отношений России, Османской Турции и ее вассала – Крымского ханства. Конфликты основных субъектов данной системы отношений и ее эволюция в конечном счете и привели к результатам, которые лежат в основе дискуссий по современному «чекесскому вопросу».

Кабарда оказывается в фокусе дипломатического противоборства и военно-политической активности держав с 1560-х годов. Кабардинский, условно говоря, «вопрос» вычленяется из общеадыгского контекста, приобретает самостоятельное значение, но одновременно остается частью более широкого контекста кавказских проблем. Международно-правовое оформление, а затем и решение «кабардинского вопроса» приходятся на XVIII в. Кучук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., фиксируя отказ Турции от вмешательства в определение статуса Большой и Малой Кабарды, фактически признал их принадлежность России.

Это, однако, не снимало для России проблему установления надежного контроля и имперского судебно-административного порядка на территории Кабарды. Потребовалось еще полвека, чтобы с использованием методов военно-политического давления, карательных экспедиций и экономической блокады решить эту проблему. Характерно, что завершающий этап данного процесса в первой четверти XIX в. сопровождался подлинной демографической катастрофой. Вследствие происходившего с начала XIX в. переселения кабардинцев за Кубань, многочисленных карательных экспедиций и опустошительной эпидемии чумы население Кабарды сократилось в разы.

С начала XIX в. Российская империя приступает к присоединению Закавказья, что обостряет противоречия с Турцией, в том числе и на Северо-Западном Кавказе. С точки зрения российских правящих кругов по Адрианопольскому договору 1829 г. они обрели международно-правовое основание для установления своего суверенитета над закубанскими черкесами. Но в действительности это привело только к смещению фокуса черкесского вопроса с Кабарды на Западную Черкесию. Черкесы не желали признавать над собой власти российского императора и вступили на путь вооруженного сопротивления. Англия не признавала правомерности условий Адрианопольского договора и открыто настаивала на независимости Черкесии, Турция негласно поощряла черкесское сопротивление.

В результате «черкесский вопрос» стал одним из элементов «восточного вопроса» в международной политике второй трети XIX в. При этом он, как ранее конфликтная ситуация вокруг Кабарды, не имел общеадыгского масштаба. Его объем определялся не этническими, а geopolитическими факторами, а динамика зависела от соотношения сил держав и эффективности черкесского сопротивления. Несмотря на поражение России в Крымской войне,

попытки Англии на Парижском конгрессе 1856 г. включить решение «черкесского вопроса» в общее дипломатическое урегулирование оказались безуспешными. Тем самым в международно-политическом плане он был снят с повестки дня, поскольку никто, кроме самих черкесов, не оспаривал теперь условия Адрианопольского мира. Но вновь, как и в случае с Кабардой после 1774 г., России еще предстояло военной силой утверждать свое господство в Черкесии. Завершение Кавказской войны, сопровождаемое масштабной этнической чисткой и массовым изгнанием черкесского населения Северо-Западного Кавказа, подвело черту под «черкесским вопросом» в его первоначальной форме [Панеш, 2007].

Таким образом, для ранней фазы указанного «вопроса» – оспариваемого статуса черкесов – характерно было то, что он инициировался внешними силами. Поскольку при этом преследовались геополитические цели, то «черкесский вопрос» практически никогда не определялся в этнических терминах и не привязывался ко всей исторической области Кавказа, населенной адыгами, – Черкесии как к целостной территориально-политической единице. Предметом противоборства держав оказывались либо более широкие (Кавказ, Северный Кавказ), либо более узкие (Кабарда, Западная Черкесия) политico-географические и этнополитические единицы.

Историческая ситуация, в которой оказались адыги после завершения Кавказской войны, демонстрирует, что актуализация того или иного «вопроса» определяется не только и не столько тяжестью положения соответствующего субъекта, сколько его способностью активно добиваться изменения своей судьбы. Или же наличием иных сил, заинтересованных в открытой постановке данного вопроса и располагающих необходимыми для этого средствами влияния.

Черкесы в Российской и Османской империях не имели реальных сил и возможностей для активной и массовой борьбы за свои интересы, и их политическое национальное движение ни в той, ни в другой империи не развернулось. Теоретически «черкесский вопрос» мог актуализироваться в ситуации острого международного конфликта (войны), в который оказались бы вовлечены эти страны, либо в ситуации глубокого внутреннего кризиса, революции, государственного распада. Совпадение такого рода внешних и внутренних факторов имело место в период Первой мировой войны и в России, и в Турции. Они создали для «черкесского мира» ситуацию неустойчивости и неопределенности. В этом смысле

возникла объективная политическая почва для новой постановки соответствующего «вопроса». Содержание, форма и результаты его актуализации отражали как наследие истории, так и реалии первой четверти XX в.

Перед необходимостью этнополитического самоопределения в той или иной мере и форме оказались все группы черкесского населения на территориях бывших Российской и Османской империй. Но возможности выработки единой общечеркесской программы решения проблемы были весьма ограничены. Этому препятствовали различия в положении отдельных ареалов «черкесского мира» и недостаточная интенсивность информационного обмена, социальных связей и личных контактов. В результате черкесский фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе не получил четкого целостного выражения. Он либо растворялся в «горском интегризме», либо фрагментарно реализовался в локальных комплексах межэтнических отношений в процессе становления советских автономий. Данный фактор в Османской империи интегрировался в geopolитические проекты ее правящих кругов относительно всего Кавказа или, по крайней мере, северной его части. Он ассоциировался с тамошними диаспорами в целом, но преобладание среди них групп западнокавказского абхазо-адыгского круга не подвергается сомнению. Отсюда и исходили идеи некого общего решения «черкесского вопроса», и именно поэтому в соотношении его элементов произошли кардинальные изменения.

На исходе Кавказской войны ядро «черкесского вопроса» сводилось к фиксации территориально-политического статуса Западной Черкесии. Этносоциальные и этнодемографические последствия, а именно – очищение Северо-Западного Кавказа от черкесского населения – вытекали из geopolитических целей и военных соображений. Ситуация начала XX столетия демонстрирует обратное соотношение территориально-политических и гуманистических (социально-демографических) аспектов «черкесского вопроса». Теперь он подразумевает определение статуса групп северокавказского (черкесского) населения, не укоренившегося окончательно в Османской империи.

Три момента представляются здесь наиболее существенными.

Во-первых, черкесская тема формулировалась представителями интеллектуальных, элитных слоев диаспоры и не сводилась к подкреплению военно-политических целей Турции. Она отражала реальный исторический опыт и их собственные представления и

стремления. Выступление представителя черкесов И. Беданока на Третьей конференции «Союза национальностей», состоявшейся в Лозанне 27–29 июня 1916 г., воплотило в себе то, что можно было бы назвать феноменологией «черкесского вопроса». Им были затронуты темы, формирующие неустранимую внутреннюю структуру, концептуальное пространство, в котором движется всякий дискурс черкесских тем, и сегодня оказывающихся на слуху при обсуждении истории российско-кавказских отношений. Это – завоевание Кавказа Россией, жестокость методов ведения войны, изгнание и рассеяние черкесов, ассимиляция и угроза полной утраты ими своей самобытности [Российский...]. В реальной политической практике того времени изменение положения дел в «черкесском мире» зависело в решающей степени не от самих черкесов, а от меры соответствия их интересов, запросов и стремлений (гео)политическим интересам держав. Но в социальном и политическом дискурсе, в публичном проговаривании черкесских проблем этноисторический контекст уже не растворяется в геополитическом контексте противоборства империй, а приобретает самостоятельное звучание.

Во-вторых, отправным пунктом в постановке «черкесского вопроса» образца первой четверти XX в. неизбежно оказывалась оценка ключевого исторического события – завоевания Кавказа Россией и утраты большей частью адыгов своей Родины. Но здесь обнаруживаются расхождения в историческом опыте различных их групп. Поскольку для зарубежной черкесской диаспоры реальные отношения и взаимодействие с российским обществом и государством прекратились с момента изгнания, их отношение к России главным образом формировалось собственно этим событием. Для оставшихся на Северном Кавказе социально-правовое, экономическое, культурное взаимодействие с российским обществом и государством продолжалось и после завоевания. Их отношение к России формировалось не только исторической памятью, но и ближайшим этносоциальным опытом и поиском будущего, поэтому они не ставили на повестку дня «черкесский вопрос» в какой бы то ни было форме [Kosok, 1955, р. 45].

В-третьих, для групп черкесской интеллигенции в России и Османской империи, наряду с последствиями Кавказской войны, еще одним источником неудовлетворенности положением своего народа было осознание его относительной социальной и культурной отсталости по сравнению с Европой и наиболее развитыми сегментами российского и турецкого обществ. Стремление к изме-

нению такого положения связывалось не с возвращением к традиционным общественным устоям, а с включением черкесов в процессы современного развития.

В целом при взгляде на период войн, революций, распада империй 1914–1923 гг. бросается в глаза, что на фоне открывшихся политических возможностей «черкесский вопрос» не получил четко выраженного и результативного политического развития (см. [Исторический... 2006]). Но обнаружилась его сложная феноменология, отражающая и наследие истории, и новую социально-политическую структуру самого «черкесского мира», и наличие альтернативных путей развития государств, где проживают черкесы, прежде всего России и Турции. «Черкесский вопрос» периода Первой мировой войны и вызванных ею революционных потрясений оформился как дискурсивная формация, как зародышевая форма современной его ипостаси.

Современное звучание «черкесского вопроса»

Условным рубежом, с которого фиксируется новый виток актуализации данной проблемы, можно считать середину 1980-х годов, когда наметился глубокий поворот в условиях существования черкесов в СССР и в Турецкой Республике, связанный с либерализацией и демократизацией общественно-политической жизни этих стран [Ozgur, 2011, p. 82]. Исходные стимулы этнонациональной мобилизации в городской среде черкесских интеллектуалов были заданы осознанием далеко зашедших процессов ассимиляции и реальностью перспективы скорой и полной утраты этнокультурной идентичности и в диаспоре, и на родине.

Активизация черкесского национального движения в конце 1980-х годов развивается практически параллельно в России и за ее пределами. Одним из мотивов его быстрого развития была вера в возможность восстановления черкесского единства первоначально в рамках международной организации, символизирующей перспективу реального воссоединения черкесов на родине. В мае 1991 г. в Нальчике прошел Первый Всемирный адыгский конгресс. Здесь была учреждена Международная черкесская ассоциация (МЧА). В Уставе организации ее создание связывалось с целями «этнического самосохранения, самоопределения и развития» [Международная... 2011].

Другими словами, в конце XX в. «черкесский вопрос» впервые был поставлен как вопрос о консолидации и перспективах

глобального адыго-черкесского сообщества в рамках национального движения, получившего международный характер. Сразу же обозначились и основные тематические блоки, составлявшие структуру проблемы, – противодействие процессам культурноязыковой ассимиляции черкесов в странах их проживания; признание Кавказской войны и геноцида черкесов со стороны Российской империи в качестве главного источника их современных проблем; всемерное содействие репатриации. Идея восстановления исторической Черкесии как целостной территориально-политической единицы официально в 1990-е годы не выдвигалась сколь-нибудь влиятельными организациями, но использовалась их этнополитическими «конкурентами» для дискредитации черкесского национального движения в глазах российского руководства.

На протяжении 1990-х годов активность этого движения не порождала напряженности в отношениях с Российским государством, а «черкесский вопрос» не приобрел отчетливого и широкого общественного звучания ни внутри нашей страны, ни за рубежом. Но с 2000-х годов намечается глубокий поворот в развитии фактов, определяющих его динамику. В деятельности высшего государственного руководства темы демократизации и федерализма сменяются темами обеспечения территориальной целостности, единого конституционно-правового порядка, укрепления вертикали власти. Иллюзии о совпадении вектора этнонациональных устремлений черкесского сообщества с общим направлением государственно-политической эволюции России теряют под собой почву.

И если в начале 1990-х годов официальные властные структуры и национальные движения в «адыгских» республиках Северного Кавказа имели общую повестку дня и были сопоставимы по степени влияния на внутренние этнополитические процессы, то десятилетие спустя областей пересечения их задач и функций практически не осталось. Руководители республик сумели лишить черкесские национальные организации самостоятельности (Кабардино-Балкарья), дистанцироваться от них (Адыгея) или игнорировать как маргинальную оппозицию (Карачаево-Черкесия). Вместе с тем к 2000-м годам стало очевидно, что реального продвижения по основным аспектам «черкесского вопроса», как они определялись международным черкесским движением, достигнуто не было. Национальные организации «первого эшелона» не обладали идейным и организационным динамизмом, позволяющим компенсировать трудности и препятствия на путях решения «черкесского

вопроса». Короткая восходящая фаза их влияния и активности сменилась длительным застоем.

Но за это время в «черкесском мире» произошли глубокие социально-демографические и культурные сдвиги. В активную общественную жизнь вступили новые поколения, сформировавшиеся в городской среде, более образованные и мобильные, владеющие современными информационно-коммуникационными технологиями, способные создавать сетевые сообщества. Свобода выражения своих мыслей и позиций – естественное состояние для молодежи, а традиционалистские формы лояльности к государству или доминирующим национальным группам ей уже чужды. Существование в мультикультурной среде для нее вполне привычно, при этом национализм как способ подтверждения групповой идентичности и база политического действия столь же правомерен, как и любая другая идеология. Такие группы черкесской молодежи существуют в разных условиях – в России и на Ближнем Востоке, в Турции и Европе. Они во многом отличны друг от друга, но имеют и много общего, отражая существенные характеристики современного глобального мира. Новая «волна» черкесского национализма зародилась в этой среде в 2000-е годы. Ренессанс национального движения происходил на фоне относительного снижения значимости других этнополитических проблем на Северном Кавказе. В этих условиях обострение «черкесского вопроса» зависело, по сути, от стечения обстоятельств, наличия организованных сил, способных и готовых на них откликнуться, харизматических лидеров и т.п.

Существенные для актуализации «черкесского вопроса» новые обстоятельства могли возникнуть только в сфере текущей политической жизни, а единственную реакцию на них можно было ожидать от организаций, рассматривающих этот вопрос как вопрос политический. Понимание его как политической стратегии, направленной на достижение конечной цели и определяющей средства и алгоритм ее достижения, строилось на следующих идеологемах:

– ассимиляция, утрата языка и культуры черкесами, рассеянными по всему миру в результате Русско-Кавказской войны, грозят полным исчезновением черкесского этноса;

– решить эти проблемы невозможно без решения политического вопроса – возвращения изгнанных черкесов, воссоздания черкесского этноса на исторической родине;

– правовым механизмом реализации данной цели может стать признание Российской Федерацией факта геноцида, совершенного в отношении черкесского этноса в XIX – начале XX в. [Берзегов].

Одновременно сформировался контингент активистов, способных придать такой стратегии публичное звучание. За несколько лет возник целый ряд новых организаций практически во всех странах проживания черкесов. Для их деятельности характерно использование современные сетевые способов мобилизации и координации, осуществление публичных уличных акций, провозглашение своих целей в форме не обращений и просьб, а требований к властям, настойчивость в привлечении внимания международного сообщества и европейских институтов к проблемам черкесского народа.

Общий ход политического процесса дал черкесским радикалам поводы для осуществления различных акций. В ряде обзорных и аналитических публикаций достаточно подробно охарактеризованы факторы, способствовавшие дальнейшему обострению черкесского вопроса. Сперва это – попытка запустить процедуру реинтеграции Адыгеи в состав Краснодарского края с понижением ее статуса как субъекта Федерации (2005–2006). Затем – ненужное избегание российской стороной дискуссии о статусе черкесов как коренного народа Восточного Причерноморья в связи с решением МОК о проведении зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи (2007). Наконец – активизация зарубежных акторов в публичной полемике вокруг «чертесской проблемы», кульминацией чего стало официальное признание парламентом Грузии (2011) геноцида черкесов со стороны Российской империи (см. подробнее [Маркедонов]).

В спорах по перечисленным позициям оформились структурные характеристики текущей «острой фазы» развития проблемы. Для молодых активистов стала очевидной безрезультатность прежних форм его активности: развернулась деятельность организаций нового поколения, представляющих черкесское национальное движение. В их подходе на первый план выдвинулся политический аспект, а в его фокусе оказалось требование признания геноцида черкесов. Так произошло вовлечение черкесских организаций зарубежной diáspory в политические коллизии с Российским государством, а данная тема вошла в повестку дня международного научного сообщества, неправительственных организаций и европейских институтов. Вместе с тем ключевые элементы

современного «черкесского вопроса» – отношение к проблеме единого «черкесского» субъекта Федерации на Северном Кавказе, этнополитические «коллизии» вокруг сочинской Олимпиады, вмешательство зарубежных политических сил – стали зримым фактором политического размежевания в международном черкесском движении. В основе его лежат различные подходы к выстраиванию отношений с современным Российской государством.

Политизированная этничность: Открытые итоги

Итак, на рубеже ХХ–XXI вв. «черкесский вопрос» вновь стал реальностью политической жизни стран этого этноса, обретя некоторые характеристики международной проблемы. В современной, исторически третьей, фазе своего бытования он демонстрирует черты и преемственности, и качественной новизны по отношению к предшествующим формам.

Преемственность связана с тем, что статус черкесского сообщества в современном мире сохраняет структурную аналогию с начала ХХ в. – положением разделенного народа. Отсюда – устойчивость феноменов черкесского национального сознания: Кавказская война и изгнание как «начало»; рассеяние и этнический кризис как тяжелая реальность; воссоединение и возрождение как цель. Но в конце ХХ в. «вопрос» впервые был поставлен вполне самостоятельно самими черкесами, причем как глобальным этническим сообществом. В своих прежних исторических формах в зависимости от geopolитических интересов держав он либо привязывался к различным фрагментам черкесского мира (Кабарда, Западная Черкесия), либо растворялся в более широких geopolитических единицах (Кавказ, Северный Кавказ) и этнических конгломератах (горцы, черкесы как северокавказские диаспоры в целом).

В условиях современного глобализирующегося мира, интенсивных международных коммуникаций и открытости информационного пространства общечеркесская национальная программа была не просто сформулирована. Она, по сути, получила институционализацию в совокупности черкесских организаций, действующих по всему миру. Свыше двух десятилетий они присутствуют в международном культурном и политическом пространстве. Следует особо подчеркнуть, что в этом отражается не только внутренняя энергия черкесского национального движения, но и

общие условия глобальной интеграции и демократизации. Если бы, скажем, в России и Турции в 2000-е годы так же, как в начале 1920-х годов, сохранились авторитарные и, соответственно, идеократические или националистические режимы, свободные от идеино-политического влияния извне, то динамика черкесского национального движения была бы иной и сам вопрос был бы уже «снят» с повестки дня.

Но опыт 2000-х годов явственно обнаружил, что попытка перевести идеальные представления о конечных национальных целях в алгоритм политических действий, осуществляемых бескомпромиссно на основе представлений только о собственных правах и интересах, приводит к политическому размежеванию в самом черкесском национальном движении. Здесь оказывается противоречивость воздействия международно-политических факторов на развитие черкесского самосознания и мироощущения. С одной стороны, современный международный контекст несопоставим с ситуацией периода Первой мировой войны, когда «черкесский вопрос» инспирировался державами, находящимися в состоянии войны с Россией, в своих военно-политических целях. Сегодня воздействие внешних факторов не сводится к интригам геополитических соперников. Практика использования западными державами демократических ценностей и гуманитарных мотивов в собственных интересах не дает оснований для отбрасывания этих ценностей и мотивов как несущественных или не имеющих отношения к «чеченскому вопросу». Спецслужбы и так называемые «недружественные» политические силы за рубежом могут пытаться использовать в своих целях что угодно. Несмотря на это, деятельность черкесских активистов диаспоры в целом остается частью демократической гражданской активности в Турции, Европе, США.

С другой стороны, и геополитическое соперничество, и военно-политические конфликты остаются реальностью той международной среды, в которой существует современная черкесская проблема. Полностью изолировать формы ее политического бытования от их влияния невозможно. Вопрос же заключается в том, будет ли она превращена в средство решения собственных задач иными субъектами или сохранит самостоятельное содержание и станут решаться теми, для кого имеет жизненно важное значение. Есть только два коллективных субъекта отношений, для которых «чеченский вопрос» выражает или затрагивает их поистине жиз-

ненные интересы и его решение носит характер самостоятельной крупной задачи – это сами черкесы и Россия.

Основная проблема современной российско-черкесской «ситуации обсуждения» положения и перспектив черкесского сообщества заключается в том, что предмет его представляется сторонам как существующий в разных плоскостях. Для черкесских активистов и интеллектуалов их «вопрос» – это воплощение итогов и перспектив этноисторической эволюции адыгов. Это еще одна развилка траектории национального существования, которая ставит этнос перед альтернативой экзистенциального порядка: продолжение этнонационального бытия в институциализированных формах через самоорганизацию и признание со стороны государства или же этническая энтропия и растворение черкесской идентичности в хаосе большого мира.

Для российского государственного сознания «черкесский вопрос» – еще одно воплощение этнического национализма, несущего угрозу социально-политической стабильности, территориальной целостности и международным интересам России. Таким образом, современный «черкесский вопрос» представляет собой дуалистический по своей природе историко-политический феномен.

Перспективы тут как в политическом, так и в более фундаментальном историческом смысле зависят от того, что возобладает в действиях сторон, жизненно заинтересованных в его разрешении. Это может быть поиск либо способов так или иначе «подавить» другой полюс аргументации, либо основы решения, которое в историческом плане было бы шире черкесской этноисторической перспективы, а в политическом плане – шире российской державной традиции.

Такая основа может быть найдена в сфере, определяющей общие для России и черкесского сообщества условия существования и перспективы развития, – в сфере современных процессов глобализации, модернизации, демократизации. Это фундаментальные тенденции мирового развития, которые бросают вызовы и одновременно открывают возможности для всех социальных, национальных и политических субъектов, вовлеченных в систему отношений, обозначаемую сегодня как «черкесский вопрос». И Россия, и современные черкесы должны искать способы достижения своих целей внутри глобального процесса перемен. Если их стратегия и тактика будут опираться на эти тенденции, то

формы и последствия развития «черкесского вопроса» могут стать предсказуемыми и приемлемыми.

Литература

1. Берзегов М. Черкесский конгресс (<http://www.circassiangenocide.org/tree/44>).
2. Боров А.Х. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен // Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН (№ 1). – Нальчик, 2012.
3. Боров А.Х., Муратова Е.Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4.
4. Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. Сборник научных статей. – М.–Ростов н/Д., 2011.
5. Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны. – Нальчик, 2006.
6. Кеш Р. Что такое «чёркесский вопрос»? (http://virt-circassia.ucoz.com/news/cto_takoe_cherkesskij_vopros/2011-02-11-1142).
7. Маркедонов С.М. Черкесский вопрос между Россией и Грузией // Россия в глобальной политике (<http://glohalarFairs.ru/mim-ber/S-istoriei-napereves-15288>).
8. Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: Современные интерпретации и реалии эпохи // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., 2011. – Вып. 226.
9. Международная черкесская ассоциация (1991–2011). Сборник документов и материалов. – Нальчик, 2011.
10. Панеш А.А. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп, 2007.
11. Российский геноцид народов Северного Кавказа в документах кавказского национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны (1914–1918). (<http://kavkasia.net/Russia/article/1286946125.php>).
12. Рябцев В.Н. Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе. – Ростов н/Д.–Пятигорск, 2012.
13. Темиров У. Черкесский вопрос в России // Звезда. 2011. № 7 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/7/tel7.html>).
14. Цветков О. «Черкесский вопрос»: Этноидеологические вызовы гражданскому единству (<http://www.kavkazoved.info/news/2012/02/06/cherkesskij-vopros-etnoideologicheskie-vyzovy-edinstvu-i.html>).
15. KosokP. Revolution and Sovietization in the North Caucasus // Caucasian Review. 1955. № 1.
16. Ozgur E. The North Caucasian and Abkhazian Diasporas; Their Lobbying Activities in Turkey // Caucasus Studies: Migration. Society and Language. Papers from the Conference, November 28–30, 2008. – Malmo, 2011.

«Общественные науки и современность»,
М., 2014 г., № 3, с. 109–118.

А. Данков,
доцент (ТГУ, г. Томск)

СОВРЕМЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ПОЛИТИКА

В XXI в. Центральная Азия переживает изменения, которые по своим масштабам будут уникальны. Даже трансформации, которые прошел регион в XX в., не идут ни в какое сравнение с тем, что ему предстоит. Масштаб и сложность текущих процессов позволяют назвать предстоящие изменения «большой трансформацией». Это сложный комплекс социальных, экономических и политических изменений в Центральной Азии, который будет включать следующие элементы:

1. Завершение демографического взрыва. В первой половине XXI в. рост населения Центральной Азии продолжится. Этому будут способствовать несколько факторов: значительная доля молодого населения, относительно низкий уровень урбанизации и традиции многодетности в мусульманских семьях. Однако темпы прироста будут сокращаться, и численность населения стран региона постепенно стабилизируется.

2. «Великое переселение народов». Миграции на рубеже XX–XXI вв. серьезно изменили этническую картину в регионе. Массовый отъезд «европейского» населения в 1990-х годах, трудовая миграция в 2000-х годах и стихийная урбанизация затронули миллионы людей. Только в Казахстане, по оценкам специалистов, за последние 20 лет внутренние и внешние миграционные процессы затронули 9,475 млн человек, или почти 58% населения, которое проживало в Казахстане в начале 1991 г. [5, 21]. Сейчас Центральная Азия стоит на пороге еще более серьезных изменений в области миграционных процессов, которые по своим масштабам можно назвать локальным «Великим переселением народов». Отметим основные элементы этого процесса.

Во-первых, из-за масштабной эмиграции в Центральной Азии произошло резкое снижение численности «европейского» населения, и этот процесс продолжится. Если в 1970 г. «европейцев» было более 11 млн человек (около 1/3 населения), то, по данным на 2009–2010 гг., их количество снизилось до 5,6 млн человек (9% населения) [1; 3, 4–9]. В общей сложности за 20 лет с момента распада СССР регион покинули около 5 млн человек, которые в основном выехали в Россию, Украину, Германию и Израиль. Единственным государством в Центральной Азии, где «европей-

цы» еще составляют заметную долю, является Казахстан. Согласно прогнозам, в первой половине XXI в. доля русскоязычного населения в регионе будет продолжать сокращаться из-за низкой рождаемости и эмиграции. В итоге к середине XXI в. произойдет окончательная деевропеизация Центральной Азии. Вопрос о том, кто займет место «европейцев» в экономике и социальной сфере, пока остается открытым.

Во-вторых, в Центральной Азии идет активная урбанизация коренных этносов. Эмиграция горожан-«европейцев», острейший кризис сельского хозяйства и перенаселенность сельских районов способствовали тому, что сотни тысяч людей, испокон веков проживавших в сельской местности, двинулись в города в поисках работы, жилья и лучших условий жизни. Наиболее далеко в этом отношении зашел процесс в Казахстане. Именно здесь с 2010 г. доля казахского этноса в городском населении республики превысила 60%. При этом более 2/3 казахов теперь живут в городах. Достаточно высока доля городского населения в Узбекистане (51%) и Туркменистане (50%) [5, 21]. Основную массу горожан здесь тоже составляют представители коренных народов. Даже там, где идет процесс дезурбанизации (например, в Таджикистане), значительная часть населения имеет опыт городской жизни, так как активно вовлечено в трудовую миграцию и несколько месяцев в году работает в крупных городах России и Казахстана.

В-третьих, Центральную Азию ожидает расширение масштабов внешней трудовой миграции. Население региона сравнительно молодое – средний возраст жителей составляет около 26 лет. Трудоспособная часть населения (в возрасте от 15 до 64 лет) и в обозримом будущем будет составлять в среднем 65–67%, что означает сохранение нагрузки на рынок труда в долгосрочной перспективе [5, 50]. В условиях неспособности государств региона обеспечить необходимое количество рабочих мест, единственным выходом является расширение экспорта рабочей силы.

3. Формирование новых идентичностей. XXI век будет насыщен с точки зрения процессов формирования новых идентичностей. Масштабная миграция населения внутри региона и за его пределы, урбанизация и индустриализация, новые процессы в религиозной сфере будут способствовать распаду традиционных общественных связей, формированию новых общностей и идентичностей, а также, возможно, к появлению новых наций. Формирование новых идентичностей, безусловно, будет проходить в том числе и на основе религии. Рост в Центральной Азии религиозного

сознания после распада Советского Союза способствовал не только возрождению традиционных конфессий, но и привел к появлению новых религиозных групп. Здесь стоит отметить два «новых» религиозных течения.

К первому стоит отнести появление в регионе в середине 1990-х годов «новых» религиозных исламских групп. В Центральной Азии развернули свою деятельность многие международные исламские организации, например «Хизб ут-Тахрир». После того как в 1999–2003 гг. «Хизб ут-Тахрир» была признана экстремистской в Узбекистане, Таджикистане и Киргизстане, многие «новые» исламские группы ушли в подполье, а система их управления была децентрализована – появилось большое количество малых автономных и полуавтономных групп. Они постоянно расширяют свою деятельность, несмотря на массовые аресты активистов и давление со стороны властей.

Сейчас невозможно оценить даже приблизительную численность подпольных исламских групп, однако счет идет на десятки тысяч людей, в первую очередь в Узбекистане, Таджикистане и Киргизстане. Остановить рост числа сторонников исламского подполья не может даже то, что за последние 15 лет более 10 тыс. человек в странах Центральной Азии были осуждены за пропаганду радикальных религиозных идей. Члены «Хизб ут-Тахрир» пытаются создавать ячейки своей организации даже в местах лишения свободы [4]. Не стоит представлять исламских радикалов как людей бедных и необразованных. Среди членов «новых» исламских групп достаточно много людей с высшим образованием и предпринимателей, а пропаганду своих идей «новые мусульмане» ведут в основном в городах и пригородных поселках. С ростом городского населения их активность будет только усиливаться.

Ко второму религиозному направлению, на которое стоит обратить внимание, относятся «новые» христиане (в первую очередь протестанты (пятидесятники, евангелисты, «Свидетели Иеговы» и т.д.)), которые развернули активную миссионерскую деятельность в Центральной Азии после распада СССР. Численность протестантских общин постоянно растет, несмотря на серьезное давление со стороны властей, в том числе и за счет активного прозелитизма среди этносов, традиционно исповедовавших ислам (казахи, киргизы и узбеки). Так, по некоторым данным в Киргизстане из всех протестантов 40% – киргизы па национальности [2]. Точных данных о числе последователей протестантских течений в Центральной Азии нет, однако можно с уверенностью говорить

о сотнях тысяч протестантов в Казахстане и десятках тысяч в других странах региона. По числу официально зарегистрированных религиозных организаций протестанты опережают православные общины в Казахстане, Киргизстане и Узбекистане. Возможности протестантских миссионеров иллюстрирует положение в Южной Корее, которая во второй половине XX в. из страны, где были в основном распространены буддизм и традиционные культы, за счет распространения протестантских течений превратилась в страну, где христианство исповедуют 30% населения.

Проблема идентичностей затронет и национальные меньшинства. Эмиграция «европейцев» из Центральной Азии, которая будет продолжаться и в первой половине XXI в., не снимает с повестки дня проблемы, связанные с этническими меньшинствами в регионе.

Во-первых, представители этносов, которые в одних странах являются «титульными», в других выступают в качестве меньшинств (например, узбеки).

Во-вторых, в Центральной Азии проживают много малых азиатских этнических групп как автохтонных (уйгуры, дунгане, каракалпаки, памирцы и др.), так и народов, поселившихся в регионе в XX в. (корейцы, курды, азербайджанцы, чеченцы и др.). Представители этих народов в отличие от «европейцев» не настроены на массовую эмиграцию из Центральной Азии. Их численность остается практически неизменной (например, корейцы) или возрастает (уйгуры, дунгане), к тому же они проживают компактно и образуют достаточно устойчивые сообщества. Место и роль этнических меньшинств в регионе остается неопределенной. Давление со стороны «титульных» наций, проблема сохранения родного языка и религии, сложная социально-экономическая обстановка – все эти факторы будут способствовать поиску точек опоры и могут стать основой для новых идентичностей.

Все эти изменения, безусловно, будут оказывать серьезную роль на развитие международных отношений внутри Центральной Азии и вокруг нее.

Список источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс] // Электронный информационный бюллетень «Демоскоп Weekly». База данных. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php

2. Доклад о свободе вероисповедания за 2011 год. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства США в Киргизстане. URL: http://russian.bishkek.usembassy.gov/_12.html
3. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. – Астана, 2012.
4. Осужденные в Узбекистане экстремисты создали в тюрьме сеть ячеек «Хизб ут-Тахрир». [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Интерфакс». URL: <http://www.interfax-religion.ru/yz/?act=news&div=30682>
5. Урбанизация в Центральной Азии: Вызовы, проблемы и перспективы / Аналитический доклад. Центр экономических исследований. – Ташкент, 2013.

«Международные отношения в XX–XXI вв.
(Материалы Международной научной конференции.
УФУ, Екатеринбург 30–31 октября 2013 г.)»,
Екатеринбург, 2013 г., с. 141–145.

Ж. Урманбетова,
профессор
(Киргизско-турецкий университет Манас)
БЕЗОПАСНОСТЬ В КИРГИЗСТАНЕ

Безопасность в современном Киргизстане из теоретической проблемы и онтологической данности превратилась в важную цель выживания индивида, общества и государства в целом. При этом на всех трех уровнях субъектности преобладают тенденции к разрушению, а противостояние им происходит на основе инстинкта самосохранения, обеспечивающего повседневное существование. Целостность государства на протяжении всего периода суверенного развития находится под постоянной угрозой, и на уровне международного сообщества некоторые политики уже мысленно расчленяют республику, определяя будущих «хозяев» той или иной части. Безопасность из нормы бытия превратилась в лелеемую в умах и сердцах людей недостижимую ценность, и недостижимой ее делает повседневный ход общественно-политической жизни.

Для определения существа безопасности в Киргизской Республике в качестве теоретического концепта приемлемым представляется положение Якуси Акаси, высказанное на конференции ООН: «Нам нужна более широкая, более всеобъемлющая концепция безопасности, которая охватывает не только военную безопас-

ность как таковую, но и проблемы экономического благополучия, экологической и даже культурной безопасности»¹.

Говоря о безопасности в Киргизстане, мы имеем в виду системную безопасность, проявляющуюся во всех сферах развития. В этом смысле также приемлемо употребление термина *позитивная безопасность* в значении способности государства и общества «выявлять и искоренять традиционные источники конфликтов, направлять свои усилия на предотвращение любых угроз стабильности и безопасности»². С конца 90-х годов в концепции позитивной (всеобъемлющей) безопасности общепризнанными остаются такие элементы, как гуманитарная, политическая, военная, экономическая, экологическая, информационная формы безопасности.

Все основные внутренние и внешние факторы безопасности, относящиеся к государству в целом, выражаются в понятии *национальная безопасность*. Для Киргизстана национальная безопасность есть проявление способности государства обеспечить территориальную целостность, сохранение и защиту национальных интересов, политическую, экономическую, гражданскую безопасность, стабильность условий жизнедеятельности, предвосхищение угроз и вызовов. Утвержденная указом президента КР Концепция национальной безопасности содержит общепринятые нормы с акцентом на национальные интересы, внешние и внутренние угрозы, однако ее теоретическая составляющая существует в отрыве от реальности. За последнее десятилетие основной угрозой для Киргизстана как государства являются перманентные революции, нарушающие самую главную составляющую безопасности – стабильность жизни, возможность гарантированного спокойствия и безусловной веры в будущее. Поэтому первый аспект безопасности – гуманитарный – звучит наиболее остро. Два кардинальных поворота судьбы целого государства за пять лет – это слишком много для любой страны, не говоря о запутавшейся в бесконечных противоречиях и политических конфликтах, переживающей перманентный экономический кризис маленькой республике. Внутренние угрозы безопасности по количеству и качеству превосходят внешние, соответственно обеспечение стабильности жизнедеятельности как основы существования полностью ложится на плечи

¹ Science and Technology and Their Implications for Peace and Security: Topical Papers 2 / United Nations. – New York, 1990. – P. 3–4.

² Doyle S. Civil Space Systems: Implications for International Security. Dartmouth: Aldershot, 1994. – P. 10.

государства, долженствующего не только декларировать концепции национальной безопасности, но и претворять их в реальность, что не удавалось на протяжении всего десятилетия, да и сейчас дается с большим трудом. Сами граждане очень невысоко оценивают гарантии стабильной жизни, что выражается в непрекращающейся миграции в ближнее и дальнее зарубежье.

Если гуманитарный аспект безопасности актуализируется как следствие происходящих в республике революций, то доминирующим фактором разрушения безопасности в Киргизстане является политический фактор. Постоянный кризис власти и конфликты между ее представителями приводят к внутриполитической нестабильности и, как следствие, к возникновению угроз экономической, культурной, демографической, гуманитарной и в целом национальной безопасности.

Два десятилетия с момента обретения Киргизстаном суверенитета являются историей бесконечных конфликтов внутри политической элиты. Как это ни прискорбно, политическая безопасность республики страдает и зависит от отдельных политических деятелей и кланов. С начала суверенной истории государства именно Аскар Акаев как первый президент Киргизской Республики заложил негативную традицию политического лидерства, которая с неизбежностью приводила к нашумевшим свержениям власти.

Политические катаклизмы с особенной силой проявляются в периоды выборов в Жогорку Кенеш (главный законодательный орган власти), тем самым отражая актуализацию феномена трайбализма в политической сфере (в кочевом обществе данная черта менталитета способствовала сплочению рода, сейчас же она трансформировалась в негативную характеристику политической системы). Издревле существовал институт аксакалов (старейшин), отражавший родовой характер власти. Родовые признаки политического сознания оказались достаточно сильны и стабильны на уровне подсознания, что способствовало переходу трайбализма и в современную политику. Современный политический процесс особенно сильно насыщен трайбализмом, который переходит в ярко выраженный регионализм.

В этом смысле необходимо подчеркнуть глубокое своеобразие политического сознания и социальной памяти, которые предопределяют нестандартность исторической, политической и социально-культурной жизни. Специфика политического сознания и социальной памяти проявляется в том, что исторически для

Центральной Азии (в частности, для киргизов) была характерна сакрализация власти. С обретением суверенитета она усилилась, что отчасти явилось реакцией на запреты и ограничения эпохи социализма; а в переходный период обороты набирал новый виток «демократической сакрализации» власти. Социальная память, включающая в себя этническую память, так же как и политическое сознание, сохраняет признаки родового сознания, что с неизбежностью приводит к тому же трайбализму. Отсутствует единая политическая культура, наблюдается процесс сосуществования традиционной политической культуры с современным политическим мышлением.

Общеизвестно, что инициатором важных общественных преобразований должна стать элита как носитель инновационных идей и организатор практических действий. Именно элита провоцирует кардинальные изменения общественного развития, политической системы, социально-культурных новшеств. Что мы имеем в нашей республике в этом смысле? Ни элита, ни контрэлита, появившиеся в первые годы суверенитета, не сумели с достоинством нести бремя ответственности и высоко поднять символы независимости в период преобразований. Если быть честным, необходимо с твердостью сказать, что в Киргизстане пока так и не сформировалась общенациональная элита, которая сумела бы взвалить на свои плечи груз чаяний народа и с высочайшей ответственностью нести их вперед. Наша так называемая элита меняется с каждыми новыми выборами в Жогорку Кенеш и с завидным постоянством погрязает в нескончаемом конфликте. В данном случае, как нельзя кстати, приходится мысль К. Ясперса о превращении массы в существо так называемой элиты¹. Уровень политической культуры многих представителей элиты катастрофически низок, бывает смешно и одновременно грустно слушать их лозунговые речи. Лозунги подхватываются массами только в дни «революций», когда они действительно увлекают народ на воинственные шествия. Но в повседневной жизни одними лозунгами увлечь народ уже невозможно, поскольку лимит доверия к властям предержащим давно исчерпан.

Еще один аспект безопасности, военный, тесно связанный с политическим фактором, обнаруживает свою зыбкость в настоящее время, сталкивая различные политические силы извне. Воен-

¹ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 313.

ная безопасность приоритетна для любого государства, тем более для маленькой республики, не обладающей достаточным потенциалом для обеспечения сохранности своей целостности. Второе десятилетие данный аспект прежде всего отражает столкновение интересов России и США, когда речь идет о предоставлении военных баз и присутствии военного контингента. Эта проблема, остающаяся нерешенной со времен А. Акаева, обострилась в период президентства К. Бакиева. В данном вопросе Киргизстан не сумел выработать обоснованную тактику взаимодействия, обостряя то одну, то другую линию межгосударственных отношений.

Наибольшую сложность представляет неумение или нежелание элиты стратегически определить приоритеты для сохранения национальной безопасности. Сегодня данная проблема актуализируется с большей силой, так как уже не просто не получается усидеть на двух стульях одновременно, а скорее Киргизстану не хотят предоставлять такой возможности, вынуждая определить стратегические ориентиры страны. Кроме того, «с позиции региональной безопасности в XXI в. аналитики прогнозируют, что потенциальной угрозой для Киргизстана в будущем, наряду с религиозным экстремизмом, станет неизбежность пограничных конфликтов с сопредельными государствами. В частности, это может коснуться спорных водоземельных проблем, территориальных претензий, вызванных неурегулированностью государственных границ, межэтническими проблемами, обусловленными несоответствием существующих границ реальному национально-территориальному размещению населения и т.д.»¹. В этом смысле, согласно договоренности ОДКБ, российская база в Канте, где дислоцированы российские военные, является долгосрочным элементом системы обеспечения внешней безопасности в условиях, когда «вооруженные силы Киргизстана как основная составляющая системы обеспечения военной безопасности и, следовательно, сама система не отвечают оборонным потребностям страны» и не позволяют гарантировать ее безопасность². На данном этапе необходима коренная реформа системы обеспечения военной безопасности на новых принципах.

Еще одним важным аспектом безопасности является социально-экономический, отражающий взаимодействие экономиче-

¹ Эсенбекова А. Военная безопасность Киргизстана и современный мир, или Как свести Концы с Концами. URL: <http://www.easttime.ni/analytic/l/4/317.html>

² Там же.

ского и социального бытия. Экономика Киргизстана находится в состоянии перманентного кризиса. Наиболее сложными и противоречивыми проблемами выступают миграция и бедность, способствующие усилению социальной напряженности в обществе и, как следствие, предопределяющие рост митинговых страстей. С этой точки зрения «наиболее актуальным вопросом страновой повестки выживания (именно выживания, а не развития) является острая необходимость верстки основ, принципов и наиболее важных направлений экономической безопасности и политического календаря их точной и ежедневной реализации в последующем», а также развитие экономической дипломатии для «решения вопросов, связанных с экономическим развитием и обеспечением экономической безопасности»¹. Однако экономическая дипломатия в республике практически не развита, отсутствует культура продвижения экономических интересов Киргизстана за рубежом, а также низок уровень культуры в работе с донорскими организациями, что зачастую приводит по меньшей мере к неэффективности, а зачастую и к бесмысленности деятельности последних при их значительном числе. Экономическая безопасность находит свое отражение и в состоянии среднего класса, призванного выступать основанием стабильности экономической жизни. Хотя в республике предпринимаются определенные попытки для облегчения налогообложения малого и среднего бизнеса, нельзя сказать, что полностью созданы благоприятные условия для его развития. Экономическая безопасность сама по себе системна, поскольку складывается из внутренних и внешних источников, однако стратегия должна быть единой. Такая стратегия в республике отсутствует, соответственно и проблемы экономической безопасности далеки от решения и вливаются в общую канву проблематичности обеспечения позитивной безопасности.

Особым аспектом безопасности выступает экологическая безопасность, проецирующая включенность государства в общий ход глобализации. Экологические программы в республике практически не работают; время от времени спонтанно поднимаются вопросы таяния ледников, составляющих национальное богатство Киргизстана и выступающих гаранцией существования чистой, целебной, уникальной воды не только в пределах республики, но и во всем регионе. Это касается и еще одного национального дос-

¹ Иманалиев М. Дипломатия и экономическая безопасность Киргизстана. TJRL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227092>

тояния – озера Иссык-Куль, имеющего тенденцию к обмелению. Однако это вопросы стратегического характера, не обнаруживающие злободневности и не связанные с выживанием республики, а потому перманентно обозначаемые, но не решаемые.

Издревле одним из элементов традиционной номадической культуры, являющейся истоком киргизской культуры, выступала экологичность мышления: кочевник жил и мыслил в гармонии с окружающим миром, что было особенностью кочевой культуры, ее отличием от оседлой¹. В этой связи имеет смысл использовать архетипы, актуализирующие историко-культурное наследие и позволяющие выделить новые смыслы у имеющихся символов культуры. Прав К.-Г. Юнг, утверждавший, что «в действительности от архетипических предпосылок невозможно избавиться законным путем. Поскольку нет возможности объявить архетипы несуществующими, постольку каждая заново завоеванная ступень культурного усложнения сознания оказывается перед задачей: отыскать новое и отвечающее своему уровню истолкование архетипа, чтобы связать все еще присутствующую в нас жизнь прошедшего с современной жизнью, которая угрожает оторваться от первой»².

Формирование позитивной безопасности в Киргизстане, таким образом, должно строиться на достижении системности как в теоретическом осмыслении, так и в социальной реальности. Во главу угла при этом должны ставиться национальные интересы, а лозунги должны содержать глубокий, стратегический смысл – только в этом случае можно прогнозировать положительный исход принятия решений на уровне государства. Это говорит о том, что на уровне элиты необходимо формирование нового уровня понимания и отношений, исходя из приоритета идеи целостности общества и стабильности развития.

Здесь чрезвычайную важность получает идеология государства, которая так и не была выработана за два десятилетия эйфории от обретения суверенного пути. Не обладая масштабным видением ситуации и перспектив, сложно, а скорее и невозможно обуздять хаос общественных противоречий и катаклизмов. Республика

¹ Урманбетова Ж.К. Культура киргизов в проекции философии истории. – Бишкек: Илим, 1997. – С. 77, 136.

² Юнг К. К пониманию архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991. – С. 123.

должна иметь развернутые стратегические программы развития всех секторов бытия – и экономического, и политического, и социального, и культурного. Все это в концентрированном виде может и должно содержаться в идеологии.

Очень важен культурно-идеологический контекст представления демократии, определение того, какие ценности должны доминировать в построении государства.

Также необходимо понимать, что без выверенной и скрупулезно просчитанной идеологии будущее Киргизстана весьма и весьма зыбко. В республике на протяжении последних двух десятилетий неоднократно предлагались идеи, но ни одна из них не сумела дойти до сознания каждого человека. Не было ни сколько-нибудь значимой идеологии, ни механизмов ее проникновения в сознание масс. Здесь очень важна гражданская идентичность, если учесть полигэтнический характер нашего общества.

В нашей стране пока не преодолен кризис идентичности, являющийся следствием кризиса государственного развития. Без должного культивирования феномена гражданской идентичности сложно говорить о возможности сплочения народа вокруг какой-либо идеи. В данном ракурсе содержательную часть полигэтничности, а соответственно, и поликультурности общества составляют проблемы сохранения этнического многообразия и обеспечения устойчивого этнического развития всех групп на базе гражданского единства, объединяющего всех представителей всех наций и этносов. Идентичность индивидуальна, но вместе с тем она есть продукт социального взаимодействия: «...членом этнической группы – и тем самым носителем определенной этнической идентичности – индивидов делает не происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии. Идентичность есть не свойство, а отношение. Отсюда следует ее открытость и подвижность»¹.

Отсутствие ярко выраженной гражданской идентичности и позволяет манипулировать чувствами различных этносов в период митингов, когда социальная напряженность способна обретать различные формы, в частности – этническую. Без формирования гражданской идентичности невозможна консолидация общества. Такой подход связан с актуализацией патриотизма, служащего ка-

¹ Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Идентичность: Поиск, производство и воспроизведение / Фонд Сорос-Киргизстан. – Бишкек, 2005. – С. 12.

мертоном единства народа. Патриотизм является важной составляющей гражданской идентичности, поскольку проявляет нераздельное единство человека именно с этим обществом, когда находят выход чувство собственного достоинства и гордость за принадлежность к данному обществу или государству.

В последнее время особенную актуальность приобретает и информационная безопасность. Внешние источники порой играют существенную роль в формировании и пропаганде негативного имиджа, ярким примером чего являются многочисленные статьи как в печатных, так и электронных СМИ многих держав мира в дни киргизских революций. В этом смысле Киргизстан беспрестанно проигрывает информационную войну и с неизбежностью оказывается в невыгодном с точки зрения восприятия происходящего положении.

На основе рассмотрения наиболее важных аспектов безопасности можно заключить, что Киргизстан нуждается в обновленной стратегии позитивной безопасности, способной выявлять источники конфликтов, а также предупреждать угрозы.

*«Безопасность на Западе, на Востоке и в России:
Представления, концепции, ситуации»,
Иваново, 2013 г., с. 300–307.*

Р. Масов,

академик АН РТ, директор Института истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша
АН Республики Таджикистан

В. Дубовицкий,

доктор исторических наук,
заместитель директора Института истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша
АН Республики Таджикистан

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ:
СОБЫТИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРЕХ ВЕКОВ**

Формирование территории государства происходит, как правило, в результате присоединения соседних территорий, которые в редких случаях оказываются незаселенными. Тем более если эти события относятся к территории Евразии в XIX в., когда здесь уже существовали государственные образования, подчас имевшие не просто многовековую, но тысячелетнюю историю.

Говоря об истории складывания многонациональной Российской империи и формах вхождения в нее в различные исторические периоды народов и государств, необходимо учитывать, что данная проблема распадается на ряд вопросов, связанных, с одной стороны, с мотивами такого присоединения, с другой – с механизмом присоединения (вхождения). Все это, как минимум, предполагает решение вопроса о добровольности или насилийственности такого акта.

Регион Средней Азии стал последним «территориальным приобретением» Российской империи перед ее крушением в 1917 г. С вхождением его в состав исторической России территория этого государственного образования здесь приобрела свою географическую форму, почти неизменную в последующие 100 лет.

Существует широкий пласт русской досоветской востоковедческой литературы, в которой отражены данные вопросы. В указанных работах были сформулированы концептуальные направления в освещении истории взаимоотношений региона Средней Азии и России, начиная с Киевской Руси. Концептуальные оценки этого периода отличаются в основном либо культурологическим подходом к рассмотрению событий («цивилизаторская миссия европейской культуры для народов, погрязших в дикости восточного Средневековья»), либо геополитическим ракурсом англо-русских противоречий. Последний из подходов характерен прежде всего для военных авторов¹.

Советские исследователи оценивали процесс присоединения как проявление агрессивной политики царизма, в то же время под-

¹ Куропаткин А. Завоевание Туркмении (поход в Ахальтеке в 1880–1881 гг. с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г.). – СПб., 1899; Костенко Л.Ф. Очерки Семиреченского края // Военный сборник. 1872. Т. 88. Костенко Л.Ф. Средняя Азия и возвращение в ней русской гражданственности. – СПб., 1890; Венюков М.И. Заметки о степных походах в Средней Азии // Военный сборник. 1860. № 12; Венюков М.И. Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии // Колокол. Вып. 9. – М., 1864; Венюков М.И. Общий обзор расширения русских пределов в Азии и способов обороны их // Военный сборник. 1872. № 12; Венюков М.И. Материалы для военного обозрения русских границ в Азии // Военный сборник. 1872. № 10–12; 1873. № 1–2; Венюков М.И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией. – СПб., 1877; Федоров Д.Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ч. 1. – Ташкент, 1880; Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875; Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. – СПб., 1906; Серебренников Г.А. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Ч. 2. Т. 20. – Ташкент, 1914.

черквя прогрессивные последствия этого феномена, приведшего к втягиванию народов региона в революционный процесс, революционные преобразования и строительство в дальнейшем советского общества. Что касается историографии советского периода, то стройная идеологическая система давала небольшой выбор в оценке фактов и мотивов действий Российской империи: «от жестокого колониального завоевания» до концепции «меньшего зла» для региона (по сравнению с колониальным захватом Англией). Впрочем, в оценках исследователей этого периода заметна существенная разница и даже явные противоречия: так, если до конца 1930-х годов они пользовались термином «завоевание Средней Азии», то в послевоенный период в научной литературе утвердился термин «присоединение Средней Азии к России».

Проблематика российско-среднеазиатских отношений полуторовековой давности, с периода «перестройки» и особенно после раз渲ла в 1991 г. Советского Союза, чрезвычайно перегружена идеологизированными и эмоциональными оценками, которые часто подменяют научный анализ темы. В большей степени это характерно для учебной литературы, предназначеннной для воспитания граждан новых независимых государств, где важную роль играет эмоциональная мобилизация национального духа, в том числе и посредством мифологизации истории своего этноса, конструирование героики прошлого. Понятие «завоевание» в этот период явно доминирует. Вместе с тем некоторые исследователи одновременно используют термин «завоевание» и «присоединение».

Можно констатировать, что в целом в исторической науке на пространстве СНГ в настоящее время утвердились употребление следующих понятий:

- завоевание Средней Азии Россией;
- присоединение Средней Азии к России;
- добровольное присоединение Средней Азии к России;
- экспансия России в Среднюю Азию;
- колониальный захват Туркестана (или Средней Азии);
- освоение Средней Азии Россией;
- вхождение Средней Азии в состав России.

Понятно, что подобное множество подходов в оценке исторических событий не способствует ни созданию объективной научной картины прошлого наших народов, ни формированию единого гуманитарного пространства на этой территории. Ослабление влияния теории исторического материализма, идеологиче-

ский и методологический разнобой в подходе к изучению истории наводят на мысль о применении в качестве методологических ориентиров теорий геополитики. Среди большого их разнообразия, существующего в современном мире, наиболее плодотворными для изучения условий складывания многонациональной Российской империи и форм вхождения в нее других народов и государств являются евразийская теория, подробно разработанная русскими учеными в 1920–1940-х годах, а также теория неоевразийства, созданная на ее основе в 1990-х годах в Российской Федерации¹.

Исходя из названной методологии, наиболее подходящим термином для событий того периода является «присоединение». Итак, каковы были мотивы правительственные кругов Российской империи в присоединении региона на протяжении более чем 30-летнего периода? Была ли это полностью спланированная программа, с самого начала рассчитанная на десятилетия и обеспеченная военными, политическими и экономическими ресурсами и «передаваемая по наследству» от одного императора к другому (соответственно, и их кабинетами министров), или это был ряд отдельных кампаний, вызванных каждый раз новой ситуацией внутри страны или в международной обстановке?

Можно согласиться с мнением большого числа исследователей, считающих, что территориальные приобретения России в Средней Азии начались при императоре Петре I, однако активное присоединение региона началось уже при его приемниках.

Геополитическая ситуация на евразийском континенте во второй половине XVIII – начале XIX в. была отмечена фактором усиления русско-английских противоречий в Средней Азии и характеризуется активным проникновением Англии в глубь региона Среднего Востока, известного в geopolитике XX в. как реализация «стратегии ананконды». С начала XIX в. Средняя Азия становится полем нарастающего геополитического соперничества между Англией и Россией, первая из которых рассматривает регион в качестве: а) буферной зоны между Российской империей и Британской Индией; б) рынка сбыта товаров английской промышленности.

В 1840-х годах в государственной политике России на Юго-Востоке происходит переход к мероприятиям по «выдвижению границ» для контроля безопасности на степном пространстве

¹ См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997.

Средней Азии. Таким образом, происходит процесс постепенной трансформации методов геополитического контроля над пространством региона от протектирования казахских родов и родовых объединений (жузов) к постепенному внедрению центральной власти путем строительства на караванных трассах военизированных укреплений и массовому вовлечению казахов в орбиту экономических интересов России. Комплекс военно-политических мероприятий русского правительства, проведенных на протяжении 40–60-х годов XIX в. привел к полному контролю над центральной и южной частями Киргизской степи (Казахстаном) и вплотную пододвинул границы страны к земледельческой зоне Средней Азии. Меры, предпринятые в названный период, привели к полному прекращению набегов кочевников на приграничные районы России и, соответственно, к прекращению работоторговли российскими подданными. Благодаря перечисленным мероприятиям был достигнут еще один важный результат – внутреннее примирение казахских родов. Так, в начале 50-х годов XIX в. заключили мир враждовавшие между собой многие поколения родов чиклинцев, каракисяков и джагалбаев, чем была достигнута стабилизация обстановки и безопасность караванных путей на пространстве между Оренбургской линией и северо-восточным побережьем Аральского моря.

1830-е – начало 60-х годов XIX в. характеризуются мощной широтной экспансией Англии на Среднем Востоке и противодействием России уже на подступах к Средней Азии – в Афганистане и Иране, а также попытками формирования антироссийской военно-политической коалиции из среднеазиатских государств и племенных объединений. Проблема противодействия английской экспансии в Средней Азии еще более остро всталась в 1857 г. в связи с подготовкой Англией вторжения в Персию.

Перед правительством России и прежде всего ее военным руководством встал вопрос об организации стратегической обороны на юго-восточном направлении с целью отсечения развития геополитической экспансии основного европейского противника на юге Евразии. Геополитическая целесообразность диктовала России необходимость создания барьера а) либо путем непосредственного присоединения конкурентной территории, б) либо с помощью создания на пути английской экспансии буферных зон из союзных государств.

В 50-х – начале 60-х годов XIX в. основным направлением противодействия английской экспансии становится первый из пере-

численных путей. По нашему мнению, это происходит прежде всего потому, что создание буферной зоны из племенных союзов туркмен, оказавшихся в наибольшей близости к территории, непосредственно контролируемой англичанами на Среднем Востоке, было неэффективно прежде всего из-за слабости и политической неустойчивости этих объединений. Кроме этого, постоянные конфликты с Кокандским ханством, возникшие из-за набегов на кочевья находящихся в российском подданстве казахов, ускорили решение вопроса о соединении Оренбургской и Сибирской пограничных линий. По мнению правительственные кругов, в этом случае «Россия сократит протяженность своих границ и в случае европейской войны, владычествуя в Коканде, будет постоянно угрожать Ост-Индским владениям Англии. Только здесь мы и можем быть опасны для этого нашего врага»¹.

Таким образом, необходимость воздействия на дальний, уязвимый фланг своего европейского противника в условиях, когда Россия имела несомненные преимущества как континентальная держава, располагавшая мощной сухопутной армией, имевшей богатый опыт боевых действий в степной и пустынной местности, явилась главным geopolитическим фактором дальнейшего продвижения в Среднюю Азию.

Необходимость окончательного определения южной границы государства в Средней Азии в плодородных оазисах неоднократно доказывалась военными и гражданским руководством России XIX в. В частности, на это указывалось на совещании командования войск Оренбургской и Сибирской линий в форте Перовский 31 августа 1861 г. Здесь отмечалось, что занятие плодородных оазисов в районе Ташкента, Туркестана и других кокандских городов создает необходимые условия для продовольственного снабжения русских войск на Сырдарьинской части Оренбургской пограничной линии, расположенной в полупустынных районах². На это же указывает и военный историк В. Водопьянов: «Прежде всего, завоевание городов Туркестана и Ташкента явилось очевидной необходимостью не только для прочного соединения Сибирской и Оренбургской линий, но и в экономическом отношении, ибо присоединение такого богатого края, как Туркестан и Таш-

¹ Беляевский. Материалы по Туркестану. (Исторический очерк распространения русской власти в Средней Азии). – СПб., 1904. – С. 8.

² Серебренников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края: В 74 т. – Ташкент, 1908. – Т. 12. – С. 201.

кент, могло доставить России большие средства; оставаясь же на Сырдарье, мы владели бы самой бесплодной, самой бедной местностью Азии, тогда как по соседству – богатый край, изобилующий дарами природы. К сожалению, политическое и финансовое положение России того времени не позволяло предпринять решительное наступление против Коканда, и мы на время затихли»¹.

1864 год знаменует новый этап российской геополитики в Средней Азии. С этого времени началась короткая, но интенсивная и обширная по охвату военная кампания, завершившаяся присоединением к России территории Средней Азии общей площадью более чем 4000 км² и созданием на этой территории Туркестанского генерал-губернаторства. Этот факт знаменует собой начало качественно нового периода во взаимоотношениях России и среднеазиатских народов. Решение о продвижении России на территорию среднеазиатских ханств фактически было принято императором Александром II 20 декабря 1863 г. по предложению оренбургского генерал-губернатора А.П. Безака о соединении Сырдарьинской (считавшейся частью Оренбургской) и Сибирской пограничных линий.

Осуществление планов установления новой границы, принятых 20 декабря 1863 г., ярко демонстрирует переход к новому этапу построения геополитической системы России и является ключевым во всех последующих событиях в Средней Азии. Весь дальнейший процесс присоединения территории региона к России, на наш взгляд, можно условно разделить на четыре этапа:

– военные действия против Кокандского и Бухарского ханств (1864–1868). В качестве «отсроченного» события того же этапа можно назвать ликвидацию Кокандского ханства и создание Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства (1876);

– военные действия против Хивинского ханства и протектирование этого государства (1873);

– присоединение территории современной Туркмении (1880–1885);

– установление административного контроля России на территории Памира и Горного Бадахшана (1892–1895).

«Вскоре осуществленное новое завоевание, увеличивая про- тяжение наших границ, требует значительного усиления военных средств и расходов, между тем как подобное расширение владений

¹ Водопьянов В. История 6-го Оренбургского полка. – М., 1996. – С. 17–18.

не только не усиливает, а ослабляет Россию, доставляя взамен явного вреда лишь гадательную пользу. Нам выгоднее остановиться на границах оседлого населения Средней Азии, нежели включать это население в число подданных Империи, принимая на себя новые заботы об устройстве их быта и ограждения их безопасности.

Приняв за основание, что правительство не желает завоеваний в Средней Азии, виды в этой стране можно ограничить: 1) прочным утверждением русской власти на занятом уже пространстве, устройством быта и введением цивилизации между подвластными ордынцами; 2) действительным ограждением этих племен от хищников и нападений среднеазиатских народов, поставив их в невозможность вредить нам или, по крайней мере, убедив, что никакое неприязненное действие с их стороны не останется без наказания и возмездия; 3) приобретением нравственного влияния на Средне-Азиатские ханства, не вмешиваясь в их управление, внутренние дела и политические отношения, но стараясь путем мирных и торговых сношений рассеять их недоверие к нашей политике и установить прочные отношения, чтобы иметь возможность ограждать в самих ханствах интересы и безопасность наших подданных, развив нашу азиатскую торговлю, и открыть новые рынки для сбыта русских произведений; 4) и, наконец, удешевить содержание наших войск, довольствуя их местными способами, а не подвозом из России, и покрывая хотя бы часть расходов на их содержание доходами с занимаемого края»¹.

Возникший в 1864 г. вопрос о протектировании среднеазиатских владений или их полном присоединении к России становится ключевым в построении geopolитической системы в Средней Азии. Уже в 1864–1865 гг. это ярко проявилось в вопросе о правовом статусе г. Ташкента и прилегающих к нему территорий.

Попытка взять Ташкент сходу не удалась, и этот факт вызвал пристальное внимание как военного, так и политического руководства России – речь фактически пошла об установлении новой линии границы и о все большем участии в политической жизни Средней Азии. Дело осложнилось из-за претензии на город эмира Бухары, который попытался воспользоваться военными поражениями Коканда для: 1) территориальных приобретений; 2) установления политического контроля над Кокандом; 3) обеспечения контроля за транзитной торговлей через Ферганскую долину в Кашгарию. Это кардинально меняло всю политическую обстановку.

¹ Серебренников А.Г. Указ. соч. Т. 17. – Ташкент, 1908. – С. 196–201.

ку на территории междуречья рек Сырдарьи и Амударьи, т.е. древнего Мавераннахра, что требовало незамедлительных решений со стороны России. Центральным пунктом в этих событиях становилось определение международного правового статуса г. Ташкента и Ташкентского оазиса: «Известие о прибытии в Ташкент Худояр-хана с отрядом войск Бухарского эмира до сих пор еще не подтверждается. Но сведения о сношениях Ташкента с Бухарой подтвердились, и заговор, заблаговременно раскрытый Алимкулом, имел целью передачу Ташкента Бухарскому эмиру».

Впоследствии этих оснований Бухарский эмир требовал от Алимкула передачи ему Ташкента, в случае чего выразил намерение послать посольство в Россию для определения границ, но Алимкул ответил, что намерен оборонять Ташкент как от русских, так и от бухарцев и в крайнем случае предпочитает передаться русским¹. Но в 1865 г. Ташкент был взят русскими войсками.

Принимая во внимание огромную стратегическую ценность Ташкентского оазиса и его ключевое значение не только для контроля с севера за Ферганской долиной, но и в качестве фактора взаимоотношения со все усиливающейся Бухарой, испытывающей все больший аппетит к территории Кокандского ханства, генерал Черняев и его непосредственный начальник – генерал Крыжановский были склонны сохранить Ташкент в той или иной форме зависимости от России: «Образование из Ташкента отдельного ханства с вассальным подчинением его России, по моему мнению, в настоящее время неудобожелаемо... Хан, поставленный нашим правительством, в глазах народа будет таким же русским чиновником, которым управляются они и теперь, но с той разницей, что власть нашего чиновника они признают, потому что видят в ней силу, и в результате выйдет, что мы только лишимся средств, которые будут выделены на содержание хана. Помимо всего этого, образование из Ташкента самостоятельного ханства лишит нас этого важного политического значения, которое приобрели мы с занятием этого города, стоявшего во главе всей Средней Азии»².

Еще более развернуто свои соображения по присоединению новых территорий в Средней Азии изложил в донесении военному министру оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, на долю которого, как и его предшественника, Обручева, выпало принятие многих политических и военных решений по региону:

¹ Водопьянов В. Указ. соч. – С. 101.

² Серебренников А.Г. Указ. соч. Т. 20. – Ташкент, 1908. – С. 7.

«Их правительства (т.е. Коканда и Ташкента) должны быть к нам в вассальных отношениях и представлять ручательства для нашей торговли и спокойствия границы и далее течение Сыра должно быть обеспечено для нашего судоходства. Спрашивается, каким образом следовало добиваться этого ручательства и этого обеспечения от такого народа, как азиатцы? Можно ли было достичь требуемых результатов, не занимая постоянно вблизи Ташкента угрожающей позиции и самостоятельных постов по реке? Каким образом можно установить вассальные отношения, хотя бы над одним Ташкентом, городом, где сплетаются все интриги среднезиатской дипломатии, стоя от него в 100 верстах или даже приходя туда, но лишь на время?

Каким образом, не занимая пункта вблизи Ташкента, обеспечить его от преобладания в самом городе сильной партии эмира, всегда готовой с оружием в руках поддержать и укрепить его владычество?

Наконец, отчего, занимая временно разные посты впереди нашей границы, мы должны считать ее вновь перенесенной, и отчего объявление Ташкента и Коканда независимыми владениями с обязательством защищать их от всякого рода нападений будет противоречить нашим официальным и журнальным заявлениям?

Независимый Ташкент может без нарушения своей независимости потребовать присутствия наших войск в разных пунктах своей территории, и мы не можем отказать в том владению, находящемуся под нашим протекторатом»¹.

Новая geopolитическая реальность, сложившаяся в северных районах Средней Азии, вызвала большие затруднения в деятельности высших политических кругов России на международной арене. Однако успехи русских войск в этом регионе оказали ожидаемое давление на позицию Англии, проявлявшей все большее опасение по поводу своих колоний в Индии, а значит, смягчившей свои позиции в отношении России в Европе. Ташкент был оценен МИДом России как «узел нашего влияния в Средней Азии»². Министерство иностранных дел посчитало целесообразным: «Для оставления гарнизонов в Чиназе и Ниязбеке, а также в разных постах по Сыру просьба о том жителей Ташкента была бы весьма уместная.

¹ Серебренников А.Г. Указ. соч. Т. 20. – Ташкент, 1908. – С. 19–20.

² Там же. – Т. 19. – С. 283.

При объявлении эмиру о предстоящем наказании за всякое нарушение спокойствия наших границ, равно как Ташкента и Коканда, не следовало бы упоминать о взятии Бухары, так как эта угроза трудноосуществима, а наше слово, в особенности обращенное к азиатцам, должно быть строго выполняемо»¹. Этот взгляд в значительной мере совпадал со взглядами на устройство границы оренбургского военного начальства: «В Ташкенте надо образовать самостоятельное управление из местных жителей, без всякого вмешательства в домашние дела жителей кого-либо из русских чиновников. Само собой разумеется, что при этом крепость и жители должны быть немедленно обезоружены, а крепостные стены приведены в положение, совершенно для нас безвредное.

Было бы весьма полезно образовать при Ташкенте целый округ от страны, лежащей от нашей нынешней линии до берегов Сыра и Нарына, по всему их протяжению, и землю эту вместе с городом Ташкентом или отдать особому хану по нашему выбору, или подчинить муниципалитету»².

Министерство иностранных дел России в лице директора его Азиатского департамента Стремоухова категорически возражало против такой линии границы, которую предлагал оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, ставившийся одновременно сладить тот отрицательный эффект, который произвели в политических кругах слишком решительные и не согласованные с руководством страны действия генерала Черняева в отношении Ташкента: «Так же как и прежде, держусь его мысли, что, не окончив устройства главного здания и не имея даже денег на устройство его, не нужно начинать постройку ненужных флигелей: нечего нам делать новых завоеваний, когда не можем укрепить то, что уже имеем. В Азии гораздо легче делать громкие завоевания, чем трудиться над администрацией, тем более что последняя приносит много горя и неудовольствия, а громкие, но вместе с тем весьма нетрудные завоевания, приносят чины и кресты. А потому не следует удивляться, что в Туркестане люди увлекаются: надо только подтянуть им поводья и направить воинственный удар на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России.

Полагаю, по-прежнему (и решительно), остановиться на бывшей границе нашей через Ташкент и Аулиета, выдвинув не-

¹ Серебренников А.Г. Указ. соч. Т. 20. – Ташкент, 1908. – С. 66.

² Там же. – С. 68.

много вперед ее левый фланг. Думаю границу ту прикрыть вассальными нам владениями Ташкентским и Кокандским, но с обязательством защищать их от покушений Бухары. Если эмир захочет взять их, придется всякий раз открывать клапан геройства Туркестанских войск и брать Бухару с целью наказывать эмира контрибуциями. Считаю также необходимым, обеспечить за нами судоходство по Сыру и для сего, по особой просьбе ташкентцев и снисходя к их крайнему и бедственному положению, оставить границы в некоторых пунктах по берегу реки. Если будет возможно, надо устроить так, чтобы ташкентцы платили арендную сумму на содержание тех гарнизонов. Когда ташкентское владение окончательно упрочится (а когда оно упрочится, знает только Бог и мы), тогда гарнизоны наши надо будет вывести»¹.

Таким образом, высшее военное руководство Оренбургского генерал-губернаторства, отвечавшее за политику на среднеазиатском направлении в течение 130 лет, при всем понимании международного резонанса этих действий, склонялось к геостратегическим решениям, исходящим из удобств обороны территории, снабжения войск, безопасности союзников и других факторов стратегического и оперативного характера.

Реакция Азиатского департамента МИДа на планы военных кругов по установлению новой линии границы была однозначной и находилась в русле общей политики России, определенной этим министерством: «Если мы будем расширять наши пределы только потому, что будем желать присоединять к себе каждое воинственное кочевое племя, могущее делать набеги, то вряд ли удастся нам когда-либо остановить свое движение на юг, и кажется, было бы выгодно или оградить границу укрепленною линией, или карать хищников подвижными колоннами...

Едва ли может входить в виды правительства распоряжаться судьбами всей Средней Азии, проникая даже до Бухары; подобные замыслы еще не входили, да и вряд ли должны входить, в нашу политическую программу, потому что ни в коем случае не оправдывались бы ни требованиями нашей торговли, ни общим политическим соображением, а между тем вовлекли бы нас в неизбежные затруднения»².

В этот момент действия России в Средней Азии неожиданно осложнились активностью Бухарского эмирата. К середине 1865 г.

¹ Серебренников А.Г. Указ. соч. Т. 20. – Ташкент, 1908. – С. 47–48.

² Там же. – С. 69–70.

бухарский эмир Музaffer, воспользовавшись борьбой России и Кокандского ханства, вторгся в Ферганскую долину, захватил Коканд и посадил на престол своего ставленника – неоднократно изгонявшегося отсюда в ходе межфеодальной борьбы Худояр-хана.

Этот успех воодушевил эмира, и он прислал в Ташкент посольство, которое в ультимативной форме потребовало немедленного вывода русской администрации и военных сил за пределы города.

В этих условиях МИД и Военное министерство России единодушно решили придерживаться твердой позиции: не давать повода к столкновениям, но не избегать при необходимости активных действий. Однако попытки решить возникшую проблему потерпели неудачу – посольство, посланное к эмиру в октябре 1865 г. во главе с полковником Глуховским, было арестовано¹.

В этой ситуации русское военное командование решилось на более активные действия. Мелкие стычки с бухарскими разъездами переросли 8 мая 1866 г. в крупное сражение в уроцище Ирджар, где бухарская армия была разбита, и после неудачной попытки организовать контрнаступление бежала в свои пределы².

Новый командующий войсками в регионе, генерал Д.И. Романовский, сразу вслед за этим занял важные стратегические пункты, прикрывавшие доступ в центральную часть Ферганской долины – г. Ходжент и крепость Нау. Таким образом, послушный союзник Бухары, кокандский правитель Худояр-хан, оказался запертый в Ферганской долине и не мог выступить совместно с бухарскими войсками. Но Романовский при поддержке военного ведомства решил добиться «полной определенности» с Бухарой, и 23 сентября его войска вторглись в пределы эмирата. Заняв штурмом важнейшие крепости: Ура-Тюбе (ныне г. Истаравшан), Джизак и Яны-Курган, они вскоре вышли на подступы к Самарканду.

С присоединением к России этой территории для местного, прежде всего оседлого, таджикского населения закончился нескончаемый кошмар междуусобных войн, длившихся практически постоянно между Бухарой и Кокандом. По данным известного таджикского историка А. Мухтарова, с начала XIX в. до 1866 г.

¹ См.: Татаринов А.С. Семимесячный плен в Бухарии. – СПб., 1867; Глуховский А.И. Плен в Бухаре // Русский инвалид. – 1868. – № 97–100.

² Дониш А. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранные произведения. – Душанбе, 1976. – С. 125.

г. Ура-Тюбе обе стороны штурмовали свыше 40 раз!¹ И каждый раз занятие города сопровождалось грабежами, пожарами и угоном населения. Именно в окрестностях Ура-Тюбе известный русский художник В. Верещагин в эти годы увидел печально известный «калаи-манор» (минарет из голов), ставший сюжетом его картины «Апофеоз войны».

Управление большими «вновь приобретенными» территориями в Средней Азии потребовало и нового административного устройства. 11 июля 1867 г. решением правительства, среднеазиатские владения образовали отдельное Туркестанское генерал-губернаторство, куда вошли две области: Сырдарьинская и Семиреченская. Общая территория Туркестанского генерал-губернаторства составила около 1,493 тыс. верст, что делало его одним из крупнейших административных образований России того времени².

Первым генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант К.П. Кауфман. Ему были предоставлены неограниченные полномочия «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для проведения переговоров и подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами». Кауфман стал настоящим хозяином в Туркестане. Недаром местные жители дали ему прозвище «ярым-подшо», т.е. «полуцарь». Современники отмечают, что он «иногда даже предупреждал высшую правительенную власть, которой только оставалось соглашаться с его распоряжениями и утверждать их в законодательном порядке»³.

Накануне нового 1868 г. генерал-губернатор пригласил на прием «именитых людей Ташкента», где поздравил их с Новым годом и выступил с речью, в которой разъяснил основные положения в управлении краем. Им было объявлено, что все вопросы самоуправления, равно как и судопроизводства, передаются выборным самим населением аксакалам и казиям, и только особо тяжкие преступления подлежат русскому суду. При этом

¹ Мухтаров А.М. История Ура-Тюбе. – Душанбе, 1984. – С. 75.

² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 19. Туркестанский край. – СПб., 1913. – С. 2.

³ Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. – М., 1910. – С. XV.

К.П. Кауфман подчеркнул, что «ташкентцы и жители других городов, за исключением только некоторых преступлений, будут судиться выбранными казиями по шариату и обычно таким образом, что в приговоры казиев не будут иметь право вмешиваться русские чиновники. Если бы, однако, обе тяжущиеся стороны захотели бы судиться у русского судьи, то это им разрешается. Русским же судьям приказано разбирать дела по совести. Жалование арыкаксакалам и аксакалам, с их помощниками, будет назначаться самим народом».

Губернатор особо подчеркнул важность сознательного отношения самих жителей к выборам местных должностных лиц: «Нужно также, чтобы аксакалы и казии были выбраны народом из числа самых лучших людей. Особенно важен выбор в члены хозяйственного управления, которые будут собирать подати. Выберут жители своих чиновников из хороших людей, будет им жить хорошо; выберут дурных, опять начнутся обиды, притеснения и незаконные сборы в течение целых трех лет»¹.

Первым политическим шагом, сделанным К.П. Кауфманом по прибытии в Ташкент, стало аннулирование мирного договора с Бухарским ханством. Генерал-губернатор потребовал с ханства контрибуцию за развязанные эмиром военные действия и проведение границы западнее, чем предполагалось ранее. Положение в Бухарском ханстве было очень напряженным. Уже в первой половине 1868 г. в Бухаре и Самарканде, как три года до этого в Ташкенте, среди правящей элиты сформировались две группировки. Бухарское духовенство и феодальная верхушка, состоящая из тюрко-монгольского рода мангыт, требовали от эмира решительных действий против Российской империи. Они делали ставку на старшего сына эмира – Ката-тюря, обвиняя самого эмира Музafferfa в политической слабости и нерешительности. Опираясь на многочисленных учеников мусульманских религиозных училищ (мулло-бача), духовенство издало фетву (указ) о «священной войне» (газавате) против русских.

У бухарского купечества, торговых и ремесленных кругов Бухары и Самарканда, состоящих в основном из таджиков, была другая позиция. Заинтересованные в развитии экономических свя-

¹ Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. – М., 1910. – С. XVIII–XIX.

зей, они стремились к быстрейшему урегулированию конфликта. Все духовенство также состояло из числа таджиков.

Чтобы окончательно не дискредитировать себя в глазах подданных, эмир Музаффар возглавил войска, двинувшиеся через р. Зеравшан на восток от Самарканда. Навстречу подошли русские войска под командованием Кауфмана. 1 мая 1868 г. в урочище Таш-купрюк произошло сражение, в результате которого отступление бухарцев превратилось в паническое бегство, пример которого показали сам эмир и его высшие сановники.

Поражение бухарских войск развязало руки торгово-ремесленной партии Самарканда, и жители города заперли ворота перед отступающими войсками. Необходимо подчеркнуть, что такой поступок таджикского населения города лишил эмира важнейшего пункта сопротивления, снизил потенциальные потери с двух сторон и способствовал быстрейшему окончанию войны. Город был открыт только перед подошедшими русскими войсками, навстречу которым старейшины города вынесли ключи от всех ворот Самарканда.

2 июня на Зерабулакских высотах между Катта-Курганом и Бухарой произошло решающее сражение. Армия эмира потерпела сокрушительное поражение, и остатки ее бежали. Дорога на Бухару была открыта, а сам Музаффар, боясь возвращаться в столицу, едва не погиб от жажды, блуждая два дня по безводной степи. Но в планы генерал-губернатора не входила окончательная ликвидация ханской деспотии. Правительство России считало, что при отсутствии агрессивности со стороны Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств выгоднее сохранить эти политические структуры «как более отвечающие духу и природе народов их населяющих» и, одновременно, не требующих дополнительных расходов на управление территориями.

23 июня 1868 г. между Российской империей и Бухарским ханством (эмиратом) был заключен мирный договор. Бухарское правительство официально признало вхождение Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака в состав Российской империи. Русским подданным предоставлялось право свободной торговли и учреждения торговых агентств в ханстве, проезда через его территорию в другие государства, а также гарантировалась безопасность личности и имущества. Это договор, известный в истории русско-бухарских отношений как «прелиминарный» (предварительный), подтвердил французскую поговорку о том, что «нет ничего более постоянного, чем временное»: несмотря на то что он так и не был ратифициро-

ван Россией, он остался основным документом межгосударственных отношений вплоть до 1917 г.¹

Подписание между Россией и Бухарским ханством мирного договора сыграло важную роль в установлении мира в регионе и, что особенно важно, в становлении системы протекторатов. Вторым важнейшим документом в этой сфере стал «Договор о дружбе между Россией и Бухарским ханством», подписанный в Шааре 28 сентября 1873 г.² Еще два документа: «Протокол дополнительных правил» от 23 июня 1888 г. и «Правила об управлении, хозяйстве и благоустройстве поселений близ железнодорожных станций Чарджуй и Бухара»³ – касались включения территории ханства в транспортную инфраструктуру России. Всего с 1868 по 1896 г., учитывая и «прелиминарный» договор, между Россией и Бухарским ханством было подписано восемь договоров и отдельных соглашений.

Фактически весной 1868 г. на территории Средней Азии сложилось ядро административного образования России, к которому в последующие 26 лет были присоединены территории Ферганской долины, современного Туркменистана и Памира. Этот процесс происходил в результате боевых действий с регулярными войсками государств (Хивинского и Кокандского ханств, а также Афганистана) и с ополчением отдельных племенных объединений (туркмен-текинцев и киргизов), а также в результате принятия в российское подданство по ходатайству групп населения. Если события, связанные с боевыми действиями, широко известны и сравнительно хорошо изучены, то вопросы, связанные с мотивами добровольного присоединения тех или иных территорий, остаются неясными и часто являются предметом политических спекуляций.

Бесспорными являются акты добровольного присоединения, произошедшие после неоднократных обращений к руководству

¹ Хотамов Н.Б. Русско-бухарский договор 1868 г. и его дальнейшая судьба // Россия и Таджикистан: Исторический опыт взаимоотношений. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию подписания русско-бухарского договора (1868). 31 октября 2008 г. – Душанбе, 2009. – С. 30–42.

² Договор о дружбе, заключенный между Россией и Бухарой в Шааре 28 сентября 1873 г. // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, изд. 2-е. Т. 1. – СПб., 1902. – С. 421–425.

³ Национальная политика в имперской России: Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / Сост., ред. и авт. прим. Ю.И. Семенов. – М., 1997. – С. 219–224.

России со стороны туркмен-йомудов Южного Туркменистана (древняя Маргiana) в 1884 г., а также таджикского населения Горного Бадахшана в 1892–1903 гг.¹ Тогда произошло присоединение de facto территории Шугнана, Рушана, Горана, Ишкашима и Вахана, перешедших под управление военной администрации Памирского отряда из-под власти Бухарского ханства.

Бесспорно одно: по мере роста могущества России она превращается для Средней Азии в главное звено, связующее Восток и Запад, а для таджиков русские становятся не только торгово-экономическими партнерами, но и спасителями в сохранении национальной идентичности, гарантами их национально-государственного и культурного возрождения. При этом историческая правда требует, чтобы события присоединения Средней Азии к России рассматривались исходя из контекста исторических событий той эпохи, а не нынешней политической конъюнктуры.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: была ли возможность у среднеазиатских ханств и племенных объединений, живущих в условиях Средневековья, в эпоху, когда в мире происходил раздел на сферы влияния между крупнейшими державами, объединиться и противостоять захвату территории? Однозначно – нет!

Второй гипотетический вопрос, также скорее относящийся к «альтернативной истории»: чьей жертвой для обитателей Средней Азии было стать выгодней – Российской империи или Великобритании? Дискуссии на этот счет не были редкостью в период обретения независимости странами региона, что, на наш взгляд, является в корне неверным по многим историческим, культурным и политическим причинам.

Начнем с того, что Англия, колониальные владения которой превышали территорию метрополии почти в 100 раз, в то время задыхалась от проблем с их управлением и просто лихорадочно старалась удержать свои заморские территории. Особенно это касалось «главной жемчужины Империи» – Британской Индии. Именно в этих целях ею предпринимались попытки воспрепятствовать дальнейшему продвижению России на Юго-Восток. Для этого применялись различные методы, прежде всего – создание проанглийских режимов на буферных территориях и в государствах, призванных защищать интересы Лондона от потенциального противника. Именно с этим связана лихорадочная активность анг-

¹ См.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – М., 2005.

лийской дипломатии и разведслужб в лице Индийского топографического бюро в Средней Азии в 1810–1850-х годах. Наибольших успехов на этом направлении англичанам удалось добиться в Кокандском ханстве, а также в отношении туркмен-текинцев. Однако давние дипломатические и культурные связи, экономическое и политическое влияние России в регионе делали такие действия Англии малоэффективными.

Для тех же, кто положительно оценивает последствия британского колониального владычества, можно рекомендовать более подробно ознакомиться с историей господства Британии в Индии, разграбления этой страны, искусственного раздувания религиозной вражды, результаты которой индуисты и мусульмане пожинают и по сей день.

Русский колониализм имел свои особенности, которые выделяли его среди всех европейских государств. Став колонией Российской империи, независимо от великодержавных (а подчас и шовинистических) взглядов российских властей, народы края были втянуты в общее жизненное пространство метрополии, что имело объективно положительное значение. Как советские, так и современные исследователи, характеризуя колониализм в Средней Азии, часто указывают на «несправедливое административное деление» края, не учитывавшее интересы тех или иных этносов. В данном случае происходит классическая экстраполяция современных политических проблем на реальность XIX – начала XX в. Нынешний исследователь, воспитанный и обученный европейским понятиям «нации», «национальных отношений» и «национальных интересов», часто не понимает, что данная терминология имела совершенно другое значение в политическом контексте того времени.

Для российской политической элиты, значительная часть которой имела татарские, калмыцкие, немецкие, польские и литовские корни, не существовало понятия национально-территориальной государственности тех или иных этносов. Нахождение в составе Российской империи протекторатов Царства Польского и Царства Финляндского было лишь политической уступкой местным элитам, правившим в данном государстве до его присоединения, в обмен на их лояльность Петербургу. Точно такой же подход существовал и в отношении Бухарского и Хивинского ханств, являвшихся для Петербурга отнюдь не национально-территориальными образованиями, а просто «бухарцами» и «хивинцами»!

Этническая идентификация, ставшая привычной в Европе с XVIII в., была для народов Средней Азии признаком вторичным (после понятия «мусульманин») и превратилась в доминирующий признак только в советский период с четко разработанной марксистской национальной политикой¹.

Наибольшее значение присоединение региона имело в экономической политике. Экономика края начала перестраиваться под нужды метрополии. Конечно, это происходило далеко не на «плановой основе», хорошо знакомой нам по новейшему периоду, что делало первые десятилетия пребывание Средней Азии в составе России попросту убыточным для последней. По данным Министерства финансов России, с 1869 по 1896 г. (за 28 лет) дефицит бюджета, выраженный в различных доплатах, составил 132 млн руб., сумму по тем временам очень значительную. По заявлению министра финансов России в 1899 г., «Туркестан стоит во главе тех окраин Российской империи, которые благодаря, с одной стороны, податным льготам, с другой – целому ряду мероприятий правительства, достигли высокого экономического развития, и дальнейший рост которых за счет центра не мог быть ничем оправдан»².

Основные расходы по Туркестанскому краю (от 61 до 76%) составляло содержание войск, необходимых для противодействия Великобритании: в 1878–1879 гг. в связи с Русско-турецкой войной, когда Англия поддержала Турцию, большая часть войск была выдвинута в район Чарджоу и Карши; в апреле 1885 г. афганские войска под командованием английских офицеров пытались захватить район Кушки и Серахский оазис в Туркмении; в 1882 г. афганские войска при финансовой и дипломатической поддержке Англии вторгаются в Горный Бадахшан. Великобритания проявляет враждебность вплоть до 1905 г., до Русско-японской войны 1904–1905 гг., после которой началось англо-российское сближение.

Большая сумма была потрачена правительством России на строительство Закаспийской железной дороги от Красноводска до Ташкента, а затем веток на Термез и в Ферганскую долину. К началу XX в. эти расходы еще не оправдались стоимостью перевозок.

В дореволюционный период из Средней Азии вывозилась только продукция сельского хозяйства (хлопок, сухофрукты, кара-

¹ См.: Масов Р.М. Таджики: История под грифом «совершенно секретно». – Душанбе, 2007.

² Стеткевич А. Убыточен ли Туркестан для России. – СПб., 1899. – С. 3–4.

куль, мерлушка, кожаное сырье). Минеральное сырье добывалось только для внутреннего потребления: уголь для нужд Закаспийской и Среднеазиатской железных дорог и пароходов Аральской флотилии; нефть для освещения и т.д.

Тезис, бытовавший в недавней историографии, о том, что Средняя Азия была для России «большой хлопковой плантацией», не выдерживает критики. Наоборот, производство стало играть заметную роль в крае только после внедрения здесь культуры «американского» или «египетского», т.е. тонковолокнистого хлопка, что произошло в самом конце XIX в. Для распространения этих сортов семена тонковолокнистого хлопка бесплатно раздавались в кишлаках дехканам. Первые опыты посевов американского хлопчатника были осуществлены в 1883 г. под Ташкентом ученым-естественноиспытателем А.И. Вилькинсом¹.

Благоприятные климатические условия Туркестана и первые удачно проведенные опыты по разведению хлопчатника дали возможность шире внедрять американские сорта. В 1889 г. почти вся хлопковая площадь в Туркестане засевалась уже американским хлопчатником. Только с 1886 по 1890 г. посевные площади под ним увеличились здесь почти в 5 раз. Если в 1885 г. в Ферганской долине только 14% земледельческих площадей были отданы под разведение хлопка, то в 1915 г. они составляли уже 40%. Местные сорта хлопка постепенно вытеснялись американскими сортами лучшего качества. Но в целом в 1913 г. только от 15 до 20% пригодных для земледелия (орошаемых) площадей Туркестана были заняты хлопком.

С ростом посевной площади увеличился и вывоз в Россию хлопка из гибридов американских сортов. С ростом производства туркестанского хлопка, соответственно, сокращалось потребление хлопчатобумажной промышленностью России иностранного хлопка. Последний к 1914–1915 гг. составлял всего 30%².

Превращение хлопка в монокультуру характерно уже для советского времени начиная с конца 1920-х годов.

Еще одним, косвенным, подтверждением факта дотационности региона является упорное сопротивление правительства России в изменении статуса протектората для Бухарского и Хивинского ханств, т.е. ликвидации их независимости и включения в

¹ Лурье С.В. На стыке двух империй (русские в Средней Азии и англичане в Индии) // <http://kungrad.com/history/biblio/lurie/> С. 3.

² Там же. – С. 5.

состав империи. Это каждый раз обосновывалось перспективой резкого увеличения государственных расходов на управление, вложениями в сферу здравоохранения и образования, как это происходило в Туркестанском генерал-губернаторстве¹.

Таким образом, Россия, в отличие от других колониальных стран, больше вкладывала в присоединенные районы, чем выкачивала из них. Такой странный колониализм в конечном итоге благотворно влиял на социально-экономическую и культурную жизнь всех народов региона. В народном хозяйстве ускоренными темпами шел процесс накопления капитала, который происходил как в сфере торгово-ростовщических операций, так и в сельском хозяйстве. Это способствовало созданию предпосылок для развития новых производственных отношений и освобождению от застойных оков феодализма. Вскоре в крае появляется множество крупных, средних и мелких промышленных предприятий, главным образом хлопкоочистительных и маслобойных заводов. По имеющимся данным, в 1914 г. только в Ходжентском уезде Туркестанского генерал-губернаторства работали восемь хлопкоочистительных заводов. Учреждались и росли десятки частных кредитных учреждений. О росте и соотношении экономических связей Средней Азии с метрополией свидетельствуют следующие показатели: царская Россия только с 1868 по 1897 г. на содержание Туркестанского края потратила 294 млн руб., а получила доходов на 158 млн, т.е. на 136 млн руб. меньше. Вряд ли эти цифры можно считать свидетельством «беспощадного разграбления богатств Средней Азии», что упорно старались доказать многие исследователи советского периода.

В этот период наблюдается все большая специализация сельскохозяйственных районов и образование единого внутреннего рынка, что несло вполне конкретные выгоды местному населению.

Говоря о последствиях присоединения Средней Азии к России, неоднозначно нужно оценивать и «военно-народное управление», введенное для местного населения колониальной администрацией, которое вместе с несомненными преимуществами освобождения от ханского и бекского произвола вело к насаждению власти русских военных чиновников.

¹ См.: Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство под русским протекторатом. – СПб., 1911. – С. 114–118.

Отдельного исследования требуют и взаимоотношения России с ее официальными и фактическими протекторатами: Кокандским, Бухарским и Хивинским ханствами. Разброс мнений по этому вопросу остается гигантским: от демократического морализаторства подполковника русских погранвойск Д.Н. Логофета до идиллических картин части среднеазиатских историков и публицистов 1990-х годов. Пожалуй, бесспорно одно – нельзя рассматривать эти заповедники феодализма и восточной деспотии в качестве последних островков «золотого века» среднеазиатских народов!

Что касается судьбы таджикского народа в истории региона в данный период, то она вобрала в себя все плюсы и минусы этого процесса. В ходе боевых действий неминуемо гибли и таджики, составлявшие значительную часть пешего ополчения (сарбазов) кокандских и бухарских войск. В основном это были выходцы из Каратегина, Дарваза и Бадахшана, шедшие на военную службу во время отходного промысла с родины в Ферганскую долину.

Несомненные потери таджикский народ понес и от колониального раздела сфер влияния Российской империи и Англии по р. Амударье, договоренность о чем была достигнута в 1873 г., а затем и во время разграничения на Памире в 1895 г.¹ Об этом можно только сожалеть, однако будем объективны в оценке этих решений: политики многонациональных империй, как мы говорили выше, не руководствовались марксистско-ленинским пониманием нации и национального самоопределения – это удел следующей эпохи! Таджикский язык, игравший до присоединения ведущую роль в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве, позже потерял свое былое значение и уступил место тюркскому, чагатайскому языку.

Подводя итоги сказанному о последствиях присоединения Средней Азии к России, можно с полной уверенностью констатировать следующие факты и явления:

- а) отмена позорного института рабства;
- б) окончательное искоренение феодальных и межэтнических междоусобиц;
- в) введение современного, по тем временам, административного управления и более прогрессивной судебной системы;

¹ См.: Постников А.В. Указ. соч. – М., 2005. – С. 380–431; Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. – М., 2007. – С. 70–75; Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. – М., 2004. – С. 542–561.

г) ограждение населения Горного Бадахшана от жестокого грабежа и произвола афганцев, подстрекаемых англичанами;

д) интенсивное развитие новых капиталистических производственных отношений, ломка натурального хозяйства, зарождение и развитие промышленных предприятий капиталистического типа, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности;

е) развитие транспортной инфраструктуры и укрепление торгово-экономических связей между отдельными частями региона;

ж) появление светского европейского образования: десятков русско-туземных школ и реальных училищ от Ташкента до гарнизона Хорогского погранотряда, доступных местному населению;

з) появление современной системы здравоохранения, искренившейся десятки опасных и уже экзотических для Европы того времени болезней и давшей вскоре небывалый демографический рост местного населения;

и) простор для научных исследований, а значит – и дальнейшего хозяйственного освоения края;

к) создание условий зарождения (а для таджиков – возрождения) национальной государственности коренного народа региона, подвергавшегося к тому времени уже несколько столетий насилиственной ассимиляции и вытеснению со стороны тюркских этносов; присоединение региона к России стало и просто спасением этноса от физического и духовного уничтожения.

Взвесив все отрицательные и положительные последствия включения Средней Азии в состав России, приходится признать, что последних – неизмеримо больше. Этого не могут затмить никакие «сенсационные открытия» сторонников «абсолютной национальной независимости», зарабатывающих на этом дешевые политические и финансовые дивиденды. Терминологическая эквилибристика не меняет главного: события полуторавековой давности были для региона исторически обоснованы, благотворны и прогрессивны.

*«Историческое пространство
(проблемы истории стран СНГ)»,
М., 2013 г., с. 43–60.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Т. Оруджова,

политолог, магистрант (МГЛУ)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИРАНА

После раз渲ала Советского Союза и двух десятилетий восстановления молодой, но уже окрепшей России необходимо опираться на надежных партнеров в современном мире. Одним из таких перспективных партнеров могла бы стать Исламская Республика Иран. На сегодняшний день необходимость развития стратегического сотрудничества России и Ирана определяется рядом важнейших факторов.

История российско-иранских дипломатических отношений ведет отсчет с 1592 г. Более четырех веков страны-соседи контактируют друг с другом по поводу и спорных, и сближающих стороны вопросов. Исламская Республика Иран сегодня – одно из приоритетных для Российской Федерации государств в направлении восточного сотрудничества, страна с растущим населением, численность которого в 2013 г. составила 79 млн человек. Причем большинство из них составляет молодежь.

Иран, являясь мировым центром шизизма и обладая огромным влиянием на мусульман, исповедующих шиитский ислам, заинтересован в сдерживании сепаратистских движений как внутри страны, так и во всем Евразийском регионе, включая Российскую Федерацию. Исламская Республика располагается на юго-западе Азии, на севере омывается Каспийским морем, на юге – Персидским и Оманским заливами. Находясь между Кавказом и Индийским океаном, страна является таким стратегическим плацдармом, владение которым позволяет контролировать ситуацию в Персидском заливе, Пакистане, Афганистане и на Каспии.

Борьба за региональное лидерство

Иран является южным соседом России и разделяет с ней акваторию Каспийского моря. На сегодняшний день борьба за энергетические ресурсы Каспийского моря выходит на первый план международной повестки дня не только в регионе, но и в глобальном масштабе. Стоит отметить, что 61% мировых запасов нефти и около 40% газа находятся на территории стран Ближнего и Среднего Востока, чем объясняется геостратегическая значимость региона. Правовой статус Каспийского моря многие годы находится в процессе обсуждения, и им интересуются не только те страны, которые непосредственно граничат с его акваторией. Западные страны, в частности европейские, зависимые от восточных энергоресурсов, ведут политику проникновения в Каспийский регион через своих восточных партнеров в лице Турции и Азербайджана. В процесс обсуждения раздела нефтяных месторождений то и дело намереваются включиться третьи страны, а США в 1997 г. объявили Каспий «зоной своих жизненно важных интересов».

В этих условиях нарастает необходимость совместного сотрудничества всех пяти прибрежных государств (Иран, Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркмения), в рамках которых особое значение имеют отношения России и Ирана. Обе страны твердо придерживаются той позиции, что вмешательство «третьих сил» в разрешение Каспийского вопроса идет вразрез с их стратегическими интересами. Российско-иранская риторика в отношении этого вопроса предельно схожа и заключается в недопущении внешних игроков в дела Прикаспия, создания комфортных условий для обсуждения правового статуса моря исключительно в формате пятисторонних договоренностей между прикаспийскими странами. Россия совместно с Ираном заявляет о недопущении и непринятии любого соглашения по данному вопросу, заключенному в ином порядке.

Необходимо пояснить, что в данном контексте под «третьими странами» понимаются не только страны Запада, но также и соседние государства, заинтересованные как в маршрутах транспортировки каспийских ресурсов, так и в усилении своего регионального влияния. К таким странам можно отнести, например, Турцию. Последняя многие годы является одним из главных соперников Исламской Республики Иран в борьбе за региональное влияние. Турция, будучи приверженцем светской формы правления в мусульманских странах, весьма болезненно воспринимается

иранским руководством. К тому же на данном этапе их интересы по ряду вопросов идут вразрез друг с другом, например в отношении Египта.

С одной стороны, различия в конфессиональных предпочтениях, политических и экономических моделях развития, соперничество за влияние в Ближневосточном регионе и, наконец, западно-ориентированная направленность турецкой политики выступают причинами охлаждения ирано-турецких отношений. Политика Турции, являющейся восточным оплотом НАТО в Каспийском регионе, таким образом, выступает фактором, способствующим сближению России и Ирана. С другой стороны, Турция, являясь весомым игроком в регионе, может стать партнером России и Ирана по вопросу сдерживания конфликтов и установления безопасности в Южно-Кавказском, а в перспективе – во всем Ближневосточном регионе. Целью такого союза может и должно стать недопущение развязывания большой войны в регионе. Следует еще раз подчеркнуть, что ни Россия, ни Иран не заинтересованы в расширении присутствия внешних игроков в регионе, в чем состоит значительное сходство их позиций относительно обеспечения региональной безопасности.

Приоритеты сотрудничества с Россией

На сегодняшний день существуют позитивные перспективы развития торгово-экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. В ходе проведения Седьмого заседания Постоянной Российско-Иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству 13 декабря 2007 г. в Москве был подписан Меморандум о намерениях развития долгосрочного торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран. Особое место в документе отводится энергетике, так как обе страны располагают большими запасами нефти и газа, и при слаженном сотрудничестве друг с другом могут играть весомую роль в ценообразовании на нефтепродукты на мировом рынке. 14 июля 2010 г. в Москве состоялось подписание «дорожной карты» ирано-российского сотрудничества в области энергетики в нефтяной, газовой и нефтехимической сферах Министерством нефти Исламской Республики Иран и Министерством энергетики Российской Федерации. Стоит также отметить, что 13 декабря 2007 г. сторо-

нами было подписано и соглашение о сотрудничестве в сфере туризма. Одновременно расширяется договорно-правовая база российско-иранского сотрудничества на межведомственном уровне. В частности, 11 декабря 2007 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области стандартизации, метрологии и оценки соответствия между российским Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии и иранским Институтом стандартов и промышленных исследований.

На данный момент наиболее активным и перспективным направлением развития двусторонних экономических связей является энергетическое сотрудничество. В 1967 г. Иран совместно с США запустил свою ядерную программу, а спустя некоторое время к сотрудничеству в данном направлении присоединились Германия и Франция. Однако в 1980 г. строительство атомной станции было приостановлено. После исламской революции 1979 г. новое правительство Ирана отказалось от программы строительства АЭС. Тем не менее, спустя несколько лет, когда обстановка в стране стабилизировалась, иранские власти вернулись к реализации ядерной программы. Еще до распада Советского Союза между иранской и советской сторонами начались переговоры касательно сотрудничества двух стран в области мирного атома. В 1992 г. было подписано первое Соглашение между Правительством Исламской Республики Иран и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и Соглашение о сооружении АЭС на территории Ирана. Место работы российских атомщиков было определено в городе Бушер, где находилась недостроенная немцами АЭС. В 1998 г. строительство перешло к компании «Атомстройэкспорт», а в сентябре 2011 г. состоялся первый пуск АЭС «Бушер».

Бушерская АЭС на сегодняшний день является самым крупномасштабным проектом между ИРИ и РФ, и существует перспектива продолжения сотрудничества в этом направлении. В настоящее время между иранской и российской стороной ведутся переговоры о заключении соглашения о строительстве новых энергоблоков АЭС «Бушер». В марте 2014 г. посол Ирана в России Мехди Санай заявил, что соглашение между Ираном и Россией о строительстве дополнительных энергоблоков АЭС в Бушере будет подписано в первом полугодии 2014 г.

Помимо вышеназванных аспектов сотрудничества России и Ирана существуют и такие перспективные направления, как строительство нефтеочистительных комплексов, освоение газовых

месторождений в Иране, сотрудничество в области автомобильного строения, а также сотрудничество в сфере развития инновационных технологий и медицины в Иране.

Схожими позициями российская и иранская стороны обладают по вопросу растущего потока наркотиков. Россия и Иран считают, что наиболее сильной угрозой, исходящей из региона, является наркотрафик, идущий, главным образом, из Афганистана, равно как и распространение религиозного экстремизма. По вопросу борьбы с наркотиками сторонами был подписан ряд документов, в частности Меморандум о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Исламской Республики Иран в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 16 декабря 1997 г., 29 июня 1999 г. и от 10 августа 2005 г. Кроме того, проблеме борьбы с наркотиками посвящены пункты 22 и 23 Итоговой декларации глав Прикаспийских государств в Тегеране от 16 октября 2007 г. В соответствии с соглашениями Россия и Иран будут сотрудничать в таких сферах, как обмен информацией по вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров, проведение оперативно-разыскных мероприятий в этой области по запросам другой стороны, обмен опытом работы и законодательными и иными правовыми актами, подготовка и повышение квалификации кадров и др.

Проблемы и перспективы отношений

Вместе с тем на пути сотрудничества России и Ирана существуют определенные трудности. Первая сложность – экономические санкции, наложенные на Исламскую Республику. Сегодня Иран является страной, находящейся в международной экономической изоляции. После падения шахского режима в 1979 г., при котором ирано-американское экономическое и политическое сотрудничество находилось на небывало высоком относительно сегодняшних реалий уровне, власти страны развернули антиамериканскую пропагандистскую кампанию. США наряду с другими крупными державами (в том числе и СССР) были объявлены иранским руководством вражескими режимами, неправильными и неправоверными моделями развития общества. В 1995 г. США были введены первые и достаточно серьезные санкции против Исламской Республики, которые заключались в запрете инвестирования международными компаниями развития нефтяных ресурсов в

Иране в объеме, превышающем 20 млн долл. Для компаний, нарушивших условия санкций, предусматривался ряд штрафов, в том числе отказ им в помощи со стороны экспортно-импортного банка США, отказ в лицензии на экспорт, запрет на выдачу займов или кредитов от финансовых институтов США в объеме, превышающем 10 млн долл. в течение 12-месячного периода и т.д. Иран под давлением санкций на несколько десятилетий приостановил свою ядерную программу, однако в 2005 г., с приходом к власти президента Махмуда Ахмадинежада, с иранских трибун вновь стала звучать ядерная риторика. С приходом молодого президента позиция Ирана на переговорах по ядерному досье с США и ЕС ужесточилась, а также была отменена приостановка обогащения урана, согласованная ранее с Великобританией, Германией и Францией.

Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) наряду с некоторыми представителями международного сообщества объявило о наличии в своем распоряжении неких сведений о развитии Ираном ядерной программы с целью изготовления ядерного оружия, на что Исламская Республика в ответ заявила о мирном характере программы. В связи с угрозой распространения ядерного оружия Ираном, с 2006 по 2010 г. Совет Безопасности ООН ввел четыре пакета санкций, накладывающих определенные ограничения на республику, в том числе запреты на импорт иранской нефти, экспорт широкого ассортимента товаров от высокотехнологичного оборудования до лекарств, платежно-расчетные и иные операции с банками Ирана. Были заморожены и зарубежные активы Ирана в иностранных банках, которые оцениваются в 4,2 млрд долл. Здесь немаловажно подчеркнуть, что, несмотря на введенные санкции, Иран оставался партнером России по строительству Бушерской атомной электростанции.

Товарооборот между Россией и Ираном, нараставший к концу первого десятилетия XX в., снова сократился под давлением санкций и в 2012 г. составил 2,33 млрд долл., что на 37,9% меньше предыдущего года. Санкции, применяемые в отношении Ирана, являются сильным сдерживающим фактором экономического сотрудничества Москвы с Тегераном.

Международные запреты оказали влияние и на крупный совместный проект «Анаран», в котором с российской стороны участвует нефтяная компания «ЛУКойл». Анаран – нефтяное месторождение в Иране. В 2003 г. «ЛУКойлом» был подписан контракт на геологоразведку на блоке «Анаран», где его доля была в размере 20%, а доля норвежского Statoil – 80%. Некоторые спе-

циалисты полагали, что «Анаран» может стать одним из самых значительных нефтяных открытий за последние годы. Специалисты Statoil изначально рассчитывали, что на месторождении к 2010 г. будет возможность добывать до 100 тыс. баррелей в сутки. Однако проблемы начались уже в 2007 г., когда «ЛУКойл» заявила о затруднениях, связанных с введением США санкций, направленных против Ирана. В соответствии с санкциями США, инвестиции в экономику Ирана не должны были превышать 20 млн долл. в год, что выходило за рамки ограничений. Так, в 2007 г. «ЛУКойл» сообщила о возможной заморозке работы, когда инвестиции нефтяной компании в эту страну превысят установленную санкциями планку. В 2010 г. стало известно, что российская компания вышла из иранского нефтяного проекта. Однако в январе 2014 г. представители компаний сделали заявление о том, что «ЛУКойл» готова самостоятельно реализовывать проект «Анаран» в Иране, если это станет возможным после снятия санкций с Исламской Республики.

Необходимо указать и то, что с началом президентства Хасана Рухани в 2013 г. иранская ядерная проблематика вновь стала важной повесткой на международных переговорах, чему способствовали активные шаги российского и иранского руководства в направлении решения вопроса. Так, в ноябре 2013 г. представители «шестёрки» (Россия, США, Великобритания, Франция, Германия, Китай) и Иран достигли прогресса в переговорах по ядерной проблематике и заключили ряд соглашений о временном ограничении иранской ядерной программы в обмен на частичную приостановку санкций США и ЕС против страны, включая размораживание иранских активов в зарубежных банках. Особый вклад в этот процесс внес министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, предложивший иранской стороне так называемый «план Лаврова» – дипломатические предложения, предусматривающие пошаговый процесс урегулирования ситуации.

Несмотря на то что, как заявили представители США, снятие санкций несет временный характер и обладает обратной силой, «шестёрка» вместе с Ираном может продолжить процесс соглашения сторон по данному вопросу. Учитывая свободу иранского рынка сегодня от присутствия западных предпринимателей, постепенное снятие ограничений с республики может повлечь за собой приток международных корпораций на иранский рынок и, как следствие, – усиление конкуренции для российских компаний. Такая перспектива могла бы быть тщательно рассмотрена российскими инвесторами и производителями, а подробное изучение

перспектив развития иранской экономики при продолжении процесса переговоров по ядерному вопросу могло бы способствовать корректировке ситуации в интересах российских производителей.

Определенным противоречием в отношениях Ирана и России являются различия в позициях стран относительно раздела Каспийского моря. В соответствии с заключенными в 1921 и 1940 гг. договорами между СССР и Ираном каждая сторона обладала правом на 50% Каспия, однако распад СССР на независимые государства изменил существовавший статус-кво. После первых переговоров по вопросу юридического статуса Каспийского моря, прошедших 17 февраля 1992 г. в Тегеране, стало очевидно, что для выработки правового режима Каспийского моря потребуется длительный срок. Иранская сторона предлагала два варианта решения вопроса о статусе Каспия: полное совместное пользование морем, либо полный раздел дна и водной поверхности. До 1998 г. Россия настаивала на общем пользовании морем, однако впоследствии в результате договоренностей между президентом России Борисом Ельциным и президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым было подписано двустороннее соглашение о разделе дна Каспийского моря между двумя странами. Позиция других трех стран Каспийского региона в отношении документа была категоричной, заключение такой договоренности считалось неприемлемым.

На сегодняшний день позиция Москвы по разделению Каспийского моря сводится к определению границы территориальных вод в размере 12 или 24 миль. Россия предлагает идею «совместного владения» остальной частью акватории, в раздел входит морское дно Каспия, при этом поверхность остается в общем пользовании. В Иране же продвигают вариант, по которому акватория разделяется на территориальное море размером не менее 12 морских миль, исключительную экономическую зону (35 миль), а также общее водное пространство. В Тегеране предлагают равное распределение площади – по 20% каждой из стран. Несмотря на существующие разногласия, переговоры о правовом статусе моря продолжают вестись, и разрешение проблемы находится в зоне интересов как России и Ирана, так и остальных прибрежных государств.

В военно-техническом сотрудничестве России и Ирана в последние годы также существуют некоторые разногласия. В 2007 г. Иран заказал у России пять единиц экспортного варианта мобильной многоканальной зенитно-ракетной системы С-300ПМУ-1 на сумму порядка 800 млн долл. Однако передача комплексов так и

не состоялась: 9 июня 2010 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, запрещающую поставку в ИРИ танков, БМП, крупнокалиберных артиллерийских систем, боевых самолетов, военных кораблей, ударных вертолетов, ракет или ракетных систем. В связи с этим 22 июня 2010 г. вышел Указ Президента РФ Дмитрия Медведева, вводящий эмбарго на передачу иранской стороне ЗРК С-300, бронетехники, боевых самолетов, вертолетов и кораблей. Вслед за этим Иран подал иск на 4 млрд долл. в Международный третейский суд Женевы к российской компании «Рособоронэкспорт» по делу об аннулировании контракта на поставку систем С-300. На сегодняшний день иранская сторона не отказывается от иска, однако предусматривает такой отказ, если сторонами будет достигнуто оптимальное соглашение, в связи с тем, что, как заявил замглавы МИД Ирана Хосейн Амир Абдоллахийан, комментируя ситуацию, Москва и Тегеран «имеют стратегические связи в разных областях».

Определенным камнем преткновения в отношениях между Москвой и Тегераном является вопрос доверия. Не стоит скрывать, что сегодня в иранском обществе, по данным последних опросов, существует немалая доля людей, имеющих негативные ассоциации с Россией и россиянами. В России же, особенно среди молодежи, многие не имеют даже общего представления о том, чем в настоящее время являются государство Исламская Республика Иран и персидский народ. Выстраиванию доверительного диалога в ключе стратегического сотрудничества по всем направлениям могли бы способствовать такие меры, как детальное изучение менталитета наших народов со стороны и предпринимателей и простых граждан, особенностей законодательства и ведения бизнеса в России и Иране, расширение взаимных культурных связей на различных платформах, придание особого внимания работе культурных представительств.

* * *

Подытоживая изложенное, следует отметить, что существующие проблемы в двусторонних отношениях не являются антигностическими и неразрешимыми. Скорее, наоборот: осознание и признание наличия проблем ориентирует на их разрешение, что придаст импульс развитию сотрудничества двух стран. Уверенность же в позитивных перспективах сотрудничества имеет под собой твердую основу. Дело в том, что и Россия, и Иран опирают-

ся на системы ментальных ценностей, которые имеют схожие черты. Среди них можно назвать следующее:

- традицию в противовес модерну и негативным проявлениям глобализации;
- общинность в противовес индивидуализму;
- государственную политическую организацию общества в противовес навязываемому господству наднациональных (транснациональных) структур;
- стремление к безусловному сохранению идентичности в противовес «плавильному котлу» и мультикультурализму¹.

Думается, все это значительно облегчает понимание между нашими народами и элитой двух стран.

В завершение отметим, что президент России Владимир Путин на пресс-конференции, прошедшей 19 декабря 2013 г., сказал следующее: «Иран для нас является одним из приоритетных партнеров в регионе, это наш сосед, мы настроены развивать отношения с Ираном по всем направлениям, и это наш принципиальный выбор». Таким образом, многовековая история двусторонних отношений, географическое положение двух стран-соседей, схожие позиции по многим ключевым политическим вопросам, общие угрозы в Ближневосточном регионе, а также взаимный интерес к увеличению торговых связей, другие обстоятельства сегодня обуславливают неизбежность и необходимость развития российско-иранских отношений и выхода сотрудничества на новый, долгосрочный уровень.

*Статья предоставлена автором
для публикации в бюллетене
«Россия и мусульманский мир».*

¹ См. об этом, например: Белозёров В.К. Государство и его альтернативы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – № 4. – С. 109–113.

В. Ягъя,

доктор исторических наук

Д. Соломина,

аспирантка (Санкт-Петербургский
государственный университет)

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В XXI ВЕКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ТРУДНОСТИ

В современном мире наряду с развитыми и развивающимися странами сложилась группа стран, получивших название «растущие державы». К ним относятся Бразилия, Индия, Китай, Турция, ЮАР и даже Россия [1, с. 16–17]. Их появление заметно изменило конфигурацию международных отношений, ибо взаимодействие их между собой и с государствами иного типа обусловлено движением растущих держав в центр мировой политики и глобальной экономики. Чаще всего оно приобретает стратегический характер, определяемый как национальными интересами и задачами укрепления международной безопасности, так и процессами глобализации и регионализации мировой политики.

Яркий пример тому – отношения Турции и России в первые десятилетия XXI в. Им свойствен небывалый динамизм, они на подъеме, их не могут поколебать даже временные политические разногласия, например, по поводу Сирии, когда и Москва, и Ан卡拉 оказались по разные стороны гражданской войны в этой стране. Дело в том, что фундаментом российско-турецких отношений являются прочные многообразные экономические связи, которые в соответствии с концепцией «spill-over» сказываются позитивно на политических контактах. Есть еще немало геополитических обстоятельств, которые способствуют развитию российско-турецких отношений. Среди них ключевое значение имеют двусторонняя торговля, поставки нефти и газа из России, выездной туризм в Турцию, трудовая миграция в Россию из Турции (особенно в сферу строительства), а также взаимные инвестиции [2, с. 100–102]. Заметную роль играют и географические факторы, в том числе политико-географические.

Турцию и Россию территориально сплачивает евразийское пространство. К нему обращено внимание многих стран как перспективному региону развития. Не случайно ведь Казахстан недавно выступил с инициативой создания платформы евразийской и евроатлантической безопасности, обосновывая это тем, что евразийское партнерство представляет собой новый феномен в

мировой политике, что евроатлантическая безопасность немыслима без евразийской.

В Казахстане рассматривают евразийское пространство как платформу для плодотворного диалога с выгодой для всех, т.е. платформу win-win. Астана стремится подключить к этой идеи Россию, Турцию, Китай, Индию, со временем Иран. До столиц этих государств Казахстан стремится донести и мысль о колоссальном потенциале Евразии как нового геополитического региона мира, обладающего высокими (и во многом уникальными) природно-ресурсными, социально-экономическими, гуманитарными и мирополитическими показателями.

Не случайно и Россия инициировала создание Евразийского союза, подключив к нему Белоруссию и Казахстан. И двери в него открыты другим странам, признающим идеалы и правовые нормы этого экономического объединения.

Турция в настоящее время смотрит в сторону Шанхайской организации сотрудничества, охватывающей значительную часть евразийского пространства. Еще летом 2012 г. Анкара при активной поддержке Москвы стала партнером по переговорам в ШОС, а с конца 2012 г. премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган (Recep Tayyip Erdogan) не раз заявлял о готовности Турции вступить в ШОС. Если это произойдет, то ШОС напрямую вклинился в геополитическую сферу НАТО, членом которой является Турция, а следовательно, и всего Евроатлантического сообщества. В этих условиях неизбежно образование (вольно или невольно) контактной зоны НАТО и ОДКБ, к чему Россия стремится вот уже немало лет, хотя в НАТО противятся взаимодействию с оборонительной организацией многих стран СНГ.

Выступая на открытии заседания Евразийского мусульманского совета, организованного правительственным директоратом по делам религий 19 ноября 2012 г. в Стамбуле, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган особо подчеркнул общность истории евразийских стран и народов, позволяя им тем самым, по его мнению, находить оптимальные решения сложных проблем, включая конфликты. Он признал превращение в настоящее время Евразии в центральный, т.е. ведущий, регион мирового сообщества [3].

Возросший интерес России к евразийству подтвердил, в частности, председатель Государственной думы РФ С.Е. Нарышкин на международном парламентском форуме «Современный парламентаризм и демократия» в декабре 2012 г. «На территории

Евразии, – сказал он, – активно идут процессы экономической интеграции, востребованные нашими народами и приносящие реальную пользу нашим гражданам. На этом фоне выглядят странными попытки отдельных западных политиков искажать подлинный смысл евразийской интеграции. Тем более недопустимо открыто заявлять о вмешательстве и противодействии этим позитивным процессам. Такое беспардонное поведение напоминает неуклюжую походку «хромой утки». Уверен, что определенный Россией и Казахстаном курс на создание Евразийского экономического союза будет успешно реализован» [4, с. 18]. И если Россия твердо определила свое место в Евразийском пространстве, то Турция, стремясь не отстать от своей северной соседки, пытается заручиться поддержкой тюркоязычных стран в активизации совместной деятельности в таких организациях, как ТЮРКСОЙ (TURKSOY) (Международная организация тюркской культуры (Uluslarasi Turk Kulturti Teşkilati)). Например, общим по содержанию направлением в гуманитарной сфере в России и Турции стали научные конференции, посвященные столетию со дня рождения выдающегося русского (советского) тюрколога, этнографа, философа, историка и географа (одним словом – мыслителя) Л.Н. Гумилева. Ему принадлежит немало бесценных трудов по евразийству, которые широко используются в политических речах государственных деятелей России и Турции. И в этом – еще один пример евразийского взаимодействия и сближения Москвы и Анкары [см.: 5].

Турция прилагала немало усилий для создания эффективной постоянно действующей интеграционной политики-экономической организации из тюркоязычных стран, но здесь Анкару ожидала неудача. Сопротивление ее планам оказывают прежде всего Казахстан и Узбекистан (а не Россия, как полагают некоторые эксперты), причем если первый имеет с Турцией в целом теплые дружеские отношения (достаточно упомянуть так называемую Стамбульскую речь президента Казахстана Н.А. Назарбаева в октябре 2012 г.), то второй резко возражает против альянса, в котором Анкара играла бы заглавную роль.

Москва смотрит на тюркополитические эксперименты Турции заинтересованно, ибо в ее составе немало тюркоязычных народов, часть из которых (татары, башкиры, якуты и др.) имеют свои национальные республики. Однако Москва не препятствует расширению и углублению связей Турции с Татарстаном, Башкортостаном, Хакасией, Республикой Алтай и др. Особые отношения у Турции сложились с Казанью, которая установила отношения

побратимства со Стамбулом, имевшим уже с 1990 г. подобный статус с Санкт-Петербургом. Когда один из авторов этой статьи на встрече в Управлении внешних связей мэрии Большого Стамбула посетовал на породнение Стамбула и Казани вопреки сложившейся практике – при наличии побратимства с Санкт-Петербургом, один из руководителей этого международно-делового ведомства развел руками и воскликнул: «О, Казань!», всё стало ясно.

Однако ничего необычного в отношениях Турции с тюркоязычными республиками в составе России нет. Они строятся в соответствии с подписанными еще М.С. Горбачёвым договором, в статье XVI которого черным по белому написано, что СССР не будет препятствовать развитию связей Турции с тюркоязычными территориями Советского Союза. Поскольку Россия официально признана правопреемником СССР, то эта статья и сам договор легитимны [6; 7]. Евразийство и здесь, на наш взгляд, сказывается, созидая geopolитические основы российско-турецких отношений и, что особенно важно, реализуя цивилизационные императивы взаимодействия.

Турция с ее евразийскими замыслами и ближневосточными амбициями стремится играть роль своеобразного моста взаимодействия ислама и христианства, Запада и Востока. Подобная роль geopolитически и практически уготована и Российской Федерации, осуществлявшей в течение столетий взаимообщение православия и ислама и ставшей территорией взаимосвязи Запада и Востока. В этом совпадении geopolитических назначений России и Турции также кроются предпосылки взаимопроникновения культур обоих народов, обмен страновыми ценностями и миротворчества. Но не исключено и соперничество за приоритетность [см.: 8, с. 72].

Не последнее значение в расширении связей Турции и России имеет принадлежность этих государств Черноморско-Каспийскому региону. Морское пространство в условиях XXI столетия, к началу которого рухнула биполярная структура мироустройства, располагает Москву и Анкарой к совместным действиям в области экономики, политики и миротворчества. Сооружение «Голубого потока», проложенного по дну Черного моря, предоставляет Турции широкие возможности для использования газа как компонента формирования внешнеполитической стратегии. Тому же самому в известной степени будет служить и «Южный поток», который пройдет в турецкой экономической зоне Черного моря.

Что же касается Каспийской части этого обширного региона, то надо иметь в виду, что Турция не примыкает непосредственно к Каспийскому морю, в отличие от России. Через систему Волго-Донского канала из Каспийского моря обеспечивается выход к Азербайджану, Туркменистану, Казахстану и даже Ирану в Черное море и далее через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море и через Гибралтарский пролив в Атлантический океан или через Суэцкий канал в Индийский океан. Конечно, использование таких маршрутов для судов класса «река–море» носит ограниченный характер. И все же перспективы здесь немалые, но связаны они в заметной степени с пропускной способностью Волго-Донского канала России и черноморских проливов Турции. Если Анкара реализует предполагаемое строительство канала по своей европейской территории в обход Босфора, то потенциал российско-турецкого сотрудничества намного возрастет.

И еще одно немаловажное геополитическое обстоятельство, которое могло бы сыграть крупную роль в развитии российско-турецкого сотрудничества. Речь идет о том, что Турцию от России по суше отделяет широкая полоса Закавказья, а у расположенных там Азербайджана, Армении и Грузии сложились непростые отношения как с Москвой, так и с Анкарой. Не вдаваясь в подробности этого клубка межгосударственных противоречий, отметим лишь то, что если бы удалось деблокировать армяно-турецкую границу (как предусматривалось протоколами, подписанными министрами иностранных дел Армении и Турции не без посредничества России в Цюрихе в 2009 г.), стратегическому союзнику России в Закавказье – Армении открылись бы колоссальные возможности для выхода из той изоляции, в какой страна оказалась в результате распада Советского Союза, захвата части Азербайджана, нагорно-карабахской проблемы и пока не разрешенных трудностей во взаимоотношениях с Грузией.

Обращает на себя внимание заинтересованность США в реализации цюрихских договоренностей, о чем президент Обама говорил премьер-министру Турции Эрдогану во время встречи в Вашингтоне 17 мая 2013 г. В случае успешной реализации двусторонних обязательств, взятых на себя в Цюрихе Анкарой и Ереваном, все заинтересованные страны приобрели бы дополнительные стимулы для нормализации обстановки на Кавказе в целом. Это послужило бы началом устранения многодесятиточных распрей, вражды и войн в этом регионе, а также, судя по всему, России не

пришлось бы тратить огромные средства на поддержание стабильности и развития в Армении.

Для Турции же это явилось бы добрым знаком в осуществлении провозглашенной политики «ноль проблем с соседями». А так получилось всё наоборот. Из-за активности Турции в сирийской гражданской войне на стороне оппозиции, всецело поддержанной Западом, обострились взаимоотношения Анкары не только с официальным Дамаском, но и с Ираком и Ираном. Неспокойно на границах Турции с этими странами в том числе из-за курдской проблемы (хотя здесь наметились позитивные сдвиги). Осложнены отношения с Израилем, несмотря на то что Тель-Авив совсем недавно принес официальные извинения за нападение на мирную флотилию «Мави Мармара» («Mavi Marmara»), везшую гуманитарный груз в палестинскую Газу, и убийство израильскими командос девятерых турок, находившихся на одном судне. У Анкары с середины 70-х годов сложились далеко не простые отношения с Кипром, на территории которого возникло, не без военной помощи Турции, государство Турецкая Республика Северного Кипра. К этим политико-территориальным проблемам добавились уже в XXI в. вопросы использования обнаруженных запасов нефти и газа в экономической зоне Кипра: Турция протестует против их предполагаемой эксплуатации без учета интересов Турецкой Республики Северного Кипра и вопросов региональной безопасности.

Восточное Средиземноморье постепенно превращается в новый район обострения межгосударственных противоречий. Из-за нерешенных вопросов разграничения морского шельфа, где найдены крупные месторождения нефти, Сирийский кризис и сопутствующие ему обстоятельства разрушили надежды на беспроблемность отношений с соседями.

К Турции привлечено особое внимание, когда речь заходит о Северном Кавказе, где, по мнению одних, идет кавказская война, а другие считают, что «если там вспыхнет война, то это уже будет российская война, а не кавказская [9, с. 21]. В нее, по мнению Р. Абдулатипова, «будут втянуты и Азербайджан, и Армения, и Грузия». Объясняет это он тем, что «эти страны вмонтированы в российскую действительность и экономически, и духовно» [9, с. 21]. По нашему мнению, здесь не обойдется без Турции как крупного регионального игрока, заинтересованного в стабильности на всем Кавказе. Не случайно поэтому во избежание роста напряженности на Кавказе Россия поддержала «Кавказскую платформу действий», инициированную Анкарой в 90-е годы XX в. и

направленную на снижение уровня конфликтогенности ситуации в регионе.

В политическом плане стратегическая линия России в отношении Турции на Кавказе направлена на предотвращение ослабления позиций Москвы в Закавказье и на Северном Кавказе. Вместе с тем связи с Турцией укрепляют глобальность внешней политики России, ее внешнеэкономический потенциал. Турция же, в свою очередь, справедливо рассматривает Россию как одну из несущих опор своего движения к центру мировой политики, захвачивания более прочных позиций в мировой экономике, а также приобретения эффективных ресурсов влияния в мировом сообществе в качестве одного из ключевых акторов.

Геополитически, геостратегически и геоэкономически Россия и Турция взаимодействуют друг с другом на принципах взаимовыгодности, pragmatизма, стратегического партнерства, гуманитарного взаимопроникновения и взаимопереплетения духовных ценностей, которые свойственны той и другой стране. Оба государства активны в формировании системы глобальных координат нового мирового порядка, а также в развитии хитросплетений в большой geopolитической игре в Черноморско-Каспийском регионе [10, с. 132–159]. Ускоряющееся сближение России и Турции в XXI в. было geopolитически, геоэкономически и геостратегически предопределено всей логикой развития этих стран, генетической необходимостью взаимодействия, притом в текущем столетии уже без войн, в контексте глобальной и региональной безопасности. Масштабы экономического, гуманитарного и политического взаимодействия России и Турции настолько значительны, что позволили германскому специалисту Генриху Бонненбергу спрогнозировать вступление Турции в Евразийский союз, куда, по его мнению, со временем войдут также и территории с тюркоязычным населением в Азии, Китае и Европе. Более того, он считает, что Россия, Турция и Германия станут ведущими странами Европы и «должны построить будущую Европу, которая определенно не будет конфедерацией или федерацией, но будет представлять собой какое-то подобие процветающего сообщества региона» [11, р. 71]. Мнение Генриха Бонненberга не бесспорно, но это прогноз солидного эксперта, работавшего, в частности, советником президента, правительства и парламента Украины, занимавшегося разработками экономических, технологических и трудовых проектов в Германии, России и Украине. К нему стоит прислушаться. Однако по вопросу перспектив развития российско-

турецких отношений в контексте позиционирования Анкары и Москвы на мировой арене есть и другие точки зрения. Так, директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН В.В. Наумкин уверен, что, несмотря на существующие ныне разногласия, Россия и Турция, обладая огромными возможностями взаимодействия, заинтересованы в сохранении сотрудничества и дальнейшем развитии [12]. Глава МИД России С.В. Лавров, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что текущее состояние российско-турецких отношений не вызывает беспокойства, так как они развиваются на устойчивой и солидной основе [13].

Наряду с этими позитивными оценками перспектив российско-турецкого сотрудничества встречаются критические рассуждения. Так, Христос Кассимерис (Christos Kassimeris) из Европейского университета Кипра (European University Cyprus) полагает, что «Турция внесла Россию в неофициальный список своих стратегических противников и пытается демонстрировать показное дружелюбие» [14, р. 321–336]. Политологи МГИМО (У) МИД России А. Аватков и А. Солодовникова уверены, что «новые османы» не скрывают своих интересов не только в Закавказье и Средней Азии (традиционной сфере влияния России), но и в некоторых регионах самой Российской Федерации [15, с. 115–123]. По-видимому, при формулировании таких трактовок сущности подходов Турции к сотрудничеству с Россией не обошлось без признания традиционного взгляда на Анкару как на геополитического противника Москвы. По мысли этих авторов, Турция занимается геополитическим перетягиванием закавказских государств на свою сторону, оторвав их от сложившейся столетиями ориентации на Россию. Очевидно, они видят угрозу в масштабном развитии в целом отношений России с Турцией. На наш взгляд, задача перед Москвой как раз и состоит в том, чтобы, развивая связи с Турцией, устраниТЬ эту допускаемую упомянутыми авторами подспудную негативную подоплеку (если она реально существует).

Все-таки надо учитывать, что Турция имеет глубокие исторические и культурные связи со странами Южного Кавказа, следовательно, стабильность, мир и процветание в регионе имеют особое значение для Анкары.

Стратегическое же значение региона как для Турции, так и для России значительно возросло в сравнении с недавним прошлым в связи со строительством нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровода Баку–Тбилиси–Эрзурум и железной дороги Баку–Тбилиси–Карс. Особое внимание Турции и России к Закав-

казью и в целом к Кавказу обусловлено также исключительной здесь конфликтогенностью, связанной в значительной степени с незавершенностью государственно-территориального размежевания. Турция, являясь одной из сильнейших в военном плане стран региона, поддерживает вместе с Россией ряд региональных программ сотрудничества, таких как «Черноморская гармония» («Black Sea Harmony»), Организации черноморского экономического сотрудничества (BSEC), Черноморская группа военно-морского сотрудничества (BlackSeaFor) и Кавказская платформа стабильности и сотрудничества. Анкара, как и Москва, ставит перед собой цель поддерживать углубление процесса вхождения Черноморского региона в мировую экономику, содействуя двустороннему политическому и экономическому сотрудничеству. Также безоговорочным условием для Турции и России является сохранение нынешнего правового режима проливов, основанного на Конвенции Монтрё (Montreux Convention), и обеспечение безопасности на море. Анкара озабочена (на это обращено внимание и Смоленской площади) тем, что Соединенные Штаты инициируют пересмотр Конвенции Монтре с целью получения права инспектировать морские транспортные пути на Черном море и проливах и предпринимать действия против любого подозрительного судна в регионе, с чем в одностороннем порядке в настоящее время успешно справляется Турция в рамках «Черноморской гармонии». Греция, Болгария и Румыния, в свою очередь, пытаются привлечь так называемых внерегиональных участников, например США, для противопоставления российско-турецкому «тандему» в регионе Черного моря. Несмотря на разные позиции, мнения Москвы и Анкары совпадают относительно поддержания региональной безопасности и стабильности, а также устойчивого развития. Турция с ее мощным флотом в Черном море после распада СССР стала доминирующей военной державой в проливах Босфор и Дарданеллы и при умолчании со стороны Москвы взяла на себя львиную долю ответственности по поддержанию безопасности в регионе. Словом, во взаимоотношениях Турции и России на Черноморском пространстве больше позитива, чем негатива.

Многие проблемы в российско-турецких отношениях еще не получили должного осмыслиения, но уже сейчас, изучив доступные материалы, можно констатировать, что, основываясь на принципах концепции «real politics», предпочтительным следует считать мнение тех, кто свидетельствует об устойчивости и перспективности российско-турецких отношений, российско-турецкого сотруд-

ничества. Несомненно, оно занимает важное место в современной конфигурации мирополитических, гуманитарных и хозяйственных связей.

Комплексное изучение российско-турецких отношений осуществляется с использованием целого спектра общенаучных, системных, геостратегических, политических и исторических подходов. Вопросами исследования отношений двух стран, их особенностей, тенденций развития и перспектив занимаются такие известные ученые, как А.А. Родионов [16], М.С. Мейер [17], Н.Ю. Ульченко [18], И.И. Стародубцев [19], А.А. Сотников [20], И. Камалов (Ibrahim Kamalov) [21], и др. Тем не менее, несмотря на имеющиеся наработки и достижения, рассматриваемая проблематика остается в ряде аспектов дискуссионной, обсуждаемой, а некоторые «узкие места», значительно обострившиеся в период сирийского кризиса, побуждают ставить вопрос о будущем балансе сил в Евразии, на Большом Ближнем Востоке, в Средиземноморье, а также о том, насколько жизнеспособным и длительным окажется сотрудничество между Россией и Турцией в последующие десятилетия XXI в.

К числу таких весьма неоднозначных проблем, например, относятся вопросы усиления исламского и православного факторов в жизни обеих стран и их влияния на внешнеполитическую парадигму Москвы и Анкары, взаимодействия крупных и средних бизнес-корпораций обоих государств в региональном формате, взаимовлияния (соответственно) церкви и мечети на внутреннюю политику в контексте стратегического партнерства России и Турции, роли мягкой силы в российско-турецком сотрудничестве, эффективности межрегионального партнерства (Санкт-Петербург – Стамбул, Казань – Стамбул и др.), переговорных стратегий официальных дипломатов обеих стран. Научно обоснованные ответы на все эти вопросы позволяют сделать прогноз, сможет ли стратегическое партнерство России и Турции, механизм действия которого в настоящее время характеризуется высокой степенью отлаженности и многогранностью, стать привилегированным (статус, о котором Д.А. Медведев, будучи президентом России, говорил в отношении российско-индийских отношений). Мы уверены, что в будущем такой статус будет приобретен обеими странами, поскольку уже сейчас они обладают уникальным капиталом двусторонних отношений и между ними существует высокая степень открытости и доверия. Атмосфера добрососедства позволяет

преодолевать трудности, которые не могут не возникать, когда государства имеют разные национальные интересы.

Одно из них касается панславизма и пантюркизма; и если идея славянского единства в XXI в. не имеет четко выраженной государственной поддержки, то пантюркистские тенденции просматриваются в политике Турции. По крайней мере, ни идеи панславизма (и даже православно-государственного единения), ни пантюркизма не воспринимаются как потенциал антироссийских и антитурецких подходов к взаимопониманию и сотрудничеству [см.: 5]. Более того, в Турции предпринимается сейчас немало усилий по восстановлению христианских храмов, в том числе в таких центрах раннего христианства, как Каппадокия (Kapadokya) и Конья (Konya). Даже во время обострения отношений с Израилем в Средневековье, когда Испания массово изгоняла евреев, они нашли убежище в Османской империи. Анкара, развивая в настоящее время идеи мультикультурализма и толерантности, пытается представить Турцию поликонфессиональной и полиэтнической, где отсутствует уничижительное отношение к немусульманам и к нетуркам. Это способствует развитию христианско-православного туризма по заповедным местам православия, в первую очередь из России. Более того, важно иметь в виду, что в Турции стотысячная диаспора русских, переселившихся в эту страну на постоянное жительство. Они, конечно, также являются важным фактором развития российско-турецкого сотрудничества.

Для Турции важен туризм: страну ежегодно посещает около 4 млн российских туристов. По этому показателю Россия занимает второе место после Германии. Чуть ли не 100% природного газа поступает в Турцию из России [22]. Товарооборот между Турцией и ее главным торговым партнером, Россией, составил в 2012 г. 35,5 млрд долл. США, в сравнении с 2003 г. он увеличился более чем в 5 раз. Поставлена задача увеличить товарооборот до 100 млрд долл. Порядка трех тыс. турецких компаний создали на российском рынке более 200 тыс. рабочих мест [22].

Все это дало основание главе МИД Турции Ахмету Давутоглу (Ahmet Davutoglu) сказать, что Россия для Турции на сегодняшний день является важным партнером и «неотъемлемой частью многомерной внешней политики Анкары» [23, с. 69]. В настоящее время Турция занимает седьмое место в списке крупнейших экономических партнеров России и является ее вторым торговым партнером после Германии. Россия и Турция кажутся более взаимозависимыми, чем когда-либо прежде в истории, и могут

совместно оказывать положительное воздействие на геополитику региона в ближайшем будущем. Разносторонние экономические отношения, участие в формировании единой информационной среды, нарастание сотрудничества в производственной сфере, включая взаимоучастие в разработке модернизационных и инновационных достижений, взаимодействие в финансовой сфере – все это свидетельствуют о росте взаимозависимости и взаимодействия Турции и России, усиливая глобализацию и регионализацию мировой экономики. В свою очередь, это усиливает политическую глобализацию, ибо масштабные экономические связи, успешность которых не ставится под сомнение, постепенно приобретают все большее значение, органически вплетаясь в глобальные процессы.

Отрадно, что в Турции уважительно относятся к участию Советского Союза в строительстве целого ряда промышленных предприятий в Зонгудаке (Zonguldak), Искендеруне (İskenderun), Эскишехире (Eskişehir) и других городах. В Анкаре признают, что эти заводы и фабрики являются становым хребтом индустриального развития страны с конца XX в. [7].

В свою очередь Россия, переходя на базовые рыночные условия своего постсоветского развития, использовала деловой опыт Турции, пригласив, в частности, турецких бизнесменов участвовать в реализации многих проектов, особенно в области строительства. В подтверждение этого приводится цифра в 25 млрд долл. США, вложенных турецкими инвесторами в экономику России. Не меньшую роль для роста турецкого малого и среднего бизнеса, сыграли российские членки в 90-е годы XX в., вывезшие в основном из Стамбула и других турецких городов товаров примерно на 10 млрд долл. США.

Углублению партнерства и укреплению двусторонних связей, помимо вышеизложенных обстоятельств, способствуют следующие факторы.

1. Стабильный и эффективный политический диалог между двумя странами, о чем свидетельствуют подписанные соглашения, совместные декларации и двусторонние проекты. В ходе визита Владимира Путина в Турцию в августе 2009 г. был создан Российско-турецкий Совет сотрудничества высшего уровня, первое заседание которого состоялось в мае 2010 г. в Анкаре. Встречи президента России – премьер-министр Турции в рамках этого Совета – центральное ежегодное событие российско-турецкого взаимодействия. По итогам заседания Совета в 2012 г. было подписано более десяти документов, в том числе ряд соглашений в сфере энергети-

ки, кредитно-финансовой и культурной областях, среднесрочная программа сотрудничества двух стран на 2012–2015 гг. [24]. Большое значение имеет саммит Путин – Эрдоган в ноябре 2013 г. в Санкт-Петербурге.

2. Дипломатические отношения, которые на сегодняшний день многими экспертами (например, профессором международных отношений университета Кадир Хас (Kadir Has) в Стамбуле Митатом Челикпала (Mitat Celikpala) [25]; тюркологом Артаком Шакаряном [26]; директором Независимой организации социально-экономических и политических исследований в Вашингтоне (SETA) Нуҳ Йылмазом (Nuh Yilmaz) [27] классифицируются как «новые дипломатические отношения» и «ритмичная дипломатия». В апреле 2013 г. состоялся визит министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Турцию, где он вел переговоры со своим турецким коллегой Ахметом Давутоглу (Ahmet Davutoglu). Обсуждавшиеся вопросы касались подготовки встречи в ноябре 2013 г. Путин – Эрдоган.

3. Углубление российского экономического присутствия в Турции и турецкого в России, базирующегося на совместной работе государств, делового мира и гражданских организаций. Лидирующие позиции в поставках турецкой продукции в Россию занимают легкая, автомобильная, металлургическая и химическая промышленности. Некоторые турецкие предприниматели ведут дела в России по 15–20 лет. 60% экспорта в Россию осуществляется по каналам турецких фирм, работающих в России. В свою очередь, 70% российского экспорта составляют нефть и природный газ. Как отметил председатель Ассоциации русских и турецких организаций «Деловое сотрудничество» (RUTID) Эсат Сары (Esat San), количество двусторонних инвестиций между Россией и Турцией за последние несколько лет выросло: в частности, прямые инвестиции Российской Федерации в Турцию достигли 9 млрд долл., а прямые турецкие инвестиции составили 10 млрд долл. [22].

4. Расширяющееся сотрудничество в области культуры, науки и образования служит серьезным надстроем в экономическом и политическом партнерстве. Состоявшийся в апреле 2013 г. в Стамбуле Фестиваль русской культуры – тому подтверждение. Среди организаторов этого мероприятия были Законодательное собрание Санкт-Петербурга, Государственная дума РФ, Совет Федерации РФ, Министерство культуры Турции, Турецко-Российский фонд культуры и др. Примечательно, что выступав-

ший на торжественном открытии фестиваля губернатор Стамбула Хусейн Авни Мутлу (Hüseyin Avni Mutlu) четко сформулировал евразийское направление российско-турецкого сотрудничества, в том числе в области культуры. Именно ему принадлежит мысль о том, что Турция и Россия представляют собой эффективную платформу евразийского развития нового региона.

5. Сотрудничество в сфере энергетики, которое начало складываться еще с середины 80-х годов XX в. Энергетические взаимоотношения России и Турции и по сей день являются превалирующим фактором в двусторонних отношениях. Энергоресурсы, поставляемые из России, органически вылились во внешнеполитическую стратегию Турции. Важным фактом в энергетической парадигме Турции стало предоставление России права на строительство первой турецкой АЭС ценой в 20 млрд долл. без всякого тендера.

6. Развитие связей между общественностью двух стран. Создан Российско-турецкий форум общественности, первое масштабное заседание которого успешно прошло в ноябре 2013 г. в Казани. Были приняты судьбоносные решения для углубления, совершенствования и интенсификации российско-турецких связей в различных областях экономики, политики, науки, образования, культуры и др. Одно из них – проведение перекрестного года туризма произвучало на пресс-конференции В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана в Санкт-Петербурге 22 ноября 2013 г.

Бессспорно, перечисленные факторы весомы и значимы, однако не стоит сбрасывать со счетов те обстоятельства, которые на сегодняшний день хоть пока и не имеют столь существенного веса в geopolитических отношениях, но уже ощутимо затрудняют взаимовыгодное сотрудничество и препятствуют развитию дальнейшего многопланового партнерства между Россией и Турцией. Осознание и четкое формулирование данных обстоятельств позволит разработать адекватные меры по их нивелированию в сложившихся и уже успевших стать успешными отношениях двух государств. К ним, по нашему мнению, относятся:

1. Балансировка энергетических вопросов между Россией и Турцией на грани зависимости и взаимозависимости. С одной стороны, Турция является энергетическим нетто-импортером, с другой – Россия стала зависеть от выгодных энергетических контрактов с Турцией, заключенных по принципу «используй или теряй» (*«use it or lose it»*), который позволяет организации-собственнику

приостанавливать договор об оказании услуг в случае недобросовестного выполнения условий контракта.

2. Сооружение трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан, который получил название «энергетический проект века» и в котором задействованы Турция и Азербайджан, объективно не совпадает со стратегическими интересами России, поскольку делает возможным транспортировку энергоносителей в Европу в обход российской территории. А на повестке дня строительство «Набукко» («Nabucco») и других трубопроводов, направленных на поставку нефти или газа из Азербайджана и, возможно, Туркменистана в Европу в обход России. И за этим внимательно следят в Москве.

3. Внешнеторговый баланс России и Турции – не в пользу последней. Это беспокоит Анкару, обрекая ее на поиски мер увеличения экспорта в Россию или, наоборот, на сокращение поставок нефти и газа из России или поиски альтернативных источников.

4. Формирование негативного имиджа Турции в некоторых кругах политической элиты России в связи с непризнанием турецким правительством геноцида армян.

Все эти трудности в отношениях Турции и России преодолимы. Анкара и Москва еще не раз примут такие решения, которые упрочат международную и региональную безопасность. Тем самым повысится уровень доверия между обеими странами, а это, в свою очередь, упрочивает международную и региональную безопасность.

Литература

1. Малышева Д.Б. Современная мировая политика в контексте формирования многополисного мира // Азия и Африка в современной мировой политике, сб. ст. / Отв. ред. Д.Б. Малышева, А.А. Рогожин. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – С. 9–21.
2. Калашников А. «Голубой поток» как важный фактор развития российско-турецких отношений // Власть. – 2013. – № 2. – С. 100–102.
3. Eurasia becoming central in the world // Turkey Star. November 23, 2012.
4. Анохин П. Парламент – это большое жюри наций // Российская Федерация сегодня. – 2012. – Декабрь. – № 24. – С. 18–21.
5. Колесников А. Великий евразиец // Российская Федерация сегодня. – 2012. – Декабрь. – № 24. – С. 33.
6. Ягъя В.С. Турция в современной системе мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики в XXI в.: сб. ст. / Под ред. В.С. Ягъя, М.Л. Лагутиной. Вып. 5. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 35–36.

7. Ягъя В.С. Пути-перепутья современной Турции // Актуальные проблемы мировой политики в XXI в. Вып. 4. – СПб.: СПбГУ, 2009.
8. Козин Н. Евразийский мир России // Стратегия. 2013. № 1.
9. Абдулатипов Р. Если государство бросает людей, то люди бросают государство // Российская Федерация сегодня. 2012. Ноябрь. № 21.
10. Рябцев В.Н. Черноморско-Каспийский регион в современных условиях как новое поле «Большой геополитической игры» // Современный Кавказ: Геополитический выбор: сб. науч. ст. – М.; Пятигорск: ПГЛУ, 2009.
11. Bonnenberg H. Europe is more than EU // Atlantic Forum. Rethinking of the Global Economic Order. Conference Guide. – Istanbul, 2012.
12. Наумкин В. Сирия – не помеха дружбе России–Турции. 28 ноября 2012. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Vitaliy-Naumkin-Siriya-ne-pomekha-druzhbe-Rossii-s-Turistii.html>
13. Аналитический обзор: Российско-турецкие отношения переживают «чувствительный период». URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/10/18/ls445389.htm>
14. Kassimeris C. Turkey's foreign policy options: Europe, the USA or Central Asia? // Contemporary politics. 2010. Vol. 16. Issue 3. P. 321–336.
15. Аватков В., Солодовникова А. Сценарии и тренды развития российско-турецких отношений // Россия и мусульманский мир. 2012. № 6.
16. Родионов А.А. Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. – М.: Международные отношения, 2006. – 280 с.
17. Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: Проблемы внешней политики и отношений с Россией. – М., 1996. – С. 47–116.
18. Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. – 237 с.
19. Стародубцев И.И. Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях. – М.: МГИМО(У), 2010.
20. Сотникович А.А. Турция: Геополитическая ось Евразии // Геополитика. Вып. IX. – М., 2011. – С. 4–13.
21. Kamalovl. Rusya Federasyonu // Stratejik ongoru. OSAM. – Ekim, 2006. – S. 17–20.
22. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/co-operation/economica/doc20121203_08
23. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. 2010. № 1.
24. РФ и Турция подписали девять соглашений в рамках визита в Стамбул В. Путина. URL: <http://www.rbc/rbcfree/news/20121203192546.shtml>
25. Celikpala M. Turkiye'de Kafkas Diyasporasi ve Turk Dis Politikasina Etkileri // Uluslararasi Iliskiler, Cilt 2, Sayi 5. Bahar, 2005.
26. Шакарян А. По ту сторону от Арапата: Декодируя Турцию. – Ереван, 2011.
27. YilmazN. Principles of Turkish Foreign Policy. Washington, DC. SETA Foundation. 2009. 18 p.

«Вестник Санкт-Петербургского университета»,
СПб., 2014 г., сер. 6, вып. 1, с. 127–138.

М. Арунова,

доктор политологии, кандидат
исторических наук (ИВ РАН)

АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА И СОСЕДНИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ

В течение почти полувека ситуация в Афганистане резко менялась. Изменялось и отношение к афганским событиям мусульманских стран. Наибольшее внимание эти страны стали проявлять к Афганистану с весны 1978 г. в связи с приходом к власти прокоммунистической Народно-демократической партии, с созданием Демократической Республики Афганистан (ДРА) и особенно после ввода в страну в декабре 1979 г. советских войск. За десять лет до этого, в 1969 г., была основана Организация Исламская конференция (ОИК). (В 2011 г. ОИК изменила свое название и ныне именуется ОИС – Организация исламского сотрудничества.) Решение о ее создании было принято на встрече глав государств и правительств мусульманских стран в Рабате (Марокко). Непосредственным поводом для встречи послужил поджог израильянами иерусалимской мечети, считающейся после Мекки и Медины третьей по значению мусульманской святыней.

Основными целями ОИК были названы укрепление солидарности, развитие сотрудничества в политической, экономической, социальной и культурной сферах, поддержка борьбы всех мусульманских народов в защиту их достоинства, независимости и национальных прав, оказание помощи народу Палестины в борьбе за восстановление законных прав и возвращение оккупированных территорий. Организация провозгласила также своими задачами противостояние любым формам дискриминации и колониализма, создание благоприятных условий для сотрудничества и взаимопонимания между странами – членами ОИК и другими государствами.

До апреля 1978 г. и особенно до конца 1979 г. лидеры арабских государств считали, что события в Афганистане напрямую не затрагивают их интересы. В январе 1980 г., после ввода в страну советских войск, на Чрезвычайной сессии ГА ООН арабские государства (кроме Сирии, Ирака, Ливии, Алжира и Южного Йемена) проголосовали за резолюцию, осудившую акцию СССР. Тогда же, в январе 1980 г., на конференции министров иностранных дел стран – членов ОИК было принято решение приостановить членство Афганистана в этой организации.

Вскоре в арабских странах Ближнего Востока и Магриба были созданы структуры, задачей которых стало оказание разносторонней помощи афганской оппозиции: «борцам за веру» – моджахедам, лидеры которых, а также тысячи их сторонников и почти 3 млн беженцев устремились в Пакистан. Часть беженцев, в основном шииты, нашли убежище в Иране. Массированная и разносторонняя помощь исламистам в лице моджахедов оказывалась и по государственной линии, и через многочисленные благотворительные фонды мусульманских и европейских стран, где проживали и поныне проживают миллионы мусульман¹. Тогда же в Саудовской Аравии был создан Исламский координационный совет, филиалы которого обосновались в арабских странах. В их функции входили сбор средств и формирование отрядов добровольцев для последующей отправки в Афганистан. Содержание, обеспечение вооружением и боеприпасами боевиков осуществлялись через Саудовский комитет поддержки, открывший представительства в населенных пунктах на афгано-пакистанской границе. Гуманитарную помощь беженцам, помимо ООН, оказывали отделение Красного Полумесяца Саудовской Аравии и различные благотворительные фонды. Кроме того, в лагерях строились медресе.

Швейцарский автор Р. Лабевьеर в книге «Доллары террора. Соединенные Штаты и исламисты», изданной в 1999 г., привел примеры «органической связи» между исламистами и Саудовской Аравией, а также свидетельства об их контактах с западными спецслужбами. Саудовские и египетские банки направляли много-миллионные средства, собранные в виде закята (налога в пользу неимущих) в благотворительные фонды, часть этих средств получали моджахеды. Ссылаясь на неопровергимые данные, Р. Лабевьеर убедительно доказал связь международной организованной преступности с исламистами, в том числе и афганскими, в роли «крестных отцов» которых выступали Саудовская Аравия и США.

При этом Р. Лабевьеर назвал человека, предложившего в свое время американской администрации идею использования исламистов в борьбе против СССР. Имя этого человека – Збигнев Бжезинский. Значительную долю ответственности за финансирование исламистов Р. Лабевьер возлагал и на банковские структуры ОИК, в частности на подведомственные данной организации Фонд развития, Арабский фонд развития стран – экспортёров нефти, Арабский фонд экономического и социального развития и др. Из саудовских банков Р. Лабевьер особо выделяет частный банк, основателем которого был принц М. бен Фейсал².

После вывода советских войск в 1989 г. активность исламистских боевиков в Афганистане и их покровителей несколько снизилась. Часть боевиков осталась в Афганистане, другая двинулась в Кашмир, Чечню, Нагорный Карабах, Боснию и Герцеговину, некоторые примкнули к экстремистским группировкам стран Центральной Азии.

Свержение ДРА не принесло мир и спокойствие на афганскую землю. В конце апреля 1992 г. к власти в Афганистане пришла непрочная коалиция лидеров моджахедских партий, при надлежавших к различным этносам. Внутри коалиции тотчас же разгорелась вооруженная борьба за власть. Ситуация осложнялась тем, что едва ли не за каждой из соперничающих партий, группировок и объединений полевых командиров стояли внешние силы – Саудовская Аравия, другие арабские страны, США, Пакистан и Иран. Их попытки примирить враждующих оказались безуспешными. В результате страна была фрагментирована, хотя формально в Кабуле функционировали центральные органы власти во главе с президентом. В создавшейся ситуации у руководства Эр-Рияда, других арабских и соседних с Афганистаном мусульманских государств зрела необходимость сформировать новую силу. Такой силой стали укрывавшиеся в Пакистане пуштунские (афганские) беженцы, обучавшиеся в медресе, – талибы, носители идей жесткого радикального ислама суннитского толка. Более чем весомый вклад в создание Движения «Талибан» (ДТ) внесли Саудовская Аравия, Пакистан и США.

Осенью 1994 г. тысячи талибов, обученные и вооруженные своими покровителями, перешли пакистано-афганскую границу, а затем, не без боев заняв большую часть территории Афганистана, в сентябре 1996 г., вошли в Кабул. Ряды боевиков постоянно пополнялись тысячами выходцев из многих мусульманских стран. Часть созданных на территории Афганистана военных баз и лабораторий, не только перерабатывавших наркосодержащие культуры в героин, но и занимавшихся изготовлением бактериологического и химического оружия, содержалась на средства обосновавшегося в Афганистане саудовского миллионера Усамы бен Ладена, который еще в 1990 г. создал террористическую организацию «Аль-Каида». По данным экспертов Лондонского института стратегических исследований, с 1996 г. на базах «Аль-Каиды» в Афганистане было подготовлено порядка 20 тыс. боевиков³.

Согласно данным Жана Шарля Бризара, издавшего в Париже в 2001 г. в соавторстве с Гийомом Даскье книгу «Бен Ладен,

запрещенная правда», «Аль-Каида» пользовалась прямой и косвенной поддержкой 400 высокопоставленных лиц, 500 компаний и организаций по всему миру. Среди них фигурируют, в частности, саудовские принцы, занимавшие посты министра обороны и руководителя спецслужб. В годы пребывания в Афганистане советских войск они играли решающую роль в финансировании вооруженной оппозиции режиму НДПА, сотрудничая со спецслужбами США и Пакистана, а затем финансировали талибов и «Аль-Каиду»*. Финансовая система помощи представляла собой своеобразную смесь клиентелизма и семейственности, а также секретной дипломатии, правила которой разрабатывали ЦРУ и Саудовская Аравия⁴.

Однако взаимоотношения между исламистами в лице талибов и Саудовской Аравией развивались далеко не безоблачно. Источником осложнений становились всё более тесные контакты ДТ с «Аль-Каидой». «Развод» между ними, видимо, начался после вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г., когда была поставлена под вопрос «религиозная чистота» саудовских властей, прибегнувших к помощи «неверного» Запада. Что касается непосредственно бен Ладена, то его конфликт с некоторыми претендентами на королевский престол вызвал раздражение Эр-Рияда, а затем трения между саудовским руководством и лидерами ДТ, все более прислушивавшимися к «советам» бен Ладена. В результате бен Ладен был лишен подданства Саудовской Аравии. В 1998 г. МИД Королевства официально заявило о нежелательности пребывания в стране временного поверенного правительства талибов, а затем посол саудитов был отозван из Кабула. Вместе с тем, по некоторым данным, саудиты, официально порвавшие связи с бен Ладеном, в тщетной надежде на то, что «Аль-Каида» не станет организовывать теракты в Саудовской Аравии, продолжали переводить на ее счета крупные суммы⁵.

После терактов в США 11 сентября 2011 г. и отказа руководства ДТ выдать американцам бен Ладена, которому были предъявлены обвинения в их организации, 70 государств, в том

* По сведениям, приведенным в книге В. Куделева, Усама бен Ладен тщательно скрывал свои связи с ЦРУ и, видимо, поэтому обязал близких ему людей убить его в случае угрозы пленения. Последняя по времени встреча бен Ладена с сотрудниками ЦРУ состоялась в июле 2000 г. в Дубае, куда бен Ладен выезжал на лечение.

числе арабских, поддержали возглавленную Вашингтоном военную операцию «Несокрушимая свобода».

Наиболее резко против талибов выступал тогдашний лидер Ливии М. Каддафи. В официальном заявлении М. Каддафи подчеркивал, что талибы «объявили неверными всех, кроме самих себя, хотя на самом деле именно они, впав в неведение, не несли ничего, кроме убийств и безумных карательных акций»⁶. Некоторые арабские страны, поддержавшие военную операцию в Афганистане, оказывали содействие контингентам США, Великобритании и других стран НАТО. ОАЭ перебросили в Афганистан небольшие по численности группы спецназа, а на средства Египта в Баграме был открыт госпиталь.

Обращения же США / НАТО к арабским странам направить военнослужащих для участия в военных операциях в Афганистане оставались без ответа. Призывы президента Карзая к государствам Ближнего Востока и Магриба оказать содействие в восстановлении афганской экономики также не получали ожидаемой Кабулом реакции.

Лидеры арабских стран на разных уровнях, в том числе и в рамках ОИК, выступали и ныне выступают за решение афганской проблемы политическим путем при несомненном участии ООН. Принимаемые ими в последнее время резолюции носят в основном декларативный характер. Так, Эр-Рияд, в частности, призывает Х. Карзая пойти на примирение с талибами, а Катар выступил посредником в переговорах представителей США и ДТ.

Сдержанность государств Ближнего Востока и Магриба некоторые отечественные специалисты, как, например, А.Б. Подцероб, объясняют не только их озабоченностью серьезнейшими внутренними проблемами, но и тем, что правящие элиты не могут не учитывать мнение «базара», «улицы», в своем большинстве склонных рассматривать действия США / НАТО не как борьбу против терроризма, а как выступления «неверных» против мусульман и ислама в целом. Широко известны антиамериканские митинги и демонстрации населения арабских стран, особенно в связи с оскорблением в западных СМИ святынь ислама и Пророка Мухаммеда, повлекшие бурю негодований широких масс, а затем убийство в сентябре 2012 г. посла США в Ливии. Отметим, что в уголовных кодексах ряда мусульманских государств, например Кувейта, закон о средствах массовой информации запрещает публикацию материалов, оскорбляющих Пророка Мухаммеда и членов его семьи⁷.

Коснемся позиции в отношении афганской проблемы территориально близких к Афганистану мусульманских стран.

Турция. При вступлении в ОИК турецкий представитель сделал оговорку, что участие в Организации не должно затронуть основ светского государственного строя страны. К тому же в Турции не был ратифицирован Устав ОИК⁸. Что касается отношения к ситуации в Афганистане, то, как и прежде, курс Турции определяется ее членством в НАТО. Анкара поддержала операцию «Несокрушимая свобода», а турецкие военнослужащие принимали участие в военных действиях в Афганистане в составе созданных на базе НАТО Международных сил содействия безопасности (МССБ). По инициативе турецкого руководства в сентябре 2011 г. была созвана международная конференция «Безопасность и сотрудничество в сердце Азии». В конференции, кроме Турции, приняли участие 13 государств – Афганистан, Индия, Иран, Казахстан, Китай, Киргизия, ОАЭ, Пакистан, РФ, Саудовская Аравия, США, Таджикистан и Туркменистан.

При активной поддержке Турции глава американской делегации госсекретарь США Х. Клинтон стремилась заручиться содействием делегаций других стран в отношении предложенного ею проекта создания механизма региональной безопасности и интеграции по типу ОБСЕ, который должен был «затмить» координирующую роль ООН. Тогда же Х. Клинтон озвучила выдвигавшуюся еще Дж. Бушем идею создания «нового шелкового пути», основная цель которой – закрепление доминирующей роли США в регионе и получение таким образом Вашингтоном доступа к его минеральным ресурсам. Против этой идеи выступили делегаты ряда стран, включая Пакистан, Иран, Китай и РФ. В конечном счете, несмотря на поддержку Турции, инициативы Х. Клинтон в Стамбуле поддержаны не были. В июне 2012 г. глава МИД РФ С.В. Лавров, выступая на представительной международной конференции в Кабуле, признал важность стамбульского процесса – переговоров о стабилизации ситуации в Афганистане, но в гармонии с деятельностью уже существующих механизмов и, разумеется, при активном участии ООН⁹.

Осудив террористические акты 11 сентября 2001 г., **Иран** признал необходимость борьбы с терроризмом, заявив об этом не только на государственном, но и на религиозном уровне – на общих пятничных намазах в иранских мечетях и в выступлениях религиозных авторитетов. В декабре 2001 г. на конференции в Бонне

делегация ИРИ поддержала создание Временной администрации Афганистана и назначение Х. Карзая ее главой.

Ныне, в условиях нагнетания США и их союзниками обстановки вокруг ИРИ в связи с ядерной программой, серьезная озабоченность Тегерана положением дел не только в Афганистане, но и в регионе в целом значительно возросла. Для Ирана, естественно, важно не только поддержание активного диалога с Афганистаном, но и мониторинг происходящих там событий. Тегерансское руководство подтверждает свою приверженность идее, заявленной еще в мае 2009 г. на трехстороннем ирано-пакистано-афганском саммите, о региональном решении афганской проблемы. На всех уровнях Иран подчеркнуто активно выступает за единый, территориально целостный независимый Афганистан и привлечение к переговорам о перемирии шиитских партий и группировок. Одновременно иранское руководство предпринимает конкретные шаги, направленные на сотрудничество с другими участниками переговорного процесса¹⁰.

Антипуштунская и антисуннитская «заряженность» ИРИ известна. В Тегеране весьма озабочены возможностью утверждения в Афганистане талибов и проталибски настроенных элементов. В стране не забыли о трагической гибели сотрудников Генерального консульства и журналиста в Мазари-Шарифе в 1998 г., массовых убийствах хазарейцев-шиитов, а также о лозунгах талибов 1990-х годов «убивать всех, кто не говорит на пушту».

Заявив в феврале 2002 г. о выделении 450 млн долл. на восстановление экономики Афганистана, иранское руководство оказывает стране значительное технико-экономическое содействие¹¹. Подписаны и реализуются соглашения о межбанковских связях, сотрудничество в области развития автотранспорта, поставках легковых автомашин, пикапов и автобусов. На базе использования запчастей из Ирана начата сборка тракторов, завершено строительство автодороги от иранского Догаруна до Герата, профинансирано проведение железнодорожной ветки Хаф–Герат, призванной обеспечить доступ Афганистана к портам Персидского залива и магистралям, ведущим в Туркмению и другие страны Центральной Азии. Кроме того, иранская сторона ведет работы по прокладке дорог по маршруту Хаф–Санган. Успешно развивается двусторонняя и транзитная торговля: достигнуты соглашения о пересмотре тарифов и режима работы терминалов на ирано-афганской границе, адаптировано программное обеспечение под афганское таможенное законодательство установленной с помощью

ИРИ на таможнях Афганистана автоматической системы управления (АСУ). Значительное место в экономическом сотрудничестве занимает энергетика: при содействии ИРИ введена в эксплуатацию не одна сотня километров ЛЭП. При этом цены на поставку электроэнергии заметно снижаются. Свое присутствие в Афганистане постепенно наращивает иранский бизнес: в стране работают десятки государственных, частных и смешанных компаний. В 2006 г. в Тегеране был создан Союз предпринимателей и инвесторов Афганистана.

Признавая всё возрастающую роль ИРИ в технико-экономическом содействии Афганистану, в первую очередь граничащим с Ираном афганским провинциям, следует упомянуть и о том, что в течение ряда лет Иран ежегодно предоставлял правительству Х. Карзая помочь порядка 1 млн долл. В условиях масштабного военного и иного присутствия в Афганистане США и их союзников рычаги их воздействия на Кабул во много раз значительнее, нежели пусть и подкрепленные некоторым финансовым содействием и культурно-языковой близостью возможности Ирана¹². При этом видимо, не следует исключать того, что контакты между Кабулом и Тегераном осуществляются и по другим каналам.

Серьезными проблемами в отношениях двух стран в течение многих лет продолжают оставаться борьба с наркотрафиком (в чем ИРИ заметно преуспевает), выдворение афганских беженцев с иранской территории и распределение вод р. Гильменд. Две последние проблемы, хотя и находятся в центре серьезного внимания иранского и афганского руководства, всё же пока далеки от взаимоприемлемых решений.

Повторим, что достижение мира и стабильности в Афганистане является предметом важнейшей значимости для Ирана. В этой связи обращают на себя особое внимание заявления Тегерана о его готовности сотрудничать с этой целью в различных формах с самыми разными структурами и силами, не исключая НАТО¹³.

Угрозы стабильности и безопасности региона, исходящие с афганской территории, были осознаны странами Центральной Азии задолго до терактов 11 сентября 2001 г. в США. Еще 4 октября 1996 г. в Алма-Ате состоялась встреча президентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана совместно с председателем правительства России. Участники встречи обсудили негативные последствия активизации талибов в Афганистане и

необходимость принятия мер по укреплению южных рубежей СНГ. Ни одна из центральноазиатских стран не признала легитимность власти талибов. Переговоры по Афганистану Группы 6+2 (приграничные с Афганистаном государства, РФ и США) оказались безрезультатными.

В 1999–2000 гг. боевики Исламского движения Узбекистана и ряда других экстремистских партий и группировок, прошедшие военную подготовку на базах и в лагерях талибов в Афганистане, неоднократно вторгались на территории Узбекистана и Киргизии. Попытки президента Казахстана Н. Назарбаева установить в 2000 г. конструктивные контакты с представителями талибов были безуспешными.

Развитие взрывоопасной ситуации в Афганистане явилось серьезным фактором, побудившим Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, РФ и КНР принять в 2001 г. решение о создании межгосударственного объединения – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)¹⁴. В Декларации ШОС, подписанной 15 июня 2001 г., заявлялось о приоритетном значении для ее членов региональной безопасности и принятии всех необходимых усилий для ее обеспечения. Далее в Декларации уточнялось, что государства – участники Организации будут осуществлять тесное взаимодействие в деле борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе путем учреждения региональной антитеррористической структуры и разработки соответствующих многосторонних документов о сотрудничестве в пресечении незаконного оборота оружия и наркотиков, незаконной миграции и других видов преступной деятельности¹⁵.

С середины 90-х годов прошлого века особую позицию в афганском вопросе занимает **Туркменистан**. Президент С. Ниязов, подчеркивая нейтральный статус страны, не однажды заявлял, что Ашхабад не поддерживает ни одну из враждующих группировок, которые должны договариваться сами¹⁶. Тем не менее на подконтрольной талибам афганской территории были открыты туркменские представительства. Через контрольно-пропускные пункты на границе шла оживленная торговля: в Туркменистан поставлялись как афганские товары, так и товары, поступавшие из Пакистана.

Руководство Ашхабада проявлялодержанность в отношении резолюций СБ ООН, осуждавших талибов. Резолюция СБ о введении эмбарго на поставки оружия талибам не была поддержана туркменским руководством, выступившим за распространение

этой меры на противоборствующие стороны. Уже в те годы Туркменистан был широко вовлечен в наркотрафик из Афганистана. Через его территорию шел всё увеличивавшийся наркопоток в Россию и далее в Прибалтику и Восточную Европу. В мае 1999 г. Ашхабад уведомил РФ о намерении выйти из двустороннего договора 1993 г. об охране границы с Афганистаном. Таким образом, туркмено-афганская граница становилась «прозрачной». Как отмечала пакистанская газета «Ньюс интернешнл», Туркменистан не только развивал свои контакты с талибами, но и содействовал налаживанию их отношений с другими странами региона¹⁷. При этом в заявлении МИД республики по поводу терактов 11 сентября 2001 г. в США излагалась позиция Ашхабада, считавшего целесообразным формирование коалиции, в которой постоянно действующим органом являлось бы представительство ООН с четко определенными целями, задачами, полномочиями и механизмом¹⁸.

Туркменистан отказал Вашингтону в его просьбе предоставить территорию республики для расположения военных баз. В ответ на личное послание казахстанского президента Н. Назарбаева, выражавшего озабоченность осложнением ситуации в Афганистане, С. Ниязов заявил, что нейтральный Туркменистан позволит использовать свое воздушное пространство исключительно для доставки грузов, предназначенных для оказания гуманитарной помощи афганскому населению¹⁹.

Ныне Туркменистан поддерживает дипломатические отношения с Афганистаном, что во многом обусловлено общей границей (примерно 860 км), этнорелигиозной общностью населения приграничных районов (туркменская диаспора, проживающая в основном в приграничных афганских провинциях, составляет около 400 тыс. человек) и, конечно же, намерением в перспективе реализовать проект ТАПИ (проведение газопровода из Туркменистана через афганскую территорию в Пакистан и до границы с Индией).

Президент Афганистана Х. Карзай неоднократно по разным поводам посещал Туркменистан. В результате его визитов были подписаны соглашения о поставках электроэнергии по льготным ценам, списании афганского долга за энергию, поставленную до 2007 г. в размере 3,8 млн долл., а также о проведении и реконструкции за туркменский счет железной дороги Тургунди–Серхетабад. Между странами развивается торговля, в том числе частная.

Руководство Туркменистана пока не проявило готовности активно поддерживать правительство Х. Карзая и военную опера-

цию США / НАТО, но разрешило заправлять туркменским топливом самолеты МССБ без уплаты пошлин за его приобретение и предоставило право на транзит через территорию республики не военных грузов, но только до афганской границы.

Несколько слов о ТАПИ. Заинтересованность Туркменистана в ТАПИ более чем очевидна. Этот проект рассматривается Ашхабадом как один из важнейших элементов его энергетической стратегии, предусматривающей диверсификацию экспорта энергоснабжения на мировые рынки. Видимо, именно поэтому руководство республики инициировало в декабре 2010 г. созыв саммита стран его участников. Итогом саммита стало подписание двух межправительственных документов, открывающих путь к практической реализации проведения газопровода²⁰. Однако ситуация в Афганистане не позволяет определить даже начало работ в данном направлении.

Афганский вектор по-прежнему остается ключевым в ряде серьезных угроз для светских режимов центральноазиатских государств. Экстремистские установки исламистских партий и группировок, сторонники которых находятся и на их территориях, и в Афганистане, получение ими оружия из-за рубежа, растущий масштаб наркотрафика при практически прозрачных границах обусловили готовность политических элит этих государств выстраивать свой внешнеполитический курс в рамках предложенной США / НАТО системы координат. Причины такой готовности усматриваются и в их хронической восприимчивости к внешнему геополитическому воздействию, во многом облегчающейся особыенностями их развития: отсутствием консолидирующего фактора, этнической пестротой, разногласиями и перманентными междоусобицами²¹. Всё это учитывается и небезуспешно используется США / НАТО.

Кратко рассмотрим реакцию отдельных центральноазиатских государств на развитие ситуации в Афганистане.

Узбекистан. Ташкент осудил теракты 11 сентября 2001 г. в США и тогда же дал разрешение на использование американцами военной базы Ханабад. Вскоре части 10-й элитной дивизии США разместились в республике. Затем США / НАТО получили право на использование и некоторых других пунктов для тылового обеспечения операции «Несокрушимая свобода». Во время официального визита президента И. Каримова в США в марте 2002 г. стороны подписали шесть документов, заложивших основу отношений двух стран, в том числе соглашение о стратегическом партнерстве.

Военно-политическое сотрудничество США / НАТО – Узбекистан расширялось и в дальнейшем. В апреле 2008 г. президент И. Каримов, принимая участие в саммите НАТО в Бухаресте, выступил с инициативой создания Группы по Афганистану – 6+3, в составе приграничных с Афганистаном стран, с одной стороны, плюс Россия, США и НАТО – с другой. С разрешением в 2009 г. наземной доставки грузов МССБ в Афганистан через территорию Республики Узбекистан стал ключевым узлом Северной сети их распределения для стран коалиции. По данным американских должностных лиц, через территорию Узбекистана провозится 98% всего грузопотока²². В 2013 г. Ташкент заявил о выходе из Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Тем самым Узбекистан может остаться один на один перед лицом угроз, исходящих с афганской территории, либо доверит защиту своих интересов США / НАТО.

Таджикистан. Руководство Душанбе официально осудило теракты 11 сентября 2001 г. в США и оказывает поддержку операции «Несокрушимая свобода» с октября 2001 г. BBC коалиции используют воздушное пространство республики. С ее территории по сей день осуществляется тыловая поддержка операции. Однако разрешения на создание военных баз в Таджикистане США / НАТО не получили. В марте 2009 г. на встрече главы руководства командования ВС США в регионе с главами военных ведомств центральноазиатских государств представитель Таджикистана заявил о готовности укреплять таджикско-афганскую границу, бороться с наркотрафиком, создавать базы и опорные пункты для противодействия исламистам в случае их вторжения из Афганистана. После данного заявления США / НАТО увеличили финансовую помощь республике. До этого Таджикистан получал от США / НАТО средства за использование его территории для доставки в Афганистан грузов. В сентябре 2010 г. американский посол в Душанбе сообщил его руководству о намерении инвестировать строительство Национального тренировочного центра для Вооруженных сил со статусом базы. Сроки и необходимые средства для его реализации не назывались.

Казахстан. Внутриафганский конфликт, как отмечалось выше, напрямую не затрагивал Казахстан, хотя его негативное влияние на внутреннюю ситуацию в республике, несомненно, скрывалось. Руководство Казахстана на всех уровнях выступало за нормализацию ситуации в Афганистане путем переговоров под эгидой ООН. Стремление Астаны установить контакты с талибами

и побудить их к началу конструктивного диалога оказались безуспешными. Осудив теракты 11 сентября 2001 г., президент Н. Назарбаев 15 сентября официально заявил, что его страна «всесильно привержена к сотрудничеству с США и мировым сообществом по противодействию международному терроризму и полному искоренению этого зла»²³. В начале октября 2001 г. Казахстан дал разрешение ВВС США использовать воздушное пространство республики, а в июне 2002 г. Астана и Вашингтон подписали меморандум, в соответствии с которым международный аэропорт Алма-Аты предоставлялся как запасной для экстремальных посадок и дозаправок ВВС США / НАТО. В последние годы был подготовлен и подписан ряд документов о дальнейшем развитии двустороннего военно-политического сотрудничества. В апреле 2010 г. на встрече в Вашингтоне на высшем уровне обсуждались вопросы о полетах ВВС США в Афганистан через Северный полюс и территорию Казахстана. В подписанном по итогам переговоров заявлении было обозначено расширение участия Казахстана в Северной сети поставок грузов в Афганистан и приветствовались подготовка и заключение нового соглашения о грузоперевозках США через территорию республики.

Киргизия. Республика рассматривается Вашингтоном как важное звено его стратегии в регионе: ее географическое положение открывает пути к потенциально «горячим точкам» – неспокойной Ферганской долине и населенному мусульманами-уйгурами Синьцзян-Уйгурскому автономному району КНР. Следуя политике многовекторности, киргизское руководство предоставило США / НАТО базу «Манас», именуемую ныне Центром транзитных перевозок (ЦТП), а России / ОДКБ базу в г. Кант. Продлив в 2010 г. договор об аренде ЦТП, США обязались ежегодно выплачивать 60 млн долл. за ее использование. Вашингтон закрепил свое военное присутствие в республике и путем открытия в г. Токмак учебного комплекса, где американские инструкторы обучают киргизский спецназ. Временные рамки пребывания в Киргизии США / НАТО были определены еще в 2001 г.: «Силы НАТО и международной коалиции будут присутствовать в республике ровно столько времени, сколько потребуется для наведения порядка в Афганистане»²⁴. Прикрывшись зонтиком операции «Несокрушимая свобода», США / НАТО решали свои задачи. Вашингтон, казалось бы, изменил свое отношение к исламистам-террористам, перейдя от их поддержки (моджахедов и талибов в годы создания и установления власти в Афганистане Движения

«Талибан») к войне, сформировав антитеррористическую военную коалицию. Таким образом, исламисты, по нашему мнению, превратились в «удобного врага», позволяющего США / НАТО реализовать свои политические устремления.

Добившись в значительной мере геополитического «освоения» ряда центральноазиатских государств, Вашингтон и его союзники практически не сделали ничего существенного в плане стабилизации общей обстановки. Политические элиты центральноазиатских государств, видимо, полагали, что, пойдя на сотрудничество с Западом, они смогут при его содействии решить стоящие перед ними проблемы. Этого не произошло. Ситуация в этих странах, кроме Казахстана, далеко не стабильна. Экстремистские партии и группировки, а также трансграничная преступность по-прежнему существуют. С конца 2011 г. все более заметным стало «перетекание» экстремистских формирований в приграничные государства региона. Наркопроблема не только не решена, но и во много раз обострилась. В регионе, особенно после второй, в 2010 г., «революции» в Киргизии, усилилось понимание угрозы «афганизации», т.е. возникновения ситуации, когда центр будет способен контролировать столицы и их окрестности, а реальная власть сосредоточится в руках наркобаронов, главарей кланов и бандформирований²⁵.

Ключевым игроком из приграничных Афганистану мусульманских государств был и остается **Пакистан**²⁶. Напомним, что, являясь членом ОИК со времени ее основания, Пакистан успешно развивал отношения с исламскими странами. На Лахорской (Пакистан) встрече глав государств и правительств стран – членов ОИК в 1974 г. Исламабад выступил с рядом инициатив, поддержанных ее участниками. По его предложению был создан Исламский банк развития. Представитель Пакистана стал одним из его директоров, а также членом руководства Исламского фонда солидарности, созданного для финансирования пропаганды идей ислама.

Первое заседание Организации Исламская конференция по экономическим, социальным и культурным вопросам было проведено в январе 1977 г. в Карачи. На нем тогдашний премьер-министр страны З.А. Бхутто выступил с предложением о заключении мусульманскими государствами договора об обороне. Высшей точки активности в мире ислама Исламабад достиг в 1978–1980 гг., после прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана, создания Демократической Республики Афганистан (ДРА) и особенно после ввода в страну советских войск. Пакистан

(так же как Саудовская Аравия) потребовал созыва СБ ООН Чрезвычайной сессии ГА ООН. В январе 1980 г. сессия приняла подготовленную пакистанской делегацией резолюцию, резко осудившую акцию СССР. Именно с этого времени афгано-пакистанский ареал превратился в фокус глобального противостояния²⁷.

Оппозиционным ДРА «борцам за веру» – моджахедам, обосновавшимся в Пакистане, – шла из-за рубежа военная и финансовая помощь. Положение страны как прифронтового государства обеспечило Исламабаду большие политические и экономические дивиденды. В ОИК и ГА ООН Пакистан стал выступать как представитель мусульманских стран, с него были сняты санкции, наложенные в связи с развитием ядерной программы, возродился военно-экономический альянс с Вашингтоном: в 1981 г. США подписали соглашение о предоставлении Пакистану военно-технической помощи на сумму 3,2 млрд долл. сроком на пять лет. По истечении этого срока Исламабад получил заем в размере 4,02 млрд долл. Однако пребывание на пакистанской территории 3 млн беженцев и военные поставки породили для страны серьезные проблемы политического, экономического, социального и даже экологического порядка – повысилась инфляция, не было единства среди правящей элиты, большей гибкости требовала от руководства активизация ряда партий и общественных организаций и т.п. Все это побудило Исламабад согласиться на непрямые переговоры с Афганистаном под эгидой ООН. Переговоры происходили в Женеве и длились с 1982 г. по апрель 1988 г.

Все эти годы Пакистан и стоящие за ним США то затягивали переговоры, то стремились их сорвать, выдвигая афганской стороне все более жесткие требования. При этом военная и финансовая помощь моджахедам неуклонно возрастала²⁸. Западные политики еще в 1986 г. признавали, что «если бы американцы, пакистанцы, арабы и китайцы вложили столько же энергии, сколько они вкладывают в разжигание этой войны, то мы могли бы иметь мирное урегулирование уже завтра»²⁹. Серьезную тревогу Вашингтона вызывала расширявшаяся из года в год спекуляция поставляемой оппозиции военной техникой. В спекуляции, кроме самих моджахедов, были замешаны представители Объединенной военной разведки Пакистана. Только в 1987 г. были проданы 16 ракетных установок «Стингер» и их элементы. В результате вашингтонская администрация стала поставлять вооружение непосредственно оппозиции, минуя пакистанских военных. Контроль за этим был поручен спецпредставителю США Питеру Томсону, ранее занимав-

шему пост временного поверенного в КНР. Характеризуя создавшуюся ситуацию, американские обозреватели не без сарказма писали: «Слова президента о том, что мы помогаем борцам за свободу, вызывают недоумение парней из ЦРУ»³⁰.

В конце концов, 14 апреля 1988 г. после длительных переговоров Женевские соглашения были подписаны. Одним из важнейших документов стало Двустороннее афгано-пакистанское соглашение о принципах взаимоотношений, невмешательстве в дела друг друга и отказе от интервенции³¹. Однако Пакистан неоднократно нарушал достигнутые договоренности, не прекращая разноплановой массированной поддержки моджахедов и не допуская на места представителей ООН, призванных осуществлять контроль за выполнением соглашений³². Тем не менее режим НДПА продержался после подписания документов в Женеве и вывода советских войск вплоть до апреля 1992 г.

Как отмечалось выше, пришедшие к власти моджахеды не оправдали надежд, возлагавшихся на них их покровителями, в том числе и Пакистаном. Непрекращавшаяся вооруженная борьба между лидерами моджахедов привела к фрагментации страны.

Заинтересованность Исламабада в установлении в Афганистане дружественного режима значительно возросла в связи с важными геополитическими переменами: после распада СССР в Центральной Азии были созданы независимые государства. В сложившейся ситуации Пакистан, отказавшись от поддержки прежних союзников, сделал ставку на новую силу, с утверждением которой в Афганистане было бы создано более лояльное к Исламабаду правительство и через его территорию стал бы возможным выход Пакистана на центральноазиатские рынки. В этой связи отметим, что пакистанские исламисты внимательно отслеживали развитие ситуации в Центрально-Азиатском регионе и уже с конца 80-х годов прошлого века предпринимали активные шаги к налаживанию контактов с религиозными организациями стран Центральной Азии.

Силой, взращенной в Пакистане при активнейшем содействии США и Саудовской Аравии, стало Движение «Талибан». Его костяк составили тысячи пуштунов (афганцев) – талибы, носители радикального ислама суннитского толка – выпускники медресе, созданных в лагерях беженцев. К ним примкнули пакистанские пуштуны и военные (отставные и находящиеся на действительной военной службе), а затем добровольцы из мусульманских стран. Созданию ДТ активно содействовала Объединенная военная раз-

ведка Пакистана. Движению «Талибан» покровительствовал Насрулла Бабар, занимавший пост министра внутренних дел в правительстве Б. Бхутто.

В сентябре 1994 г. многотысячные военные подразделения талибов перешли границу и к 1996 г. заняли почти 90% афганской территории. Одним из трех государств, признавших созданный талибами Исламский эмират, был Пакистан, оказывавший талибам в последующие годы широкую поддержку, в том числе и на международной арене. Отметим, что политический выбор Исламабада во многом был связан с возросшим влиянием в стране исламского фундаментализма. Однако, сделав ставку на талибов, Пакистан вновь потерпел неудачу. К концу 1990-х годов руководство талибов, отдаляясь от Исламабада, стало все больше ориентироваться на обосновавшегося в Афганистане Усаму бен Ладена. К тому времени филиалы «Аль-Каиды» были созданы в 24 странах³³. В результате сотрудничества с «Аль-Каидой» и У. бен Ладеном Афганистан к 2000 г. превратился в центр международного терроризма, религиозного экстремизма, производства и контрабанды наркотиков³⁴.

Несмотря на заметное дистанцирование руководства ДТ от Пакистана, Исламабад не порывал контактов с талибами. Пакистанские спецслужбы, прежде всего Объединенная военная разведка, имевшая с ДТ многолетние наработанные связи, а также экстремистские партии «Харкат-уль моджахеддин», «Лашкар-и Джанги» и другие инициировали закрытые встречи и совещания талибов с влиятельными пакистанскими функционерами. На встречи приглашались также и лидеры исламистских группировок государств Центральной Азии, в частности лидер ИДУ Г. Юлдашев, ставший одним из заместителей бен Ладена.

В январе 2001 г. основные партии пакистанских исламистов сформировали Совет в защиту Афганистана. Среди решений Совета были названы принятие действенных мер по оказанию содействия ДТ и призыв к бойкоту американских товаров. Первая реакция руководства талибов на введение против ДТ санкций СБ ООН была озвучена именно в Исламабаде. Речь шла о распространении обращения духовного лидера ДТ муллы М. Омара к мусульманским странам, призвавшего их выйти из ООН, ставшей «инструментом Вашингтона».

Теракты 11 сентября 2001 г., в совершении которых Вашингтон обвинял «Аль-Каиду» и непосредственно У. бен Ладена, отказ ДТ его выдать и создание международной антитеррористи-

ческой коалиции во главе с США, поддержанной 70 государствами, в том числе и мусульманскими, поставили Пакистан в сложное положение. Втягивание Исламабада в борьбу против его многолетних союзников происходило весьма непросто³⁵.

Стремясь уберечь Движение «Талибан» от полного разгрома, Пакистан, выдвинув идею создания правительства «умеренных талибов», направил в Афганистан делегации – на государственном уровне и религиозных авторитетов. Однако в октябре 2001 г. после решения США о начале военных действий против талибов руководство Исламабада пошло на разрыв дипломатических отношений с талибами и поддержало кампанию по борьбе с ними. Пакистан принял участие в открывшейся 5 декабря 2001 г. в Бонне конференции по Афганистану. Он признал Временную афганскую администрацию во главе с Х. Карзаем. После непродолжительной военной операции американо-английские войска и силы «Северного альянса» свергли режим талибов.

Однако несломленные талибы, их лидеры и порядка 25–30 тыс. боевиков скрылись на территории Пакистана. Там при поддержке своих союзников из числа пакистанских пуштунов они стали готовиться к дальнейшей борьбе. Уже в 2003 г. их отряды начали нападать на уезды восточных и юго-восточных афганских провинций и устанавливать там параллельные органы власти³⁶.

В 2002 г. состоялись визиты Х. Карзая в Исламабад и П. Мушаррафа в Кабул. В ходе переговоров стороны сосредоточили внимание на вопросах развития технико-экономического сотрудничества. Последовавшие обмены визитами на министерском уровне, создание пакистано-афганской межправительственной комиссии, налаживание контактов с государствами, ранее оппозиционными талибам, и особенно ликвидация скрывающихся в Пакистане многих видных деятелей ДТ и «Аль-Каиды» вызывали резко негативную реакцию не только пуштунского населения Пакистана, но и лидеров влиятельных пакистанских исламистских партий и группировок. В высокогорном пакистано-афганском приграничье на территории племен федерального управления возникли анклавы их влияния и власти.

В результате военных операций, проведенных в 2004 г. и продолжившихся в последующие годы, части пакистанской армии, заняв позиции в районах между Пакистаном и Афганистаном, впервые в истории превратили демаркированную на местности, но не охраняемую «линию Дюранда» в фактическую границу. В 2005 г. пакистанцы обустроили вдоль границы 665 контрольных

пунктов³⁷. Все это происходило на фоне непрекращавшейся инфильтрации боевиков, активизации афганских и пакистанских талибов и их союзников, включая находящихся в Пакистане так называемую «сеть Хаккани» и экстремистов «Лашкар-и Тойба», причастных, по данным афганского Управления национальной безопасности, к теракту в Кабуле, что позволило правительству Х. Карзая открыто высказывать сомнения в искренности Исламабада, предпринимавшего конкретные шаги, направленные на развитие дружественных отношений со своим соседом.

Сомнения стали более обоснованными после того, как в мае 2011 г. неподалеку от пакистанской столицы американским спецназом был обнаружен, а затем ликвидирован Усама бен Ладен. Удары беспилотников США / НАТО по базам исламистов, жертвами которых становились не только боевики, но и мирные жители, вызывали весьма болезненную реакцию руководства и общественности страны. Ошибочный авиаудар по блокпосту в Моманде 26 ноября 2011 г. и гибель 24 пакистанских военнослужащих вывели противостояние Кабула и Исламабада за рамки двусторонних отношений: Пакистан блокировал наземные поставки грузов МССБ в Афганистан, потребовал от США / НАТО освободить авиабазу в Шамси. Представитель Пакистана отказался от участия в конференции по Афганистану Бонн-2, открывавшейся 5 декабря 2011 г. Через два дня в Кабуле, Мазари-Шарифе и Кандагаре прозвучали мощные взрывы, ответственность за которые взяли на себя экстремисты «Лашкар-и Тойба».

К лету 2012 г. конфликт был улажен. Транзит грузов через пакистанскую территорию возобновился, вопрос о базе в Шамси также был решен. Как представляется, Исламабад, заинтересованный в укреплении своего влияния и в зоне пуштунских племен, и в Афганистане в целом, едва ли будет стремиться ограничивать себя в способах и методах достижения своих целей. По мнению некоторых исследователей, пакистанские политики и поныне сохраняют инструменты продвижения своих интересов на афганском направлении, задействованные еще в 80-е годы прошлого века, – это использование дружественных Исламабаду исламистов – талибов и их союзников. Однако, если в период пребывания советских войск в Афганистане подобные «контакты» Исламабада отвечали интересам Запада, то ныне они создают сложности в реализации стабилизационных усилий США / НАТО. При этом следует иметь в виду, что подобная линия пакистанских властей поддерживается

некоторыми влиятельными политическими силами страны – исламистскими партиями, частью парламентариев.

В условиях блокирования Индией возможностей Пакистана удовлетворить свои амбиции в регионе и добиться стратегической глубины на восточном направлении руководство страны, видимо, будет и впредь стремиться к достижению своих целей на западных рубежах. Не следует исключать того, что проявления активности Исламабада и далее могут осложнять как его отношения с Кабулом и Вашингтоном, так и ситуацию в Афганистане и вокруг него. Словом, на пути к установлению мира и стабильности в Афганистане и регионе стоят сложные, до конца не урегулированные проблемы.

Примечания

- ¹ Мусульмане на Западе. – М., 2002; Нечитайло Д. Ислам в Германии. – Ближний Восток и современность. Вып. 31. – М. 2007; он же. Ислам в Великобритании. – Ближний Восток и современность. Вып. 26. – М., 2005; он же. Ислам в Италии. – Ближний восток и современность. Вып. 34. – М., 2007; Сюкийянен Л. Мусульманские меньшинства на Западе. – Ближний Восток и современность. Вып. 45. – М., 2012.
- ² Labeviere R. Les dollars de la terro. – P., 2002; Куделев В. «Аль-Каида»: Структуры, союзники, покровители. – М., 2008. – С. 18, 34–36.
- ³ Куделев В. Указ. соч. – С. 13–18.
- ⁴ Economist, Casablanca, 29.08.2005.
- ⁵ Куделев В. Указ. соч. – С. 14; Le Figaro, 21.11.2001.
- ⁶ Laurent E. La guerre des Bush. Les secrets inavouables. – P., 2003. – Р. 117.
- ⁷ Аль-Каддафи Муаммар. Борьба продолжается. Краткое собрание сочинений. 2001–2008. – М., 2009. – С. 4, 9; см.: Подцероб А.Б. Арабские страны и события в Афганистане. История и современность. – Современный Афганистан и сопредельные страны. – М., 2011. – С. 160–161.
- ⁸ Сюкийянен Л. Указ. соч. – С. 169. Европейский Совет фетв и исследований по поводу демонстраций в Нидерландах фильма «Фитма», воспринятого как унижающий ислам, заявил, что любое право человека подлежит защите, пока оно не нарушает права других, а также не посягает на их святыни.
- ⁹ Зиганшина Г. Об участии Турции в ОИК. – Ближний Восток и современность. Вып. 19. – М., 2003. – С. 24.
- ¹⁰ Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. – М., 2012. – С. 161–162.
- ¹¹ Арунова М.Р. Ирано-афганские отношения на современном этапе. – Современный Иран. – 2011. – № 2. – С. 75.
- ¹² Мамедова Н.М. Иранские интересы в Афганистане. – Современный Афганистан и сопредельные страны. – М., 2011. – С. 79–84; Арунова М.Р. Ирано-афганские отношения... – С. 72–76.
- ¹³ Там же. – С. 75–76.
- ¹⁴ Мамедова Н.М. Указ. соч. – С. 87–88.

- ¹⁴ Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. – С. 11–12.
- ¹⁵ Там же. – С. 36–40.
- ¹⁶ Мукимджанова Р. Страны Центральной Азии. – М., 2005. – С. 126.
- ¹⁷ News International, 28.08.2001.
- ¹⁸ Нейтральный Туркменистан, 15.09.2001.
- ¹⁹ Казахстанская правда, 19.10.2001.
- ²⁰ Малышева Д. Афганистан и Центральная Азия. – М., 2010. – С. 44.
- ²¹ Там же. – С. 36.
- ²² Kucera J. Central Asia: Washington to Expand Traffic; см.: Малышева Д. Указ. соч. – С. 38–39.
- ²³ Казахстанская правда, 16.09.2001.
- ²⁴ Интервью президента Киргизии А. Акаева. – Независимая газета, 10.11.2001.
- ²⁵ Малышева Д. Указ. соч. – С. 35.
- ²⁶ См.: Москаленко В.Н. Афганистан: Прошлое и настоящее. – Афганистан и сопредельные страны. – М., 2003. – С. 24–50; Москаленко В., Топычканов П. Пакистано-афганские отношения. – Современный Афганистан и сопредельные страны. – М., 2011. – С. 92–115.
- ²⁷ Белокреницкий В.Я. Афганистан – Пакистан: историческая динамика и перспективы эволюции ареала нестабильности. – Афганистан и Пакистан: Современное состояние и перспективы развития. – М., 2012. – С. 7.
- ²⁸ Козырев Н. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла». – М., 2010. – С. 24–62.
- ²⁹ Арунова М.Р. Афганская политика США 1945–1999 гг. – М., 2000. – С. 33.
- ³⁰ The Washington Post, 02.01.1985; см.: Арунова М.Р. Афганская политика США... – С. 37.
- ³¹ Козырев Н. Указ. соч. – С. 116–119; Приложение № 1. Текст Двустороннего соглашения между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений, и в частности о невмешательстве и об отказе от интервенции.
- ³² Там же. – С. 24–72.
- ³³ Le Matin. Alger, 16.08.1999; см.: Куделев В. Указ. соч. – С. 10.
- ³⁴ Арунова М., Набиев З. Афганистан. Проблемы терроризма. – Терроризм. Угроза человечеству в XXI в. – М., 2003. – С. 179–200.
- ³⁵ См.: Москаленко В.Н. Указ. соч.
- ³⁶ Арунова М. Операция «Несокрушимая свобода». – Современный Афганистан и сопредельные страны. – М., 2011. – С. 14–15.
- ³⁷ Белокреницкий В.Я. Указ. соч. – С. 11.

«Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке», М., 2014 г., с. 492–509.

Е. Дорошенко,

кандидат филологических наук,

ведущий специалист РИА «Новости»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ ЛИВИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНЕ

События «арабской весны» 2011 г., приведшие к резкой смене правящих режимов и распаду устоявшегося социального уклада в целом ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, серьезно повлияли и на формирование в этих государствах новых идеологических установок: взглядов, которых придерживается правительство (в том числе и в сфере законотворчества), и основных убеждений, бытующих в обществе.

Закономерно, что в рамках прямого и открытого демократического диалога между руководством страны и ее населением – как предполагается, главного завоевания недавних арабских революций, – и то, и другое в равной степени определяет характер политического курса. Следовательно, проанализировав идеологические установки, можно в общих чертах судить о происходящих в регионе социально-политических процессах, что особенно актуально в настоящее время, когда сразу несколько стран региона осваивают новые политические системы. В Ливии, где «арабская весна» протекала наиболее драматично, новое государственное устройство складывается в очень непростых условиях. Такие факторы, как неустойчивая политическая обстановка («политический вакuum», отсутствие у правительства полного контроля над страной); проблемы с безопасностью, препятствующие нормальному функционированию вновь созданных политических институтов, и явные разногласия в обществе (как унаследованные от прежнего режима, так и привнесенные недавней революцией), затрудняют начатый процесс демократизации¹.

Наблюдая за событиями извне, трудно составить полное и объективное представление обо всём, что происходит сейчас в ливийском обществе. Однако на текущий момент можно выделить шесть основных идеологических установок, уже сформировавшихся в современной Ливии.

1. Построение нового демократического государства возможно только в условиях абсолютного отказа от всего, что ассоциируется со свергнутым режимом Муаммара Каддафи (курс на полное политическое, социальное и историческое «стирание» не-

давнего прошлого при, как отмечается, недостаточном его переосмыслении²;

2. Основные проблемы, встающие перед страной, – результат «порочной практики» предшествовавшего режима (например, социальная разобщенность – последствие политики М. Каддафи «разделяй и властвуй», а не показатель отсутствия реальной власти у современного правительства³);

3. Курс на защиту достижений «революции 17 февраля» (несколько размытое положение, объясняющее недостаточность принимаемых мер по обеспечению безопасности в стране и игнорирование явных случаев нарушения прав человека, например, в Мисурате, Сирте и Таверге⁴);

4. Официально закрепленный в проекте конституции на переходный период курс на шариат как основу государственного права⁵;

5. Крайне сложная ситуация в стране, даже спустя два года после смены режима, – временное явление и нормальное следствие любой революции (однако даже примерные сроки нормализации обстановки не обсуждаются)⁶;

6. Резкая критика опасений Запада в отношении существующих социально-политических условий в Ливии, обвинение западных СМИ в смене риторики и «каддафии»⁷.

Практическая реализация идеологических установок

Первая из упомянутых установок – на «декаддафизацию»⁸ – является доминирующей. С одной стороны, она отражает сложившееся еще во время революции твердое убеждение о свержении М. Каддафи как обязательном условии демократизации Ливии, а с другой – выражает естественное желание нового правительства как можно скорее отойти от старых норм управления государством и выгодно противопоставить свои политические методы прежним.

В сфере законотворчества эта установка впервые была реализована в виде официального запрета на «возвеличивание» прежнего режима (Закон № 37 от 2 мая 2012 г.), и хотя впоследствии этот запрет был снят под давлением правозащитных организаций как «противоречащий свободе слова»⁹, положение об исключении лиц, имевших связи с режимом – в том числе и «возвеличивающих» его, – вошло в новый «Закон о политической изоляции»¹⁰, утвержденный 5 мая 2013 г.

Основная его критика (в том числе и правозащитными организациями) сводится к следующему: у тех, кто не имел никаких связей со свергнутым режимом, недостаточно политического опыта; формулировка, характеризующая «связи» с прежним режимом, размыта; действия специальной комиссии, созданной для расследования этих «связей», должны быть более прозрачными¹¹.

Еще один критический аргумент, появившийся в свете последних событий (голосование по законопроекту о люстрации происходило под давлением вооруженных группировок, которые, требуя его принятия, около недели держали в осаде Министерства юстиции и иностранных дел), – недостаточная информированность людей, которую используют в своих целях те, кто не смог прийти к власти «демократическим путем»¹².

Показательно, однако, отношение вооруженных сторонников «Закона о политической изоляции» к представителям прежнего режима: «Мне нужно было кое-что сделать, и я пришел в одно госучреждение. На приеме сидел каддафист. От этих людей нужно избавляться»¹³. Как подчеркивает автор сообщения, «главный недостаток такого образа мысли заключается в том, что малейший предлог может быть использован, чтобы навесить ярлык «каддафист» на кого угодно»¹⁴.

Таким образом, данная установка ведет, с одной стороны, к мобилизации вооруженных группировок, принимавших участие в свержении М. Каддафи, на борьбу все с тем же врагом (хотя тот физически уже перестал существовать), а с другой – к углублению разобщенности в обществе. И то, и другое, в свою очередь, создает условия для полномасштабного вооруженного противостояния внутри страны.

Вторая идеологическая установка – о возложении вины за все политические и иные беды современной Ливии на режим М. Каддафи – прослеживается, например, в выступлении в Москве в феврале 2013 г. лидера Альянса национальных сил Махмуда Джибриля, одного из заметных современных ливийских политиков:

«Как вы знаете, в течение 42 лет Ливия переживала период “опустынивания” политической жизни. 42 года правил нами Каддафи, и не только через свои разведслужбы, но также через политику «разделяй и властвуй», которая основывалась на разделении граждан, в результате чего люди в обстановке доносов стали бояться друг друга... Конечно, очень сложно ожидать, что она исчезнет в мгновение ока, и в мгновение ока же появятся демо-

кратические институты, которые будут по-другому проводить политику...»¹⁵.

Тот же подход обнаруживается и в статье независимого эксперта в области экономики Мойна Сиддики, отмечающего, что «текущая – неблагополучная – экономическая ситуация является результатом международной изоляции Ливии вплоть до середины 2000-х годов и неумелого правления, [осуществляемого] прежним режимом. Несмотря на [имеющиеся в стране] природные и финансовые ресурсы, базовая инфраструктура Ливии в ужасном состоянии... неудовлетворительном по региональным стандартам. Даже углеводородный сектор, главная опора производства... нуждается в комплексной модернизации»¹⁶.

Неравномерное распределение ресурсов в пользу западной провинции страны – Триполитании – и ранее упоминалось СМИ в числе причин начала восстания против режима в 2011 г.¹⁷; однако сейчас, спустя два года после смены власти, жители Бенгази, столицы восточной провинции, по-прежнему не отмечают никаких серьезных улучшений¹⁸.

При характеристике сложившейся ситуации деструктивная роль натовских бомбардировок и действий вооруженных групп повстанцев во время ливийской «арабской весны», как правило, не рассматривается. О необходимости расследовать именно военные преступления, и не только совершенные вооруженными силами М. Каддафи, заявляют, в основном, западные правозащитные организации, такие как «Международная амнистия»¹⁹.

Эта установка – на списание всякого неблагополучия на прежний режим без попыток трезвого анализа политической и социальной данности на момент свершения «революции 17 февраля» – способствует формированию у населения не вполне объективного представления о действиях правительства. Это означает, что в той или иной степени новым руководством заимствуются старые «пропагандистские» методы, что идет вразрез с принятым курсом на демократизацию / «декаддафизацию». Достаточная информированность, как уже отмечалось выше, имеет решающее значение для активного включения и последующего участия населения в политических процессах.

Третья идеологическая установка – о защите достижений революции 17 февраля – напрямую соотносится с общим, основополагающим для всех стран «арабской весны» положением, что движущей силой революций были «народные силы», стремившиеся к преобразованиям²⁰. Следовательно, требующий демократии

«народ» никак не может поддерживать террористическую деятельность, будь то действия боевиков «Аль-Каиды» и внутри государства, и за его пределами, «выяснение отношений» между сторонниками и противниками режима в перенасыщенной оружием стране, или же лишенные всякого политического мотива преступления²¹ тех или иных группировок, оставшихся «без дела» после того, как главный враг был устранен.

Поэтому в Ливии бывшие повстанцы, будучи «героями революции»²², небезосновательно рассчитывают на снисходительное отношение к себе со стороны нового правительства и, фактически удерживают власть в стране, что безусловно представляет угрозу национальному единству, стабильности и безопасности – вплоть до невозможности правительству нормально функционировать²³. Кроме того, как уже упоминалось ранее, в Сирте и Таверге бывшие повстанцы совершают преступления на расовой почве, объясняя свои действия все продолжающейся борьбой со сторонниками (и / или наемниками) М. Каддафи.

Позиция Махмуда Джибриля, чья партия получила большинство голосов на выборах, проходивших в Ливии в июле 2012 г., сводится к тому, что «ливийская улица» всегда... находит правильный путь, когда появляются какие-то сомнения» (т.е. что в обществе должна произойти некая саморегуляция), и что наличие оружия стало «сдерживающим фактором»²⁴.

Причины возникновения идеологической установки на защиту достижений «революции 17 февраля» вполне объяснимы и естественны. Однако новому ливийскому правительству, пришедшему к власти на волне событий «арабской весны», следует выработать более четкую позицию в отношении того, каким образом должна осуществляться эта защита, поскольку иначе зарождающаяся демократия, главное завоевание революции, может смениться диктатом множества не только бывших повстанческих, но и радикальных исламистских группировок.

Четвертая установка – на шариат как основу государственного права – впервые прозвучала практически сразу же после гибели М. Каддафи в октябре 2011 г.²⁵, и на текущий момент, как было отмечено выше, отражена в проекте конституции. В ливийском политическом контексте это положение вызывает три главных вопроса.

1. Насколько избранный курс на демократизацию, также официально закрепленный в проекте конституции (ст. 4)²⁶, сочетается с нормами шариата? По всей видимости, поскольку речь идет

о многопартийности как основе государства и «мирной и демократической циркуляции власти»²⁷, в Ливии предполагается построение демократии по западному образцу. Однако в настоящее время невозможно сделать объективный вывод о том, насколько новое государственное устройство страны будет соответствовать нормам именно западной демократии.

2. Не облегчит ли это путь к власти радикальным исламистским группировкам, особенно в условиях недостаточного правительственный контроля?

3. Не нарушит ли вводимое положение о многоженстве правá женщин, многие из которых принимали активное участие в свержении прежнего режима? Положение женщин при М. Каддафи, в соответствии со второй из перечисленных идеологических установок, преподносится как незавидное²⁸ (несмотря на то что именно в этот период многие из них получили возможность обучаться в вузах, служить в Вооруженных силах, и т.д.). Однако нарушение прав женщин будет противоречить третьей идеологической установке о защите достижений революции, а к этому уже есть предпосылки²⁹.

Пятая идеологическая установка, заявляющая, что неопределенность временных рамок для решения острых проблем постреволюционного периода – явление нормальное, безусловно, может диктоваться и самой текущей ситуацией. Более того, два года – срок не столь уж долгий. Тем не менее при анализе этой установки выявляются несколько важных обстоятельств.

1. Определенное сходство с событиями в Ираке: свободные демократические выборы в этой стране состоялись³⁰, но и теракты, и, фактически, гражданская война продолжаются там уже десять лет. Кроме того, ливийский курс на «декаддафизацию» (первая из указанных идеологических установок) проводится, по мнению некоторых авторов, теми же методами, что и «дебаасификация» в Ираке³¹, а это вовсе не способствует снижению напряженности и создает все новые предпосылки для гражданской войны.

2. Само наличие демократических институтов, как показывают примеры Ирака и современного Египта, еще не гарантирует стабильность и безопасность в стране. Поэтому, возможно, новым ливийским властям – в самом ближайшем будущем – логичнее было бы отдать приоритет вопросам внутренней и внешней безопасности, сформулировать и принять более четкие меры по предотвращению насилия, в том числе и посредством формирования более объективного и непредвзятого общественного мнения.

3. Сепаратистские тенденции на востоке Ливии, в провинции Киренаика³², указывают на реально существующую угрозу национальному единству страны – несмотря на то что Ливия воспринимается как единое государство³³. Соответственно, стоит задача, как можно скорее разработать четкую программу «национального диалога», как это было сделано, например, в Йемене³⁴.

Данная установка – о неопределенности временных рамок для решения глобальных проблем, стоящих перед страной, – объясняется верой правительства в потенциал ливийского народа и способность общества к «саморегуляции». Вместе с тем такая позиция может говорить и об отсутствии у руководства – в настоящий момент – четкого плана построения нового государства, «дорожной карты», где были бы обозначены не только основные задачи и способы их решения, но и конкретные сроки.

Шестая идеологическая установка, затрагивающая также и внешнеполитические отношения, – это резкая критика опасений Запада по поводу текущей ситуации, в частности, вопросы безопасности. По сути, эта установка объединяет в себе первую и третью, и базируется на том утверждении, что взгляд «извне», из-за рубежа, не может быть полностью объективным³⁵.

Главное противоречие, заложенное в этой позиции, – факт сотрудничества западных стран с режимом М. Каддафи, а затем их активная помощь повстанцам в его свержении. Контакты М. Каддафи с западным миром, как отмечает М. Джибриль, «носили характер заговора»³⁶. Так, например, стало известно, что Каддафи сотрудничал с британской разведкой, получая сведения о «диссидентах» и «оппозиционерах», которые, в свою очередь, зачастую принадлежали к радикальным исламистским группировкам³⁷. После убийства посла США в Бенгази, на фоне общего усиления влияния «Аль-Каиды» в регионе и обострения ситуации в Мали, риторика западных СМИ в отношении Каддафи постепенно изменяется: в информационных сообщениях он всё реже позиционируется как «тиран» и «диктатор», а вот сложившаяся в Ливии обстановка может и довольно резко характеризоваться как «хаос»³⁸. Реакция некоторых авторов, таких как Фуад Аджами, разделяющих мнение о неправомерности опасений Запада, на эти изменения: «извращенная ностальгия охватила Запад», «стоило Мали развалиться, как “аналитики” бросились оплакивать падение диктатуры в Ливии»³⁹.

Эта идеологическая установка – острое несогласие с критикой главных проблем, существующих в Ливии – указывает на ха-

рактер формирующихся отношений между этой страной и Западом. Для нового ливийского правительства, однако, ключ к преодолению противоречий – как внутри-, так и внешнеполитических, – это отказ от категорических суждений о прошлом, его полное переосмысление, открытость и готовность к диалогу.

* * *

Проведенный анализ главных идеологических установок показывает, что первая – на «декаддализацию» – является самой весомой, определяет практически все остальные и очерчивает политический курс нового ливийского правительства.

Вполне естественно, что любое руководство в условиях кардинальной смены режима сразу же заявляет о несправедливости и вопиющих нарушениях (коррупции, тирании, несоблюдении прав и свобод), допускавшихся предшественниками, и подчеркивает свои устремления построить такое государство, которое коренным образом и в лучшую сторону отличалось бы от унаследованного. При этом, чем более радикальным путем был осуществлен приход к власти (революция, переворот), тем более ярким, как предполагается, должен быть контраст между исходной и новой политической ситуацией, поскольку именно «невыносимость» прежних социально-политических условий и была поводом к смене власти, а значит, и основанием для последующей легитимизации нового режима. Однако настоящие, глубокие и истинно демократические реформы не должны быть сосредоточены только и исключительно на искоренении старого «диктаторского» режима, поскольку их цель – не только в преодолении исторических препятствий, но и в решении острых, насущных проблем, ежедневно возникающих во всех сферах социально-политической жизни страны.

Примечания

- ¹ Ситуация в Ливии и вокруг нее: Пресс-конференция лидера Альянса национальных сил Ливии Махмуда Джабриля. Москва, 28.02.2013 // сайт РИА Новости. – <http://pressria.ru/pressclub/20130228/601427897.html>
- ² Dettmer J. Will Libya erase Gaddafi from its history? – <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2012/06/17/will-libya-erase-gaddafi-from-its-history.html>
- ³ <http://www.pressria.ru/pressclub/20130228/601427897.html>
- ⁴ Amnesty International accuses Misurata of continued torture. – <http://www.libya-herald.com/2012/04/19/amnesty-international-accuses-misrata-of-continued-torture/>; Head J. Should Libya rebuild Gaddafi's hometown of Sirte? – <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-16961376>

- 5 Draft Constitutional Charter for the Transitional Stage / The Constitutional Declaration, Article (1), 2011, p. 3 – <http://www.al-bab.com/arab/docs/libya/Draft-Constitutional-Charter-for-the-Transitional-Stage.pdf>
- 6 См. чн. 3; Jawad R. Libyans trying to move on from Gaddafi. – <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-20026583>
- 7 Ajami F. Gaddafiphilia. – <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2013/01/28/a-perverse-nostalgia-for-gaddafi-takes-hold-in-the-west.html>
- 8 Eljarh M. Degaddafication of Politics in Post-Revolution Libya. – http://www.yourmiddleeast.com/opinion/mohamed-eljarh-degadda-fication-of-politics-in-postrevolution-libya_11532
- 9 Например: Human Rights Watch / Libya: Revoke draconian new law [1] Legislation criminalizes free speech. – <http://www.hrw.org/news/2012/05/05/libya-revoke-draconian-new-law>
- 10 http://www.yourmiddleeast.com/opinion/mohamed-eljarh-de-gad-dafication-of-politics-m-postrevolution-libya_11532
- 11 Ibidem; Human Rights Watch Libya. Ensure 'Political Isolation Law' respects rights [1] distinguish vetting from purging. – <http://www.hrw.org/news/2013/01/22/libya-ensure-political-isolation-law-respects-rights>
- 12 Eljarh M. Libya rising. – http://translations.foreignpolicy.com/posts/2013/05/02/libya_rising
- 13 Ibidem.
- 14 Ibid.
- 15 См.: чн. 3.
- 16 Siddiqi M. Libya: The Ultimate emerging market. – http://www.questia.com/library/IGl-303350093/libya-the-ultimate-emerging-market-after-years-of#article_Details
- 17 Dziadosz A. Neglect, tribalism, history fuel East Libya revolt. – <http://www.reuters.com/article/2011/02/23/us-libya-east-rebellion-dUSTRE71M6RM20110223>
- 18 Gumuchian M.-L. Two years on, Benghazi threatens «Another revolution» in Libya. – http://www.nbcnews.com/id/50659823/ns/world_news-europe/t/two-years-benghazi-threatens-another-revolution-libya/
- 19 The Forgotten victims of NATO strikes. – <http://www.amnesty.org/en/library/info/MDE/19/003/2012/en>; Libyan rebels may have committed war crimes, Report says. – http://www.cleveland.com/world/index.ssf/2011/09/libyan_rebels_may_have_committ.html_
- 20 Тунис: два года после революции 14 января. Пресс-конференция посла Республики Тунис в Российской Федерации Али Гутали. Москва, 11.01.2013 // сайт РИА Новости. – <http://www.press-ria.ru/pressclub/20130111/601230130.html>
- 21 Topping A., Stephen C. Britons kidnapped and sexually assaulted in Libya. – <http://www.guardian.co.uk/world/2013/mar/28/britons-kidnapped-sexually-assaulted-libya>
- 22 «...The Libyan government announced that it would give \$3,200 to married former fighters and \$1,773 to single ex-fighters to support them and honor their bravery. ...The main purpose of the cash scheme was to encourage rebels to join the official institutions of the state and hand in their weapons». – <http://www.hurriyetdaily-news.com/libya-halts-payments-to-former-rebels-due-to-widespread-fraud.aspx?pageID=238&nid=18091>; «... Prime Minister Ali Zeidan has said the authorities had

- granted all the demands of those wounded in the eight-month conflict, offering a minimum income of 3,500 Libyan pounds (\$2,750) a month as well as housing and a car». – <http://www.middle-east-online.com/english/?id=57344>
- ²³ <http://edition.cnn.com/2012/05/08/world/africa/libya-violence>
- ²⁴ См.: сн. 3.
- ²⁵ Spencer R. Libya's liberation: interim ruler unveils more radical than expected plans for Islamic law. – <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/8844819/Libyas-liberation-interim-ruler-unveils-more-radical-than-expected-plans-for-Islamic-law.html>
- ²⁶ Draft Constitutional Charter... Article (4), 2011, p. 3.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Mekhennet S. For women in Libya, a long road to rights. – http://www.nytimes.com/2011/11/23/world/middleeast/23iht-letter23.html?pagewanted=all&_r=0
- ²⁹ Michael M. Libyan women face Islamist rise since the Gaddafi fall – <http://news.yahoo.com/libya-women-face-islamist-rise-since-gadhafi-fall-200717147.html>
- ³⁰ Campbell L. Iraq's election was free and fair. – http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/03/30/iraqs_election_was_free_and_fair
- ³¹ ElmaaziA. Analysis: Libya is at the Crossroads: the choice between exclusion and inclusion. – <http://www.tripoliost.com/article-de-tail.asp?c=l&i=10078>; Flick M. Libya's 'Political isolation law' generates controversy. – <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/02/libya-isolation-law-debaathification-qaddafi-era.html>
- ³² <http://www.reuters.com/article/2013/02/15/us-libya-anniversary-idUSBRE91E0M020130215>
- ³³ Махмуд Джибриль: «Ливия – это одна страна, одно государство, и если будет представлена возможность, мы, конечно, сделаем всё, чтобы создать конкурентоспособную экономику, с огромным наличием рабочих мест». – <http://www.pressria.ru/pressclub/20130228/601427897.html>
- ³⁴ Пресс-конференция министра иностранных дел Йемена Абу Бакра Аль-Кирби. Москва 3.04.2013 // сайт РИА Новости. – <http://pressria.ru/media/20130403/601551153.html>
- ³⁵ Махмуд Джибриль: «Прежде всего, наличие оружия, распространение вооруженных группировок и опасность распада Ливии, – я считаю, что такие опасения часто распространяются за рубежом, когда вы смотрите извне на те процессы, которые происходят у нас внутри». – См.: сн. 33.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Verkaik R., Jones B., Rose D. Secret documents reveal MI5 agents betrayed Libyan dissidents to Gaddafi spies in London rendezvous just 700 yards from Harrods. – <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2133276/MI5-betrayed-Libya-dissidents-Gaddafi-spies-London-sting-Secret-documents-exposed-MoS-trigger-political-storm.html>
- ³⁸ «...In the chaos since the fall of Muammar Gaddafi in 2011, Libya's vast desert south has become a smuggling route for weapons which have reached al Qaeda militants deeper in the Sahara» – <http://www.reuters.com/article/2013/04/13/us-libya-arrests-idUSBRE93C0C820130413>
- ³⁹ <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2013/01/28/a-perverse-nostalgia-for-gaddafi-takes-hold-in-the-west.html>

«Азия и Африка сегодня», М., 2013 г., № 9, с. 37–41.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

З. Левин

(ИВ РАН)

ПРОБЛЕМА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАСПОРЫ

Сначала констатируем: у людей разной культуры разные взгляды на мир, и для сосуществования людей разной культуры нужен их связующий фактор. Единственным условием, делающим возможным мирное сосуществование народов, является наличие общности интересов в широком смысле слова. Европа говорит о провале политики мультикультурализма, Д. Медведев – о будущем России как страны максимальной толерантности. Так что же – провал, или – да здравствует принцип многообразия культур? Давайте разберемся.

Следует различать процессы взаимодействия культур на глобальном и локальном уровне. Объективно-исторический процесс глобализации – интернационализации производительных сил, потребностей, потребления необратимо в силу не знающего границ взаимодействия между народами ведет к синтезированной планетарной культуре (цель, бесконечно далекая). Практически же мультикультурализм на планете будет существовать, пока существуют этнические массивы. Тем более что интеграционному потенциалу глобализации и осознанию народами мира общности интересов противостоит мощный потенциал дезинтеграции – умножение и обострение конфликтов на почве столкновения интересов: финансово-экономических, корпоративных, этнонациональных, религиозных... Причина состоит в резком несоответствии темпов развития элементов «триады» социума – производительные силы, производственные отношения и общественное сознание – в планетарном масштабе. Темпы перемен в общественных отношениях, тем более в общественном сознании, несизмеримы с темпами, заданными технологической революцией века глобализации:

нужно время, чтобы преодолеть инертность сложившихся отношений и сознания. Особенно на Востоке. Иначе, хотя мир становится всё более взаимосвязанным и взаимозависимым, он останется расколотым, конфликтным и неравным.

Процесс культурной интеграции протекает также и в странах с многоэтничным населением, но неизмеримо быстрее уже только в силу территориальной ограниченности государства, относительно небольшого в планетарных масштабах населения и осознания народом наличия общих интересов. Особенно в так называемых «идеологических государствах», возникших на базе идеологической конструкции (коммунистической в СССР, сионистской в Израиле, мусульманской в Пакистане). При этом в многоэтничных странах культуры этнических меньшинств испытывают мощное влияние культуры господствующего этноса, в результате чего, сохранив этническую идентичность, они, как правило, утрачивают те элементы этнической специфики, которые затрудняют их существование в многоэтничной среде. Большего политика мультикультурализма не допускает, потому что замкнутость этнокультурных групп сдерживает интеграционные процессы в государствах-нациях. Об этом свидетельствует, в частности, обеспокоенность Европы в связи с чрезмерным ростом численности иммигрантов.

В связи с этим, я позволю себе высказать некоторые соображения по поводу конфликтогенного потенциала диаспор – замкнутых социальных образований.

Десять лет тому назад вышла в свет моя книга «Менталитет диаспоры». Я хотел понять, как чувствует себя человек в эмиграции, почему менталитет диаспоры складывается так, а не иначе? И уже тогда было очевидно, что сосуществование диаспоры и ее принимающего общества чревато конфликтом. Еще в 1996 г. Вашингтонское референтское бюро опубликовало обзор «Международная миграция: Глобальный вызов» (Менталитет 7). В Европе ныне не менее 15 млн мигрантов. Диаспоры стали органичной частью принимающего общества, приучают его видеть в них естественный и даже необходимый элемент. Хотя отношения между ними, что очевидно, имеют много оттенков от добрососедства до плохо скрываемого антагонизма. Их разделяет, во всяком случае, оппозиция «свой – чужой». У диаспор – своя организация, сфера услуг (врачи, адвокаты, священнослужители, торговля), своя духовная надстройка (традиции, историческая память, культура).

Притом что отношения между иммигрантами и обществом основаны на взаимной заинтересованности, у иммигрантов имеет-

ся свой объединяющий их интерес, не всегда совпадающий с интересами принимающего общества. И хотя у диаспоры и принимающего общества цель одна – самосохранение, но у общества – сохранение стабильности и самобытности, у диаспоры – вопрос жизни и смерти. В столкновении интересов заключен потенциал конфликта – осложнения отношений между сторонами. Иммигранты не составляют проблемы для общества-реципиента, пока они малочисленны, представляют собой аморфную совокупность индивидов и пока идет процесс структуризации диаспоры, ее превращения в социальный организм по мере роста их численности. На этом этапе сосуществования иммигрантов и принимающего общества последнее, как правило, вынуждает их служить своим интересам, действовать так, а не иначе, оставляя иммигрантам преимущественно ту часть жизненного пространства, которая не занята коренными жителями.

Общество, принимающее иммигрантов, обычно терпимо по отношению к ним, пока они не становятся причиной социальной напряженности. Рост численности иммигрантов (легальных и нелегальных), несмотря на все ограничительные меры, создает для страны-реципиента трудности, связанные с проблемами их социальной адаптации, возникающими, прежде всего, вследствие конкуренции на рынке труда, дискриминации по этническим мотивам, проявления расовых предубеждений. Под влиянием диаспор на глазах меняется демографическая и конфессиональная структура и, отчасти, – культурный климат Запада. По мере укрепления положения диаспоры в стране проживания она все активнее выступает как социальный и политический актор в борьбе за привилегии, право на культурную и конфессиональную индивидуальность, что порою неприемлемо для общества и усиливает социальную напряженность.

Достаточно напомнить о бесчинствах маргинальной, страдающей от безработицы североафриканской молодежи во Франции в 2005 г., о трудностях, возникших для французского истеблишмента в конце 80-х годов в связи с запретом ученицам-мусульманкам носить традиционный платок.

Конфликты, связанные с иммигрантами, вызывают на Западе, этом полюсе внешних миграций, куда устремляются люди в поисках работы, в погоне за счастьем, серьезные опасения. Всё чаще говорят об угрозе «азиатизации», «позеленения», т.е. исламизации Европы, о провале политики ассимиляции и мультикультурализма – свободного развития этнической культуры в эмигра-

ции. Рост численности иммигрантов, легальных и нелегальных, несмотря на все ограничительные меры, создает для страны-реципиента трудности, связанные с проблемами их социальной адаптации. Под влиянием диаспор на глазах меняется демографическая и конфессиональная структура, отчасти – культурный климат Запада. Избегая оценочных суждений, я позволю себе высказать некоторые соображения о конфликтогенном потенциале диаспор.

Диаспорой принято считать часть этноса, живущего за пределами страны своего происхождения. Это преимущественно люди, гонимые нуждой, в поисках более или менее приличной жизни или политическая эмиграция. Принимающее иммигрантов общество обычно заинтересовано в них или, по крайней мере, относится к ним безразлично, пока их пребывание не создает проблем. Для него диаспора – чужеродный элемент, генетически иное социальное образование. Их разделяет, во всяком случае, грань между коллективным сознанием общества-реципиента и диаспоры: оппозиция «свой – чужой». Хотя отношения между ними, что очевидно, имеют много оттенков – от добрососедства до плохо скрываемого антагонизма. Иммигранты внесли неоценимый вклад в развитие североамериканской и восстановление западноевропейской экономики после второй мировой войны. Иностранные рабочие на пороге третьего тысячелетия составляли примерно 10% активного населения Западной Европы¹. Они стали органичной частью принимающего общества, приучают его видеть в них естественный и даже необходимый элемент. Жизненная задача иммигранта – адаптация в условиях чужой страны. Это трудный и болезненный процесс сокращения культурной дистанции, разделяющей иммигранта и автохтонное население. Диаспора держится особняком, хотя отношения между иммигрантами и обществом основаны на взаимной заинтересованности. У диаспоры свой, объединяющий ее интерес, не всегда совпадающий с интересами реципиента. Поэтому что, хотя у диаспоры и принимающего общества цель одна – самосохранение, но у диаспоры – это вопрос жизни и смерти, у принимающего общества – сохранение стабильности и самобытности. В столкновении интересов заключен потенциал конфликта – осложнения отношений между сторонами, что, впрочем, обычно не приводит к изгнанию «пришельцев». Напряженность возникает,

¹ Вопросы истории. 1998, № 9. С. 72.

прежде всего, вследствие конкуренции на рынке труда, дискриминации по этническим мотивам, проявления расовых предубеждений... Для коренного жителя иммигрант – чужой, и дважды чужой, если он азиат или африканец.

Проблемы для принимающего общества начинаются тогда, когда пребывание иммигрантов становится причиной социальной напряженности, когда зрелая диаспора обретает серьезное влияние в экономической, культурной, политической жизни страны и требует учитывать ее специфические интересы. Численность легальных и нелегальных иммигрантов преимущественно из стран Азии, Африки и Латинской Америки в евроатлантическом мире стремительно возрастила с 60-х годов прошлого столетия. Согласимся с французским футурологом Жаком Аттали, назвавшим это «переселением народов». Если на первом этапе иммигрантской истории в принимающем обществе преобладают недоверие и даже враждебность к чужаку, и иммигрант может рассчитывать только на собственные силы в борьбе за выживание, то в структурированной общине-анклаве он в известной мере находится под защитой коллектива, стоящего на страже диаспорального интереса. По мере укрепления положения диаспоры в стране проживания она всё активнее выступает как социальный и политический актор в борьбе за привилегии, право на культурную и конфессиональную индивидуальность, что порою неприемлемо для общества и усиливает социальную напряженность.

Степень конфликтности в отношениях «иммигрант–абориген» зависит как от характера диаспоры, так и от политики и социального климата в принимающей стране. Обычно, чем тяжелее условия жизни для иммигрантов, тем более значима для них диаспора как социальная структура, способная помочь при необходимости, тем теснее ее сплоченность, подчас принуждающая диаспору к самоизоляции. У иммигрантов развивается комплекс неполноценности, чувство отчуждения, что затрудняет процесс адаптации. И наоборот, чем благоприятнее среда обитания для иммигранта, тем менее значима для него поддержка диаспоры, тем теснее его общение с коренным населением, легче интеграция.

Иммиграционная политика стран-реципиентов – величина переменная. Высокая степень терпимости к иным религиям и народам, которой гордится Запад, существенно снижается, как только отпадает острая нужда в трудовых ресурсах, возникают проблемы с обеспечением социальных гарантий иммигрантам, терпят неудачу попытки их интеграции путем ассимиляции или в

рамках политики мультикультурализма в атмосфере доходящего порой до ксенофобии и фанатизма недоброжелательства в отношении иммигрантов в силу социальных и политических причин.

Это относится, прежде всего, к выходцам из стран Азии и Африки, составляющим подавляющее число иммигрантов в Европе и значительную часть обездоленных социальных низов. Согласно социологическим исследованиям, опубликованным в 1997 г., ксенофобией заражены в Германии 34% населения, в Бельгии – 55, во Франции – 38, в Англии – 32%¹.

Так, на мой взгляд, можно представить в общих чертах проблему конфликтного потенциала диаспоры.

В условиях глобализации она становится все более сложной. Массовым явлением стало территориальное и трансграничное перемещение людей, появилось мировое, не знающее границ, информационное пространство. Это придало мощный импульс политизации общественного сознания в развивающемся мире. Разочаровывающий опыт национальных государств, оказавшихся неспособными решить основные жизненно важные проблемы, демонстрационный эффект контраста между условиями жизни «золотого миллиарда» и народов Азии и Африки, демократизация образования и прочее из того же ряда, а всего больше – экспансия западной культуры, привели к раскрепощению общественной мысли афро-азиатских народов. У них ощущение своей второсортности, кажется, сменилось осознанием второсортности, и гражданская, культурная, этническая, религиозная идентичность становится для них формой осознания собственной значимости. Они хотят жить по своим правилам.

Всё это оказывается и на диаспоре. Глобализация не меняет основных характеристик жизни диаспор. Сосуществование иммигрантов и принимающего общества по-прежнему основано на взаимном интересе. Но они, по-видимому, уже не столь активно добиваются интеграции в социум страны проживания в русле ассимиляции, и политика мультикультурализма не привела к «размыванию» диаспор. Иммигрантская молодежь второго, да и третьего поколения всё чаще открыто демонстрирует приверженность культуре, интерес к событиям на исторической родине. Диаспоры все настойчивее добиваются права участвовать в общест-

¹ Новая газета. 29. 09. 1991.

венной и политической жизни страны-реципиента. Впрочем, проблема «диаспора и глобализация» ждет своего исследователя.

Особенной чертой иммиграции в Европе стало преобладание в ней составляющих до 10% населения выходцев из мусульманских стран. Так распорядилась судьба. Западная Европа – естественный центр притяжения для эмигрантов из ее бывших колоний и зависимых стран на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Индии, подобно тому как Юго-Восточная Азия – для китайцев, США – для латиноамериканцев. Это всё больше мусульманские страны. Процесс интеграции эмигрантов – взаимной «притирки», сокращения социокультурной дистанции, разделяющей их и коренных жителей, связан, повторюсь, с немалыми трудностями. Поэтому что в эмиграции, как ни где, сталкиваются плохо совместимые социокультурные традиции Запада и Востока. При прочих равных условиях человек сравнительно легко адаптируется в культурно родственной для него среде: египтянину проще интегрироваться в общество любой арабской страны, чем англичанину, человеку иной культуры. В его менталитете уже имеются все или почти все механизмы, способные адекватно реагировать на перемены жизненных условиях. И наоборот, чем больше такая дистанция, тем труднее человеку приспособиться к новым условиям жизни. Особенно когда речь идет о мусульманах.

Приверженность исламу в глазах местного населения стала родовым знаком подавляющей части мигрантов из мусульманских стран. Для него они сначала – мусульмане, а уже потом турки, алжирцы, арабы, берberы, пакистанцы или афганцы. Впрочем, так же, как и для самого мусульманина. Всё дело в том, что одной из аксиом исламской доктрины является положение о нераздельности при неслияности священного и мирского. Так что ислам стал для верующих поистине образом жизни, а вероисповедная общность, как правило, – выше любой другой общности. В этом уникальность ислама. Религиозная вера и социально ориентированная идеология в мусульманском обществе замкнуты кольцом взаимозависимости, что придает силу вере и стойкость идеологии. Мусульмане воспринимают как покушение на веру всякое ущемление мусульман, а оскорбление святынь – как вызов в мусульманской общине. Напомню о казусе Салмана Рушди, автора нашумевшей книги «Сатанинские стихи», о карикатурах на Пророка Мухаммада в датской газете, вызвавших бурную реакцию в мусульманском мире. Этим во многом обусловлен успех исламистской пропаганды в иммигрантской среде.

Поскольку ислам формулирует и узаконивает принятые в обществе понятия добра и зла, постольку религия была и остается мощным фактором манипулирования общественным сознанием. Особенно потому, что она предлагает верующему свои модели выхода из тупиков социально-экономического духовного кризиса, определяя в значительной степени его социальное и политическое поведение. У иммигрантов естественно находят отклик события, происходящие в стране исхода. Они болезненно реагируют на западный политический диктат, гегемонию в финансово-экономическом и культурном пространстве, что стимулирует процессы «азиатизации Азии», исламизации и реисламизации общественной жизни в мусульманских странах.

Среди мусульманских диаспор на Западе растет влияние исламистов. Исламизм – это глобальный геоцентрический проект с идеей провиденциальной избранности мусульман и спасения человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации. Все нынешние беды мусульман исламисты относят на счет того, что те перестали строго следовать Корану, на счет несущей угрозу исламским духовным ценностям экспансии западной потребительско-материалистической цивилизации, распространения в мусульманском мире материалистических идеологий, «безбожных» западных норм морали, западного принципа отделения религии от политики, прозападных ориентаций правителей мусульманских стран.

Успеху исламистской пропаганды способствует предельно простая, доступная сознанию рядового мусульманина, обычно не знающего тонкостей исламской доктрины, исламистская формулировка ее сути: шариат – это богом установленный закон социальной жизни; всё, что не соответствует шариату – это отклонение от истинного пути, зло, которое должно быть пресечено во имя торжества добра и справедливости на земле. Риторика исламистов, преимущественно антizападного и антисекуляристского содержания, призыв защитить ислам от враждебности западного мира, встречает отклик у части протестного мусульманского населения. Чем больше люди теряют веру в возможность добиться справедливости, как они ее понимают, мирными средствами, чем больше конфликтов, сторонами которых выступают мусульмане и немусульмане, тем больше растет влияние радикальных исламистов.

Исламизм, порожденный детонацией кризисной ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке во второй половине XX в., а также вследствие сочетания уникальных экономических и полити-

ческих факторов с феноменальной спецификой ислама, созвучен протестным настроениям части мусульман, как образованных, так и малограмотных, как горожан, так и жителей сельских районов, как интеллигенции, так и социальных низов, людей самых разных взглядов левого и правого толка, решительных антizападников и умеренных, доброжелательно настроенных к Западу, выступающих лишь против эксцессов западного экспансионаизма, и религиозных экстремистов.

Исламисты стараются, и, кажется, не без успеха, перевести протест мусульман против издержек модернизации и глобализации на уровень столкновения мусульманской и христианской цивилизации. В этом состоит особая опасность радикализма, ведущего «священную войну» во имя возрождения исламского халифата и установления мирового господства шариата, для нашего нестабильного мира, поскольку ислам исповедует едва ли не шестая часть человечества.

Можно, конечно, решительно отрицать саму возможность судьбоносного для человечества межцивилизационного конфликта, но нельзя пройти мимо обеспокоенности Запада в связи с растущим влиянием мусульман в евроатлантическом мире, и опасения, что европейская культура может быть «поглощена» культурой мусульманской. Активность исламистов, которые в условиях западных демократий ведут враждебную Западу пропаганду, вызвал резкий рост антиисламских настроений. Западное общественное мнение по большей части считает, что экстремизм и терроризм органически присущи исламу. И это происходит на фоне разгула в мире исламистского экстремизма и терроризма.

Напряженность в отношениях Запада с мусульманским миром достигла такой степени, что, комментируя итоги «десетилетия нулевых», авторитетный российский экономист и социолог Вл. Иноземцев, перечисляя наиболее серьезные задачи, стоящие перед миром, поставил первым вопрос о том, «сможет ли Запад выстроить сбалансированные отношения с исламским миром»¹.

Терпимость европейцев, по-видимому, на исходе. Призывы европейских националистов защитить Европу от исламизации находят положительный отклик у части общественности. В. Речкалов, обозреватель «Московского комсомольца», в связи с направленным против марксизма и «мусульманского господства»

¹ Московский комсомолец. 29. 12. 2010

двойным терактом в Норвегии 22 июля 2011 г., пишет, не стесняясь в выражениях: «Европа получила по своей толерантной морде. И не от “Аль-Каиды”, а от собственного гражданина Андерса Беринга Брейвика, который, без сомнения, уже стал героем для тысяч и тысяч нацистов»¹.

Итак, при том, что нормой для отношений между диаспорами и принимающим обществом остается режим сосуществования во взаимопонимании, по мере роста и структуризации иммиграントских общин, организации коллективных действий они всё настоячивей требуют, чтобы общество учитывало их специфический интерес, что всё чаще создает для него конфликтные ситуации и трудноразрешимые проблемы.

«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации», М., 2012 г., с. 163–170.

**М.-С. Магомедов, П. Магомедова,
(Пятигорск)**

**МЕСТО ШАРИАТА И АДАТА В ИСЛАМЕ,
ИХ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ**

Ислам – это не только определенное религиозно-этическое учение. Это особая культура, цивилизация, образ жизни. Формирование такого образа жизни, регулирование различных ее сторон осуществляются шариатом. В переводе с арабского «шариат» означает «путь», «следование». По утвердившемуся в исламской литературе мнению, шариат определяется как совокупность обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных им через Пророка.

Шариат – это тщательно разработанный кодекс поведения, или канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношение мусульманина к Богу, к обществу в целом и к человеку в частности. Шариат нельзя отождествлять с мусульманским правом. В действительности шариат шире – он охватывает жизнь и деятельность мусульманина от колыбели до могилы. В шариате

¹ Московский комсомолец. 23.06. 2011.

освещаются как светские, так и религиозные проблемы. В нем сведены в единую систему законы, регулирующие хозяйственную жизнь, нормы морали и этики, мусульманские обряды, праздники и многое другое. Источниками шариата и мусульманского права являются Коран, Сунна, иджма и кияс.

Что касается статуса адата в исламе, то по этому вопросу имеются противоречивые мнения. Адат – это неписанный закон, основанный на обычном праве, в котором отразились нормы доисламских правовых комплексов и реалии правовой жизни, не отраженные шариатом. Поскольку адаты – это обычаи и местные традиции народов, то соотносить и проводить параллель между адатом и шариатом невозможно. Некоторые ученые мусульманского мира настаивают на вытеснении адата шариатом, а некоторые правоведы отводят адату определенную роль в регулировании общественных отношений, оговаривая, что адаты не должны противоречить шариату. Адаты, противоречащие исламскому праву, попадают в разряд отвергнутых.

В Коране даже содержится указание прибегать к дозволенному шариатом обычайю как к способу решения отдельных вопросов. Например, в суре 2, аяте 234 сказано: «А на том, у кого родился ребенок, лежит обязанность обеспечивать пропитание согласно обычайю... А если вы пожелаете просить выкормить ваших детей, то нет греха над вами, если вы вручите то, что даете согласно обычайю».

Обычай как таковой не отвергается исламом. При этом адат не должен канонизироваться (как часто, к сожалению, бывает) и его предписания не могут носить абсолютного характера. В основе правильного адата – соответствие шариату и здравому смыслу.

В более поздние доисламские времена существовали обычайи, противоречащие нравственным нормам и здравому смыслу, как, например, закапывание новорожденных девочек. А у древних булгар, судя по описанию ученого Ибн Фадлана, у мужчин и женщин была привычка купаться в реке в неприглядном виде, не допуская, однако, чего-то лишнего. Естественно, что такие обычайи вступали в прямое противоречие с исламским образом жизни, в результате чего они постепенно были искоренены.

Но среди адатов были и не противоречащие исламу обычайи, которые были сохранены и имеют место до сих пор. Таковым, к примеру, является ношение чадры (или никаба). Возможно, для кого-то это станет открытием, но это действительно так – ношение чадры не является обычаем, привнесенным исламом. Стоит заме-

тить, что данный обычай был характерен для многих народов, включая и европейские, наглядным примером чего является вуаль. Что касается арабов, то ношение никаба также присутствовало в традиции этого народа. После прихода Пророка Мухаммада (мир ему и благословение!) женщины не стали поголовно закрывать свое лицо. Напротив, в некоторых случаях Пророк Мухаммад (мир ему и благословение!) говорил о необходимости открытия лица, например, когда женщина совершает молитву, выступает в качестве свидетеля или заключает какой-нибудь договор. Покрывать голову мусульманке – не обычай, а обязанность по шариату.

Ислам не предписывает закрывать лицо женщины, но одновременно с этим и не запрещает ей это, при одном условии – если женщина сама этого желает, поскольку в исламе не предусмотрено обязательное соблюдение этой национальной традиции.

Возвращаясь к адатам, нельзя не отметить, что порой некоторые мусульмане за Сунну принимают сугубо национальные арабские обычаи. Например, ношение элементов арабской мужской одежды, таких как обручи с платками, является адатом. И хотя некоторые арабские обычаи максимально приближены к Сунне, тем не менее многие из них являются продуктами национальной арабской традиции.

Несомненно, что часть практикуемых сегодня обычаем являются несовершенными, в связи с чем их соблюдение является либо предосудительным, либо бесполезным. Как уже было сказано выше, в основе адата должен лежать принцип соответствия шариату и здравому смыслу. Если обычай противоречит закону Аллаха, он отвергается сразу, точно так же, если он со временем утратил реальную основу в жизни ввиду изменившихся условий, следует от него отказаться, а не превращать в пустую формальность. С другой стороны, при осмыслиении, а вернее переосмыслинии некоторых адатов многие из них можно наполнить новым, исламским, монотеистическим содержанием, приведя их, таким образом, в соответствующее положение. Например, почти в каждой стране, включая мусульманские, существует праздник, связанный с датой обретения независимости. Несомненно, что ни во времена Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), ни во времена праведных халифов такого праздника не существовало. Однако даже в Саудовской Аравии эта дата отмечена красным цветом, поскольку данный день несет в себе патриотическое содержание и ни в коей мере не противоречит духу ислама. Здесь также необходимо отме-

тить, что в современном виде адат не остался неизменным, а испытал широкое и многогранное влияние ислама.

Противоречия между шариатом и адатом заключаются в том, что обе системы права регулируют одни и те же отношения, только адат – из области практики, а шариат – как божественный закон.

В шариате есть правило, которое гласит: «Не запрещается изменение нормы с изменением времени». (Это касается бытовых вопросов, а не религиозных.) Пророк Мухаммад (мир ему и благословение!) в начале своей пророческой миссии запрещал посещать могилы, боясь, что люди могут обожествлять или поклоняться усопшим. А когда вера окрепла в их сердцах и сознании, он сказал: «Раньше я запрещал вам посещать могилы, а теперь посещайте их, ибо они напоминают вам о будущей жизни (ахирате)».

Шариат также демонстрирует уважение к обычаям и традициям мусульман, которые должны учитываться при решении некоторых вопросов. Не случайно среди правовых принципов шариата выделяются те, в которых проводится эта идея: «Обычай имеет значение нормы», «То, что применяют люди, является критерием, которому надлежит следовать», «Установленное обычаем равносильно предусмотренному нормой права». Признание авторитета обычая есть и в хадисе (от Ибн Мас'уда): «То, что мусульмане считают хорошим, – то хорошо и перед Аллахом, а что они считают плохим – плохо и перед Аллахом».

Кто полагает, что в мусульманских странах всегда применялись и продолжают действовать лишь нормы, взятые непосредственно из шариата (Корана и Сунны), а всё остальное безусловно отвергается, тот глубоко заблуждается. На самом деле шариат и основанное на нем мусульманское право никогда не были единственным законом. В исламском мире всегда существовали самые различные традиции и обычаи.

В этой связи немаловажное значение приобретает вопрос о соотношении шариата и адата.

Как было отмечено выше, под адатом понимают обычай, правила поведения, принятые той или иной группой мусульман, утвердившиеся и действующие в определенном регионе распространения ислама и соблюдаемые главным образом в силу привычки. В качестве специального термина, употребляемого в научном исламоведении, адат означает обычай и традиции, регулирующие образ жизни мусульман наряду с шариатом. Теоретически шариатские принципы и нормы признаются обязательными

к исполнению и стоящими выше любых иных правил поведения, в том числе адата. Однако некоторые мусульманско-правовые толки рассматривают обычай в качестве одного из субсидиарных источников мусульманского права, не урегулированного Кораном и Сунной. В частности, они допускают широкое использование обычаев в торговых и иных сделках. Обычаи также играют заметную роль в регулировании брачно-семейных отношений мусульман, например при установлении брачного калыма.

Но в целом мусульманская правовая наука допускает использование адата лишь при условии его непротиворечия шариату. Вместе с тем на практике в жизни многих исламизированных народов продолжают преобладать обычая, которые не всегда совпадают с предписаниями ислама и нередко противоречат им. Более того, нормы шариата часто реализуются только тогда, когда становятся неотъемлемой частью местных обычаев и принимаются ими.

Адат широко действовал и в районах традиционного распространения ислама. Например, на Северном Кавказе адат по существу безраздельно господствовал в Дагестане и Чечне, где он представлял собой разветвленную систему социальных норм, основу которой составляли местные обычай преимущественно неисламского происхождения.

Адатом, сформировавшимся в доисламский период, пусть и негласно, отдавалось и отдается предпочтение перед шариатом, а национальным традициям и обычаям – перед нормами ислама. Большинство из них сложилось еще в условиях преобладания родоплеменных отношений и языческих верований. Причем жизнь относительно автономных горских обществ зачастую регулировалась собственными адатами, которые не были едиными для всего Северного Кавказа. О силе этих обычаев говорит тот факт, что даже утверждение здесь ислама не привело к полной замене их шариатом.

До Шамиля шариат действовал на Северном Кавказе в очень скромных рамках: он регулировал лишь исполнение сугубо религиозных обязанностей, а также до некоторой степени брачно-семейные и наследственные отношения, которые испытывали глубокое влияние адатов. Известно, например, что вопросы, связанные с наследованием, с общего согласия истца, ответчика и самого судьи нередко решались по адуату, но могли быть пересмотрены на основе шариата. Что же касается ответственности за правонарушения, прежде всего наиболее опасные, то она практически полностью определялась обычаями. В оправдание отхода от шариата в

этой области горцы часто ссылались на то, что ислам предусматривает слишком строгие наказания за некоторые преступления, которые по адату считались малозначительными.

В результате многие из адатов, веками применявшимися на Северном Кавказе (в частности, широко распространенный обычай кровной мести), не только не укладывались в рамки ислама, но и решительно им осуждались. Иными словами, адаты были основным препятствием, с которым в этом регионе сталкивался ислам.

Также в качестве примера можно привести обычай, распространенный и действующий по сей день среди карачаевцев, балкарцев, кабардинцев, черкесов, чеченцев и ингушей, – невозможность выходить замуж или жениться на однофамильцах или двоюродных братьях и сестрах, хотя это полностью противоречит закону шариата.

Еще в свои времена предшественники Шамиля – первые два имама Дагестана и Чечни Гази-Магомед и Гамзат-бек, – проповедуя шариат, стремились всячески ограничить действие обычаяев. Однако им так и не удалось серьезно изменить традиционный образ жизни горцев.

В свою очередь, Шамиль объективно оценивал силу обычаяев и отдавал себе отчет в том, что категорическое их отрицание не будет поддержано его соотечественниками и религиозными авторитетами. Он лучше других понимал, что адаты – не просто обычай, а стержень образа жизни горцев. Отказаться от них означало поколебать сложившиеся на протяжении веков традиционные формы общественных и личных связей, подорвать сами основы существования горских обществ. Единственной силой, способной потеснить адаты, был шариат. Но и его предписания могли претворяться в жизнь лишь при условии их тесного взаимодействия с обычаями.

Шамиль стремился вытеснить одни адаты при сохранении других. Некоторые обычай были модифицированы с учетом шариатских принципов. Так, вопрос, связанный с наследованием, согласно шариату уравнял в правах всех сыновей наследодателя, тем самым отменялся обычай, по которому с помощью завещания одни наследники по закону получали преимущество перед другими. Одновременно предусматривалось, что все споры о наследстве должны решаться исключительно по шариату, подробно регулирующему этот круг вопросов.

Шамиль настойчиво вытеснял адаты, противоречащие идеалам шариата и требованиям справедливости. В то время значительно сократилась сфера действия обычая кровной мести.

Традиционный уклад жизни горцев оказался очень прочным, и после падения имамата прежние обычаи быстро восстановили свои позиции. Но деятельность Шамиля как реформатора адатов не прошла бесследно для Северного Кавказа, накопившего за годы имамата богатый практический опыт борьбы с архаичными традициями, в результате чего через приобщение к мусульманской правовой культуре горцы приближались к усвоению идеи права.

В заключение хотелось бы отметить, что ислам никак не умаляет достоинства традиционной культуры того или иного этноса, а лишь аннулирует те народные традиции, которые противоречат законам Аллаха.

Великий ученый Абу Ханифа, в отличие от других правоведов ислама, считая Коран и изречения Пророка Мухаммада (мир ему и благословение!) – хадисы – главными источниками мусульманского права, требовал все аргументы перевести через разум (личное мнение юриста – (*ра'й*) и учитывать веления времени и местные обычаи.

Когда Абу Ханифу спросили: не достаточно ли того, чем ограничивались сподвижники Пророка Мухаммада, он ответил: «Конечно, было бы мне достаточно того, чем ограничивались они, если бы я жил в их эпоху. В мое же время происходит то, что не было при них». Великий имам Абу Ханифа был прав. В эпоху, когда жили Пророк Мухаммад и его сподвижники, ислам был распространен лишь на Аравийском полуострове. А Абу Ханифа жил в то время, когда под властью ислама были Египет, Иран, Испания, Сицилия и другие регионы – очаги древнейших цивилизаций, И Абу Ханифа требовал от мусульманских богословов и правоведов учитывать этот важный фактор местных условий.

«Взаимодействие государства и религиозных организаций в деле духовного просвещения и решения социальных проблем современного общества», Пятигорск, 2013 г., с. 62–63.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 10 (268)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 8/Х-2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 300 экз. Заказ № 128

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

